

2542-1840 (PRINT)
2541-9145 (ONLINE)

ВЕСТНИК

КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ГУМАНИТАРНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

BULLETIN OF KEMEROVO STATE
UNIVERSITY. SERIES: HUMANITIES
AND SOCIAL SCIENCES

VESTNIK KEMEROVSKOGO
GOSUDARSTVENNOGO UNIVERSITETA.
SERIIA: GUMANITARNYE
I OBSHCHESTVENNYE NAUKI

ТОМ 7 № 3
2023

Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки – национальный научный рецензируемый журнал.

Издается с 2017 года. Выходит 4 раза в год.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых журналов Высшей аттестационной комиссии РФ. Журнал относится к категории К2 в соответствии с информационным письмом Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России от 6 декабря 2022 г. № 02-1198 «О категорировании Перечня рецензируемых научных изданий».

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов.

Плата за публикацию не взимается. Журнал издается за счет средств Кемеровского государственного университета.

Все научные статьи, соответствующие требованиям журнала, проходят двойное слепое рецензирование.

Сведения о политике журнала, правила для авторов, архив полнотекстовых выпусков размещены на сайте издания: <https://vestnik-hss.kemsu.ru>

Журнал включен в базы данных: Dimensions, EBSCO, ErichPlus, Scilit, РИНЦ, Соционет.

Статьи распространяются на условиях лицензии CC BY 4.0 International License.

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77-67379. Выдано Роскомнадзором.

ISSN 2542-1840 (print); 2541-9145 (online).

Подписной индекс в интернет-магазине периодических изданий «Пресса по подписке» – 94232.

Учредитель, издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет».

Адрес учредителя, издателя: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6; +7(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Адрес редакции: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6; +7(3842)55-87-61; j.juredu@yandex.ru

Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences is a Russian scientific peer-reviewed.

Founded in 2017. Published 4 times a year.

The Bulletin is on the Russian List of Leading Peer-Reviewed Journals recommended by the Higher Attestation Commission of the Russian Federation. The journal is included in the K2 in accordance with the information letter of the Higher Attestation Commission under the Ministry of Education and Science of Russia dated December 6, 2022 No. 02-1198 "On the category of the list of reviewed scientific publications".

Opinions expressed in the articles published in the Bulletin are those of their authors and may not reflect the opinion of the Editorial Board.

The Bulletin is funded by Kemerovo State University. Authors do not have to pay any article processing charge or open access publication fee.

All manuscripts undergo a double-blind review.

For more information about our publishing politics, instructions for authors, and archives of full-text issues, please visit our website: <https://vestnik-hss.kemsu.ru>

The journal is registered in the following databases: Dimensions, EBSCO, ErichPlus, Scilit, RSCI, Socionet.

The articles are distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License.

Certificate of registration: PI no. FS 77-67379. Registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications.

ISSN 2542-1840 (print); 2541-9145 (online).

Subscription indices: 94232 – in the online-store of periodicals "Press by subscription".

Founder and publisher: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kemerovo State University".

Address of the founder and publisher: 6, Krasnaya St., Kemerovo, Kemerovo region (Kuzbass), Russia, 650000; +7(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Editorial Office Address: 6, Krasnaya St., Kemerovo, Kemerovo region (Kuzbass), Russia, 650000; +7(3842)55-87-61; j.juredu@yandex.ru

16+

Морозова Ирина Станиславовна

главный редактор, д-р психол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Irina S. Morozova, Editor-in-Chief, Dr.Sci. (Psychol.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Трезубов Егор Сергеевич

зам. главного редактора, канд. юрид. наук, КемГУ (Кемерово, Россия).

Egor S. Trezubov, Deputy Editor-in-Chief, Cand.Sci. (Law), Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Редакционная коллегия / Editorial board

Абросимова Елена Антоновна

д-р юрид. наук, доцент, МГУ
им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия).

Elena A. Abrosimova, Dr.Sci. (Law), Ass. Prof.,
Lomonosov Moscow State University
(Moscow, Russia).

Агавелян Рубен Оганесович

д-р психол. наук, проф., НГПУ (Новосибирск,
Россия).

Ruben O. Agavelyan, Dr.Sci. (Psychol.),
Prof., Novosibirsk State Pedagogical University
(Novosibirsk, Russia).

Алмазова Анна Алексеевна

д-р пед. наук, доцент, МПГУ (Москва, Россия).

Anna A. Almazova, Dr.Sci. (Ed.), Ass. Prof.,
Moscow Pedagogical State University (Moscow,
Russia).

Аничкин Евгений Сергеевич

д-р юрид. наук, доцент, АлтГУ (Барнаул,
Россия).

Evgeniy S. Anichkin, Dr.Sci. (Law), Ass. Prof.,
Altai State University (Barnaul, Russia).

Ахметова Дания Загриевна

д-р пед. наук, проф., КИУ (Казань, Россия).

Daniya Z. Akhmetova, Dr.Sci. (Ed.), Prof.,
Kazan Innovative University (Kazan, Russia).

Бабурин Сергей Николаевич

д-р юрид. наук, проф., ИГП РАН (Москва,
Россия).

Sergey N. Baburin, Dr.Sci. (Law), Prof.,
The Institute of State and Law of The Russian
Academy of Sciences (Moscow, Russia).

Брановицкий Константин Леонидович

д-р юрид. наук, доцент, УрГЮУ (Екатеринбург,
Россия).

Konstantin L. Branovitsky, Dr.Sci.
(Law), Ass. Prof., Ural State Law University
(Ekaterinburg, Russia).

Веряев Анатолий Алексеевич

д-р пед. наук, проф., АлтГПУ (Барнаул,
Россия).

Anatoliy A. Veryaev, Dr.Sci. (Ed.), Prof.,
Altai State Pedagogical University (Barnaul,
Russia).

Воркачев Сергей Григорьевич

д-р филол. наук, проф., КубГТУ (Краснодар,
Россия).

Sergey G. Vorkachev, Dr.Sci. (Philol.), Prof.,
Kuban State Technological University (Krasnodar,
Russia).

Гаврилов Станислав Олегович

д-р ист. наук, канд. юрид. наук, проф., КемГУ
(Кемерово, Россия).

Stanislav O. Gavrilov, Dr.Sci. (Hist.), Cand.Sci.
(Law), Prof., Kemerovo State University
(Kemerovo, Russia).

Грицков Юрий Викторович

д-р филос. наук, проф., СФУ (Красноярск,
Россия).

Yuriy V. Gritskov, Dr.Sci. (Philos.), Prof.,
Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia).

Гусев Алексей Николаевич

д-р психол. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова
(Москва, Россия).

Aleksey N. Gusev, Dr.Sci. (Psychol.), Prof.,
Lomonosov Moscow State University
(Moscow, Russia).

Жданова Светлана Юрьевна

д-р психол. наук, доцент, ПГНИУ (Пермь,
Россия).

Svetlana Yu. Zhdanova, Dr.Sci. (Psychol.),
Ass. Prof., Perm State University (Perm, Russia).

Жукова Ольга Ивановна

д-р филос. наук, проф., КемГУ (Кемерово,
Россия).

Olga I. Zhukova, Dr.Sci. (Philos.), Prof.,
Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Золотухин Владимир Михайлович

д-р филос. наук, проф., КузГТУ (Кемерово,
Россия).

Vladimir M. Zolotukhin, Dr.Sci. (Philos.), Prof.,
Kuzbass State Technical University (Kemerovo,
Russia).

Калашникова Марина Борисовна

д-р психол. наук, проф., НовГУ (Великий
Новгород, Россия).

Marina B. Kalashnikova, Dr.Sci. (Ed.), Prof.,
Novgorod State University (Velikiy Novgorod,
Russia).

Каменева Вероника Александровна

д-р филол. наук, проф., КемГУ (Кемерово,
Россия).

Veronika A. Kameneva, Dr.Sci. (Philol.), Prof.,
Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Ким Юрий Владимирович

д-р юрид. наук, проф., КемГУ (Кемерово,
Россия).

Yuriy V. Kim, Dr.Sci. (Law), Prof., Kemerovo
State University (Kemerovo, Russia).

Кощеев Константин Леонидович

специальный редактор, Арбитражный суд Кемеровской области (Кемерово, Россия).

Konstantin L. Koshcheev, special ed., Arbitration court of Kemerovo region (Kemerovo, Russia).

Красиков Владимир Иванович

д-р филос. наук, проф., ВГУЮ (РПА Минюста России) (Москва, Россия).

Vladimir I. Krasikov, Dr.Sci. (Philos.), Prof., All Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia) (Moscow, Russia).

Курдуманова Ольга Ивановна

д-р пед. наук, проф., ОмГПУ (Омск, Россия).

Olga I. Kurdumanova, Dr.Sci. (Ed.), Prof., Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russia).

Лясковска Катаржина

д-р права (habil), проф., Белостокский университет (UwB, Белосток, Польша).

Katarzyna Laskowska, Dr. hab. (Law), Prof., University of Białystok (UwB, Białystok, Poland).

Мардахаев Лев Владимирович

д-р пед. наук, проф., РГСУ (Москва, Россия).

Lev V. Mardakhaev, Dr.Sci. (Ed.), Prof., Russian State Social University (Moscow, Russia).

Московченко Ольга Никифоровна

д-р пед. наук, проф., КГПУ им. В. П. Астафьева (Красноярск, Россия).

Olga N. Moskovchenko, Dr.Sci. (Ed.), Prof., V. P. Astafyev Krasnoyarsk State Pedagogical University (Krasnoyarsk, Russia).

Невзоров Борис Павлович

д-р пед. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Boris P. Nevzorov, Dr.Sci. (Ed.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Немытина Марина Викторовна

д-р юрид. наук, проф., РУДН (Москва, Россия).

Marina V. Nemytina, Dr.Sci. (Law), Prof., RUDN University (Moscow, Russia).

Осипова Светлана Ивановна

д-р пед. наук, проф., СФУ (Красноярск, Россия).

Svetlana I. Osipova, Dr.Sci. (Ed.), Prof., Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia).

Остапович Игорь Юрьевич

д-р юрид. наук, доцент, УрГЮУ (Екатеринбург, Россия).

Igor Yu. Ostapovich, Dr.Sci. (Law), Ass. Prof., Ural State University of Law (Ekaterinburg, Russia).

Плаксина Татьяна Алексеевна

д-р юрид. наук, доцент, ТГУ (Томск, Россия).

Tatiana A. Plaksina, Dr.Sci. (Law), Ass. Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Росинский Сергей Борисович

д-р юрид. наук, доцент, Институт государства и права РАН (Москва, Россия).

Sergey B. Rossinskiy, Dr.Sci. (Law), Ass. Prof., The Institute of State and Law of The Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

Самович Юлия Владимировна

д-р юрид. наук, проф., Казанский филиал РГУП (Казань, Россия).

Yulia V. Samovich, Dr.Sci. (Law), Prof., Kazan branch of the Russian State University of Justice (Kazan, Russia).

Слышкин Геннадий Геннадьевич

д-р филол. наук, проф., РАНХиГС (Москва, Россия).

Gennady G. Slyshkin, Dr.Sci. (Philol.), Prof., Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia).

Филатова Ульяна Борисовна

д-р юрид. наук, доцент, ИГУ (Иркутск, Россия).

Uliana B. Filatova, Dr.Sci. (Law), Ass. Prof., Irkutsk State University (Irkutsk, Russia).

Халяпина Людмила Петровна

д-р пед. наук, проф., СПбПУ Петра Великого (Санкт-Петербург, Россия).

Ludmila P. Khaliapina, Dr.Sci. (Ed.), Prof., Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (St. Petersburg, Russia).

Черненко Тамара Геннадьевна

д-р юрид. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Tamara G. Chernenko, Dr.Sci. (Law), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Чурекова Татьяна Михайловна

д-р пед. наук, проф., КемГИК (Кемерово, Россия).

Tatiana M. Churekova, Dr.Sci. (Ed.), Prof., Kemerovo State Institute of Culture (Kemerovo, Russia).

Шевелева Светлана Викторовна

д-р юрид. наук, проф., ЮЗГУ (Курск, Россия).

Svetlana V. Sheveleva, Dr.Sci. (Law), Prof., Southwest State University (Kursk, Russia).

Шепель Тамара Викторовна

д-р юрид. наук, проф., НГУ (Новосибирск, Россия).

Tamara V. Shepel, Dr.Sci. (Law), Prof., Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia).

Яковлева Ирина Михайловна

д-р пед. наук, проф., МГПУ (Москва, Россия).

Irina M. Yakovleva, Dr.Sci. (Ed.), Prof., Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russia).

Ящук Татьяна Федоровна

д-р юрид. наук, проф., ОмГУ (Омск, Россия).

Tatiana F. Yashchuk, Dr.Sci. (Law), Prof., Omsk State University (Omsk, Russia).

КОГНИТИВНЫЕ НАУКИ

Междисциплинарные исследования когнитивных процессов

Когнитивные функции младших подростков: особенности, взаимосвязи, гендерные различия

Цигичко Е. А., Каган Е. С. 259

Междисциплинарные исследования языка

Искусственный интеллект в контексте междисциплинарных исследований языка

Сорокина С. Г. 267

ПЕДАГОГИКА

Методология и технология профессионального образования

Роль методических задач-заданий в системе самостоятельных работ по профильным дисциплинам

Глухова О. Ю., Гудов А. М., Тимофеева Н. А. 281

Этнопсихологические особенности китайских студентов как фактор оптимизации учебно-педагогического взаимодействия в музыкальном вузе

Ду Х. 290

Теория и методика обучения и воспитания

Взаимодействие субъектов образовательных отношений по формированию профессионального самоопределения школьников в информационно-образовательной среде моногорода

Ненилин С. Н. 298

ПРАВО

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Сравнительно-правовой анализ элементов конституционно-правового статуса жителей Донбасса

Аничкин Е. С., Канакова А. Е. 310

Роль культурно-исторических особенностей и духовно-нравственных ценностей в современном конституционализме

Бабурин С. Н. 324

Демократическая традиция, выборы и референдум в России: вчера, сегодня, завтра

Ким Ю. В. 332

О некоторых проблемах межмуниципального взаимодействия в процессе развития агломераций в Российской Федерации

Лисина Н. Л., Баев В. Д. 342

Теоретико-исторические правовые науки

Социально-экономические и правовые аспекты становления итальянского фашизма первой половины XX века

Курасов С. С. 350

Символизация судебного пространства как историко-правовой феномен

Лонская С. В. 359

Уголовно-правовые науки

Юридическое лицо в уголовном праве: цели наказания юридического лица

Ершова К. А. 366

Генезис сущности допроса в отечественном законодательстве и праве

Семеновский А. И. 374

COGNITIVE SCIENCES
Interdisciplinary Cognitive Studies

 Cognitive Functions in Young Adolescence: Features, Interconnections,
 and Gender Differences

Tsigichko E. A., Kagan E. S. 259

Interdisciplinary Linguistics

Artificial Intelligence in Interdisciplinary Linguistics

Sorokina S. G. 267

PEDAGOGY
Methodology and Technology of University Education

 Methodological Assignment Tasks in Out-of-Class Learning in Specialized
 Disciplines

Glukhova O. Yu., Gudov A. M., Timofeeva N. A. 281

 Ethnopsychological Profile of a Chinese Students of Music Education
 as a Factor of Optimizing Academic Interaction

Du Hangtian 290

Theory and Methodology of Education and Upbringing

 Academic Interaction as Part of Developing Professional Identity
 in Schoolchildren: Informational and Educational One-Industry Urban
 Environment

Nenilin S. N. 298

LAW
Public and State Law

Constitutional and Legal Status of Donbass Citizens:

Comparative Legal Analysis

Anichkin E. S., Kanakova A. E. 310

 Historic Cultural Features and Spiritual and Moral Values
 in Modern Constitutionalism

Baburin S. N. 324

 Democratic Tradition, Elections, and Referendum in Russia: Yesterday,
 Today, and Tomorrow

Kim Y. V. 332

 Inter-Municipal Interaction in the Process of Metropolitan Agglomeration
 Development in the Russian Federation

Lisina N. L., Baev V. D. 342

Theoretical and Historical Legal Sciences

 Socio-Economic and Legal Aspects of the Formation of Italian Fascism
 in the First Half of the XX Century

Kurasov S. S. 350

Symbolization of Judicial Space as a Historical and Legal Phenomenon

Lonskaya S. V. 359

Criminal Law

Legal Entity in Criminal Law: Purposes of Punishment

Yershova K. A. 366

Genesis of the Interrogation Essence in the Russian Legislation and Law

Semenovskii A. I. 374

оригинальная статья

Когнитивные функции младших подростков: особенности, взаимосвязи, гендерные различия

Цигичко Елена Александровна

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

<https://orcid.org/0000-0002-9723-3323>

lenacigichko@bk.ru

Каган Елена Сергеевна

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

<https://orcid.org/0000-0002-8470-961X>

Поступила 29.05.2023. Принята после рецензирования 26.06.2023. Принята в печать 27.06.2023.

Аннотация: Предмет исследования – специфика проявлений когнитивных функций младших подростков с учетом гендерной принадлежности. Цель – выявить особенности функционирования когнитивных процессов у мальчиков и девочек в младшем подростковом возрасте. Получены статистически достоверные различия по показателю *установление аналогий*. Определены значимые различия по показателям *объем зрительной опосредованной памяти* и *устойчивость внимания*. Выявлены прямые связи между показателями мыслительных операций и показателями объема памяти; свойств внимания (*устойчивость, распределение, избирательность*) и всеми рассматриваемыми показателями умственного развития, исключая показатель *символы*. На выборке мальчиков выявлены прямые связи между показателями *объем зрительной опосредованной памяти* и *определение сходства и различия понятий, числовые ряды*. Показатель *объем слуховой кратковременной памяти* взаимосвязан с показателями *арифметические задачи* и *числовые ряды*. Показатель *объем слуховой долговременной памяти* находится в прямой взаимосвязи с показателем *числовые ряды*. Показатель *объем слуховой опосредованной памяти* взаимосвязан с показателями *арифметические задачи, определение сходства и различия понятий, числовые ряды*. Определены корреляции между показателями *избирательность внимания* и *исполнение инструкций, определение сходства и различия понятий*. На выборке девочек определены взаимосвязи между показателями *объем зрительной опосредованной памяти, объем слуховой долговременной памяти, объем слуховой опосредованной памяти* и показателями умственного развития: *дополнение предложений, определение сходства и различия понятий, установление аналогий, символы, исполнение инструкций*. Обосновано, что изменение показателя объема памяти того или иного вида следует учитывать при прогнозировании возможных изменений показателя интеллектуального развития младших подростков. Описание взаимосвязей сквозных когнитивных процессов позволило не только определить актуальный уровень, но и спрогнозировать возможные изменения в когнитивном развитии младших школьников с учетом специфики отдельных когнитивных процессов.

Ключевые слова: мышление, внимание, память, мыслительные операции, младший подростковый возраст

Цитирование: Цигичко Е. А., Каган Е. С. Когнитивные функции младших подростков: особенности, взаимосвязи, гендерные различия. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки*. 2023. Т. 7. № 3. С. 259–266. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-3-259-266>

full article

Cognitive Functions in Young Adolescence: Features, Interconnections, and Gender Differences

Elena A. Tsigichko

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

<https://orcid.org/0000-0002-9723-3323>

lenacigichko@bk.ru

Elena S. Kagan

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

<https://orcid.org/0000-0002-8470-961X>

Received 29 May 2023. Accepted after peer review 26 Jun 2023. Accepted for publication 27 Jun 2023.

Abstract: The research featured the development of cognitive gender-related functions in teenagers. It covered statistically significant differences in such indicators as establishing analogies, visual memory volume, and attention span. The indicators of mental operations and memory volume proved to be interconnected, as well as the indicators of mental operations and attention properties. The male group demonstrated direct connections between visual memory volume and the abilities to compare and contrast abstract notions and continue numerical series. Auditory short-term memory volume depended on the ability to perform arithmetic tasks and numerical series. Auditory long-term

memory volume also depended on the numerical series performance. Another interconnection was registered between the indicators of auditory memory volume, arithmetic tasks, comparing and contrasting abstract ideas, and numerical series. The test also revealed correlations between the indicators of selective attention and the ability to follow instructions, as well as to compare and contrast abstract notions. In the female group, visual memory volume, auditory long-term memory volume, and auditory-mediated memory volume were connected with the abilities to complete sentences, determine abstract similarities and differences, establish analogies, identify symbols, and follow instructions. Obviously, when working with young teenagers, changes in intellectual development should be forecasted based on memory volume indicators. The study revealed direct connections between indicators of attention properties, i.e., span, distribution, and selectivity, and all indicators of mental development, excluding the ability to interpret symbols. The end-to-end cognitive processes made it possible to predict the cognitive development in young adolescents, based on their individual cognitive profiles.

Keywords: thinking, attention, memory, mental operations, young adolescence

Citation: Tsigichko E. A., Kagan E. S. Cognitive Functions in Young Adolescence: Features, Interconnections, and Gender Differences. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2023, 7(3): 259–266. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-3-259-266>

Введение

Когнитивные функции являются традиционным объектом психологической науки. Их изучению посвящено большое количество теоретических и практических исследований. Данные функции в своих исследованиях рассматривали Ж. Пиаже, А. Бине, А. Н. Леонтьев, Л. С. Выготский, А. Р. Лурия, С. Л. Рубинштейн, Е. Д. Хомская, А. Бергсон, П. П. Блонский и др. [1, с. 78].

Согласно Ж. Пиаже, интеллект подвижен и подстраивается под внешнюю среду за счет таких механизмов, как ассимиляция и аккомодация. По мнению исследователя, данные процессы способствуют непрерывному и последовательному развитию мыслительной работы, а особое формирование познавательной активности содействует определению стадий интеллекта [2, с. 54].

А. Бине, исследуя физические и психологические взаимосвязи развития ребенка, установил, что школьник в достаточной мере воспринимает и осваивает тот материал, который напрямую к нему относится [3, с. 6].

По А. Н. Леонтьеву, мышление следует определять как наивысшую степень знания, передающую человеку понимание значимых особенностей и взаимосвязей объективной действительности [4, с. 76].

Л. С. Выготский в своей культурно-исторической теории рассматривает познавательные способности детей как результат социальных связей, определяя роль окружающей среды как источника когнитивного развития детей [5, с. 45].

А. Р. Лурия трактует память как противоречивое явление, в обеспечение которого вовлечены различные отделы мозга, исполняющие важные функции и вкладывающие своеобразную роль в исполнение мнемической деятельности [6].

С. Л. Рубинштейн считает, что внимание не обладает специальным назначением, оно выражается в основе познания, мышления. Внимание является областью всех когнитивных процессов психики, выступающих как деятельность, ориентированная на предмет [7].

Е. Д. Хомская обращает внимание на то, что мышление как независимый процесс мыслительной активности возникает поэтапно, оказываясь одним из последних психологических феноменов [8].

С точки зрения А. Бергсона, в ходе приобретения знаний совершается последовательный комплекс познаний и ощущений, главную роль в которых осуществляет память, проявляющаяся в двух видах – логической и внезапной, хоть и согласованной с мозгом, но независимой от его участия. Память становится связующим звеном сознания, устанавливая целостность и самодентичность индивидуума [9, с. 123].

Основываясь на данных естественных экспериментов, П. П. Блонский полагает, что память как биологический феномен вариативно обнаруживается на различных ступенях биологического процесса. Память выступает не только как способ общебиологической адаптации, но и как инструмент для воспроизведения приобретенных знаний и непрерывного продвижения урvoja культуры [10, с. 596].

При всей изученности познавательных функций зона поиска новых научных фактов остается актуальной, т. к. развитие когнитивной сферы подростка является важным условием формирования умственных качеств личности. Интеллектуальное развитие считается значительной психофизиологической особенностью развития познавательных процессов ребенка, обуславливающей его успешность в обучении [11, с. 42].

Настоящее исследование является компонентом междисциплинарного исследования, посвященного изучению проблемы трансформации когнитивных функций на различных этапах онтогенетического развития. И. А. Медведева и С. А. Памфилова отмечают, что необходимость изучения когнитивных функций младших подростков связана с малой изученностью рассматриваемой проблемы этой возрастной категории и присутствием противоречий в результатах

исследований [12, с. 37]. Под когнитивными функциями мы понимаем совокупность процессов, с помощью которых человек познает мир, самого себя и взаимодействует с окружающей реальностью. Нами рассмотрены такие когнитивные функции, как мышление, память и внимание.

Теоретические основы исследования когнитивных функций в отечественной психологии были представлены Л. С. Выготским в XX в. (концепция культурно-исторического развития). Данный подход представляет формирование когнитивных функций человека в онтогенезе, как явление культурного происхождения. В рамках этого подхода считается, что рассматриваемые нами когнитивные функции (мышление, память, внимание) заданы как общественные образцы, а не даны человеку от рождения [13, с. 34–36].

Идею Л. С. Выготского о том, что «новая система реакций всецело определяется структурой среды, в которой растет и развивается организм» [13, с. 35–36], поддерживает В. А. Пошехонова, считающая, что источником развития когнитивных функций ребенка выступает главным образом социальная среда [14].

Согласно личностному подходу, авторами которого являются А. Н. Леонтьев, Л. И. Божович, Д. Б. Эльконин, А. В. Запорожец и др., когнитивные функции заданы прямыми, непосредственными и разнообразными социальными мотивами деятельности и поведения, а основу для развития этих функций составляет эволюция поведения и интересов ребенка. Идея о развитии ребенка прежде всего за счет его личностного развития отличается от современных педагогических идей, где приоритетом является в первую очередь развитие интеллекта [15, с. 95].

Деятельностный подход к проблеме был изучен С. Л. Рубинштейном, В. В. Давыдовым, А. Р. Лурией и др. В контексте данного подхода ученые трактовали деятельность как движущую силу развития когнитивных функций. На каждом возрастном этапе имеет место быть своя ведущая деятельность; внутри нее появляются новые направления деятельности, внутри которых возникают новые виды деятельности, преобразуются или изменяются психические процессы и появляются личностные новообразования [16].

По мнению представителей генетического подхода (Л. С. Выготский, Ж. Пиаже), более поздние структуры когнитивных функций возникают в филогенезе и онтогенезе в результате качественного преобразования более ранних структур [17].

Учитывая закономерности психического развития, подчеркнем, что в различные возрастные периоды психическое развитие характеризуется конкретными возрастными-психологическими параметрами и обладает своими отличительными особенностями [18–20].

Многообразие и вариативность теоретических подходов к проблеме когнитивных функций на различных

этапах онтогенеза определяет наличие широкого спектра разного рода предикторов и детерминант психических процессов [21; 22]. Мы считаем необходимым учет значения и сущности каждого из них для получения взаимодополняющей картины, содержание которой включает разнообразные варианты интерпретаций, образующих систему параметров и показателей.

Методы и материалы

Для оценки уровня развития мыслительных операций младших подростков был использован групповой интеллектуальный тест (ГИТ) Дж. Вана содержащий 7 субтестов, позволяющих оценить уровень развития мыслительных операций: анализа, конкретизации, сравнения, синтеза и обобщения. Данные показателей объема памяти и свойств внимания были получены при помощи различных методик (табл. 1).

Исследование проводилось на базе СОШ № 85 г. Кемерово. В исследовании участвовали 50 пятиклассников 11–12 лет (25 мальчиков и 25 девочек).

Результаты

Наличие прямых и обратных взаимосвязей между параметрами когнитивных функций младших подростков было установлено посредством корреляционного анализа.

Общая выборка. Выявлены прямые достоверные связи между показателями *объем зрительной кратковременной памяти*, *объем зрительной долговременной памяти* и показателем *символы*, определяющим скорость выполнения простой умственной работы ($r = 0,29$).

Показатель *объем зрительной опосредованной памяти* связан со следующими показателями: *дополнение предложений*, определяющим уровень развития мыслительной операции *конкретизация* ($r = 0,39$); *определение сходства и различия понятий* – мыслительной операции *сравнение* ($r = 0,49$); *числовые ряды* – мыслительной операции *синтез* ($r = 0,41$), *установление аналогий* – мыслительной операции *обобщение* ($r = 0,43$). Это характеризует позитивные изменения в параметрах когнитивных функций, вызванные применением мыслительных операций и обеспечивающие продукт запоминания.

Выявлены прямые связи между показателем *арифметические задачи*, определяющим уровень развития мыслительной операции *анализ*, и показателями *объем слуховой кратковременной памяти* ($r = 0,33$), *объем слуховой долговременной памяти* ($r = 0,34$), *объем слуховой опосредованной памяти* ($r = 0,33$). Данные корреляции обусловлены необходимостью при решении арифметических задач одновременно обрабатывать информацию и удерживать в памяти промежуточные результаты, а также удерживать в памяти логическую цепочку рассуждений при решении сложных задач

Табл. 1. Методики исследования когнитивных функций

Tab. 1. Methods of cognitive function research

Критерий	Методика	Показатели
Скорость понимания простых указаний и их осуществления	ГИТ (субтест 1)	исполнение инструкций
Мыслительная операция <i>анализ</i>	ГИТ (субтест 2)	арифметические задачи
Мыслительная операция <i>конкретизация</i>	ГИТ (субтест 3)	дополнение предложений
Мыслительная операция <i>сравнение</i>	ГИТ (субтест 4)	определение сходства и различия понятий
Мыслительная операция <i>синтез</i>	ГИТ (субтест 5)	числовые ряды
Мыслительная операция <i>обобщение</i>	ГИТ (субтест 6)	установление аналогий
Скорость выполнения простой умственной работы	ГИТ (субтест 7)	символы
Зрительная память	Тест Амтхауэра (субтест 9)	объем зрительной опосредованной памяти
	Память на числа (Э. Р. Ахмеджанов)	объем зрительной кратковременной памяти, объем зрительной долговременной памяти
Слуховая память	Диагностика опосредованной слуховой памяти (Р. С. Немов)	объем слуховой опосредованной памяти
	Заучивание 10 слов (А. Р. Лурия)	объем слуховой кратковременной памяти, объем слуховой долговременной памяти
Свойства внимания	Корректирующая проба (тест Б. Бурдона)	переключение внимания
	Перепутанные линии Рисса	устойчивость внимания
	Тест Г. Мюнстерберга	избирательность внимания
	Тест В. Поппельрейтера	распределение внимания
	Запомни и расставь точки (Р. С. Немов)	объем внимания

и быстро извлекать из долговременной памяти необходимые инструменты. Именно поэтому при увеличении значений показателя *арифметические задачи* растет уровень значений показателей памяти.

Определены взаимосвязи между показателем *объем слуховой опосредованной памяти* и показателями *исполнение инструкций*, определяющим скорость понимания простых указаний и их осуществления ($r = 0,31$); *дополнение предложений* ($r = 0,29$); *определение сходств и различий понятий* ($r = 0,37$); *числовые ряды* ($r = 0,49$). Прямые взаимосвязи свидетельствуют о согласованных изменениях переменных. Чем выше уровень развития слуховой опосредованной памяти, тем лучше младший подросток справляется с перечисленными мыслительными операциями.

Рассмотрим данные общей выборки по показателям внимания. Показатель *устойчивость внимания* прямо коррелирует с показателем *установление аналогий* ($r = 0,36$). Это свидетельствует о важности поддержания концентрации внимания в течение длительного периода времени и противостоянии отвлекающим факторам при установлении сходства явлений, предметов, процессов по каким-либо признакам путем ассоциации, сравнения и размышления.

Показатель *избирательность внимания* имеет связь с четырьмя показателями: *исполнение инструкций* ($r = 0,42$); *дополнение предложений* ($r = 0,55$); *определение сходства и различия понятий* ($r = 0,43$), *установление аналогий* ($r = 0,39$).

Показатель *распределение внимания* взаимосвязан с показателем *определение сходства и различия понятий* ($r = 0,34$), и показателем *числовые ряды* ($r = 0,35$).

Выявлена обратная взаимосвязь между показателем *определение сходства и различия понятий* и показателем *объем внимания* ($r = -0,37$), т. е. если произойдет снижение или повышение одного из этих показателей, то данный факт приведет к обратным по значению изменениям второго. При повышении уровня продуктивности мыслительной операции *сравнение*, обеспечивающей решение задания направленного на определение сходства и различия понятий, можно прогнозировать определенное сужение сферы восприятия, проявляющееся в снижении объема внимания.

Выборка мальчиков. Выявлены прямые связи между показателем *объем зрительной опосредованной памяти* и показателями *определение сходства и различия понятий* ($r = 0,52$), *числовые ряды* ($r = 0,63$); чем выше у мальчиков уровень развития зрительной опо-

средованной памяти, тем лучше они ориентируются в определении сходства и различия понятий, а также в нахождении последовательности числовых рядов.

Показатель *объем слуховой кратковременной памяти* взаимосвязан с показателями *арифметические задачи* ($r = 0,44$) и *числовые ряды* ($r = 0,51$). Число удержанных и воспроизведенных слов влияет на решение арифметических задач и запоминание числовых рядов. Показатель *объем слуховой долговременной памяти* находится в прямой взаимосвязи с показателем *числовые ряды* ($r = 0,64$): чем выше уровень развития слуховой долговременной памяти, тем лучше мальчики разбираются в задачах на продолжение ряда чисел. Также была выявлена взаимосвязь между показателем *объем слуховой опосредованной памяти* и показателями *арифметические задачи* ($r = 0,40$), *определение сходства и различия понятий* ($r = 0,54$), *числовые ряды* ($r = 0,69$). В целом слуховая память занимает особое место в учебной деятельности подростков, в течение которой учащиеся должны осваивать и удерживать значительное количество разного рода учебного материала на слух, вербально представлять его по памяти и практиковать в решении учебных задач.

Рассматривая показатели внимания, отметим обратную связь между показателями *устойчивость внимания* и *дополнение предложений* ($r = -0,40$). Показатель *избирательность внимания* прямо коррелирует с показателями *исполнение инструкций* ($r = 0,41$) и *определение сходства и различия понятий* ($r = 0,48$).

Выборка девочек. Выявлены взаимосвязи между показателем *объем зрительной опосредованной памяти* и показателями *дополнение предложений* ($r = 0,56$), *определение сходства и различия понятий* ($r = 0,43$), *установление аналогий* ($r = 0,42$), *символы* ($r = 0,44$): чем выше независимое, предприимчивое использование ребенком разнообразных средств заучивания, сохранения и повторения информации (запоминание информации, воспринимаемой органами зрения), тем выше уровень решения большого спектра учебных задач. Показатель *объем слуховой долговременной памяти* взаимосвязан с показателем *исполнение инструкций* ($r = 0,46$). Показатель *объем слуховой опосредованной памяти* взаимосвязан с показателем *дополнение предложений* ($r = 0,40$).

Показатель *устойчивость внимания* имеет прямую взаимосвязь с показателями *арифметические задачи* ($r = 0,42$), *числовые ряды* ($r = 0,43$), *установление аналогий* ($r = 0,52$). Показатель *избирательность внимания* имеет прямую взаимосвязь с показателями *исполнение инструкций* ($r = 0,44$), *дополнение предложений* ($r = 0,65$), *числовые ряды* ($r = 0,41$). Показатель *распределение внимания* взаимосвязан с показателями *определение сходства и различия понятий* ($r = 0,44$), *числовые ряды* ($r = 0,51$).

Статистически достоверные отличия по результатам исследования параметров когнитивных функций мальчиков и девочек получены по показателям *установление аналогий*, *объем зрительной опосредованной памяти* и *устойчивость внимания* (табл. 2).

Мы предполагаем, что в процессе учебной деятельности девочки демонстрируют более явную динамику роста продуктивности процессов зрительного запоминания и узнавания, чем мальчики. В остальных показателях памяти (кроме показателя *объем зрительной опосредованной памяти*) явных различий не выявлено.

Согласно таблице 2, у девочек длительность концентрации внимания более высокая (показатель *устойчивость внимания*), следовательно, они способны быть сосредоточенными и концентрироваться на объекте достаточно продолжительное время.

Исходя из отрицательных значений по t-критерию Стьюдента, преобладающая часть полученных результатов выборки девочек превышает в абсолютном значении результаты выборки мальчиков.

Обсуждение

Выявленная взаимосвязь показателей мышления имеет возрастно-психологические особенности, проявляющиеся в наличии перехода к мышлению в понятиях и произвольности. Мы солидарны с точкой зрения Н. Г. Павловской и Д. В. Байкадамова о том, что предыдущий этап онтогенеза (младший школьный возраст) определяет своей задачей развитие произвольного запоминания, а подростковый возраст – становление и развитие логического мышления: «операции, приобретенные в младших классах, становятся формально-логическими, а рассуждения при абстрагировании от конкретного, наглядного материала школьники представляют в словесной, гипотетико-дедуктивной форме» [23, с. 32–33]. Согласимся с тезисом А. А. Катерининой, что память в изучаемом нами возрасте развивается в направлении интеллектуализации [24]. М. В. Мужиченко также отмечает, что память подвергается преобразованиям, переходя от преобладания механического запоминания к запоминанию смысловому. Вместе с тем, смысловая память перестраивается и влечет за собой посредственный, логически вытекающий характер, при этом ключевое значение имеют процессы мышления [19].

Внимание младших подростков характеризуется нарастанием произвольности. Его свойства взаимосвязаны с мыслительными операциями. Наибольшие взаимосвязи показаны с параметром *избирательность*. Отсутствие корреляций с показателем *переключение* и наличие отрицательных значений корреляций с показателем *объем* объясняется наличием внутренней противоречивости развития и замедления данных характеристик в младшем подростковом возрасте [25].

Табл. 2. Средние значения показателей параметров когнитивных функций мальчиков и девочек

Tab. 2. Cognitive functions in boys and girls: mean values

Показатель	Средние значения		t	p
	Мальчики	Девочки		
Исполнение инструкций	7,00	7,32	-0,37	0,71
Арифметические задачи	4,72	4,84	-0,27	0,78
Дополнение предложений	6,60	7,44	-1,24	0,21
Определение сходства и различия понятий	17,36	19,84	-1,19	0,23
Числовые ряды	8,56	7,92	0,75	0,45
Установление аналогий	9,12	13,68	-2,46	0,01
Символы	17,32	19,28	-1,22	0,22
Объем зрительной опосредованной памяти	4,08	5,08	-2,10	0,04
Объем зрительной кратковременной памяти	4,44	4,96	-0,51	0,61
Объем зрительной долговременной памяти	3,52	4,36	-0,95	0,34
Объем слуховой опосредованной памяти	6,08	6,44	-0,65	0,51
Объем слуховой кратковременной памяти	8,88	9,56	-1,54	0,12
Объем слуховой долговременной памяти	4,84	5,40	-0,90	0,36
Переключение внимания	5,24	6,40	-1,74	0,08
Устойчивость внимания	1,44	2,76	-2,50	0,01
Избирательность внимания	2,84	3,80	-1,66	0,10
Распределение внимания	7,96	8,68	-1,66	0,10
Объем внимания	9,64	9,56	0,27	0,78

Результаты нашего исследования, в котором выявлены гендерные закономерности, сопоставимы с данными, полученными в работах других авторов. Так, Т. С. Копосова и Е. В. Казакова пишут о различных темпах индивидуального развития когнитивных функций в процессе обучения у обследованных школьников [11].

Е. В. Попова и Т. В. Волокитина установили, что девочки в возрасте 11–12 лет превосходят мальчиков на этапе развития мыслительных операций. У девочек значительно лучше сформированы языковые навыки, они результативнее устанавливают сходства и различия между понятиями, логическую последовательность создания информации; им присущи рассуждения по аналогии, обработка вербальной и невербальной информации [20]. Полученные данные не противоречат результатам нашего предыдущего исследования, свидетельствующего о наличии особенностей свойств внимания у младших подростков [25].

По мнению Е. А. Сорокоумовой и В. К. Поповой, зона поиска новых научных фактов остается актуальной, т. к. развитие когнитивной сферы подростка является важным условием формирования умственных качеств личности. Авторы указывают, что необходимость изучения когнитивных функций младших подростков связана с малой изученностью рассматриваемой проблемы этой возрастной категории и присутствием противоречий в результатах исследования [18].

Закключение

Под когнитивными функциями мы понимаем совокупность процессов, с помощью которых человек познает мир, самого себя и взаимодействует с окружающей реальностью. В статье мы рассмотрели такие когнитивные функции, как мышление, память и внимание.

Статистически достоверные связи обнаружены между показателями мыслительных операций и показателями объема памяти, а также между показателями мыслительных операций и показателями свойств внимания младших подростков, что характеризует позитивные изменения в параметрах когнитивных функций, вызванные применением мыслительных операций и обеспечивающие продукт запоминания.

Память в изучаемом нами возрасте развивается в направлении интеллектуализации. Выявленная взаимосвязь показателей мышления имеет возрастно-психологические особенности, проявляющиеся в наличии перехода к мышлению в понятиях и произвольности. Внимание младших подростков характеризуется нарастанием произвольности, его свойства взаимосвязаны с мыслительными операциями.

В процессе учебной деятельности девочки демонстрируют более явную динамику роста продуктивности процессов зрительного запоминания и узнавания, чем мальчики (показатель *объем зрительной опосредованной памяти*). В показателях *объем зрительной*

кратковременной памяти, объем зрительной долговременной памяти, объем слуховой кратковременной памяти, объем слуховой долговременной памяти, объем слуховой опосредованной памяти явных различий не выявлено.

У девочек длительность концентрации внимания более высокая, следовательно, они способны быть сосредоточенными и концентрироваться на объекте более продолжительное время, чем мальчики.

Применение используемых методик для когнитивных функций и учет полученных в результате исследования данных позволит построить эффективные образовательные программы для младших подростков.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Литература / References

1. Романов К. М. Познавательные процессы в структуре общения. *Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования*. 2010. № 1. С. 78–86. [Romanov K. M. Informative processes in the structure of the dialogue. *Gumanitarian: aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniia*, 2010, (1): 78–86. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/msuipb>
2. Харькова Д. Ю., Сафаргалина Э. И. Основы теории когнитивного развития Пиаже. *Colloquium-journal*. 2019. № 26-2. С. 53–55. [Kharkova D. Yu., Safargalina E. I. Bases of the theory of cognitive development of Piaget. *Colloquium-journal*, 2019, (26-2): 53–55. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24411/2520-6990-2019-10938>
3. Олейникова А. М. Особенности психолого-педагогического процесса в работах Альфреда Бине. *Северо-Кавказский психологический вестник*. 2010. Т. 8. № 3. С. 5–7. [Oleinikova A. M. Characteristics of the psychologic-pedagogical process in the works of Alfred Binet. *Severo-Kavkazskii psikhologicheskii vestnik*, 2010, 8(3): 5–7. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rbvwsf>
4. Куликов Д. К. Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, Э. В. Ильенков: определение деятельности природы мышления. *Экономические и социально-гуманитарные исследования*. 2018. № 3. С. 71–84. [Kulikov D. K. L. S. Vygotky, A. N. Leontiev, and E. V. Ilyenkov: identifying activity nature of thinking. *Economic and Social Research*, 2018, (3): 71–84. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2018-3-71-84>
5. Тагирова Р. А., Шимаева Л. Р. Теория когнитивного развития Выготского. *Достижения науки и образования*. 2023. № 1. С. 44–46. [Tagirova R. A., Shimaeva L. R. Vygotsky's theory of cognitive development. *Dostizheniia nauki i obrazovaniia*, 2023, (1): 44–46. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24411/2413-2071-2023-10104>
6. Лурья А. Р. Память. *Лекции по общей психологии*. СПб.: Питер, 2018. С. 234–284. [Luria A. R. Memory. *Lectures on general psychology*. St. Petersburg: Piter, 2018, 234–284. (In Russ.)]
7. Рубинштейн С. Л. Внимание. *Основы общей психологии*. М.: АСТ, 2020. С. 615–636. [Rubinstein S. L. Attention. *Fundamentals of general psychology*. Moscow: AST, 2020, 615–636. (In Russ.)]
8. Хомская Е. Д. Нейропсихология. 4-е изд. СПб.: Питер, 2014. 496 с. [Khomskaya E. D. *Neuropsychology*. 4th ed. St. Petersburg: Piter, 2014, 496. (In Russ.)]
9. Блауберг И. Бергсон. *Философская антропология*. 2019. Т. 5. № 2. С. 118–135. [Blauberg I. Bergson. *Filosofskaya antropologiya*, 2019, 5(2): 118–135. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21146/2414-3715-2019-5-2-118-135>
10. Гурова С. И. Философская антропология П. П. Блонского. *Вестник МГТУ*. 2008. Т. 11. № 4. С. 595–601. [Gurova S. I. Philosophical anthropology of P. P. Blonsky. *Vestnik of MSTU*, 2008, (4): 595–601. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jwltpr>
11. Копосова Т. С., Казакова Е. В. Развитие когнитивных функций семи- – одиннадцатилетних школьников приполярного региона. *Педагогический журнал Башкортостана*. 2015. № 6. С. 42–48. [Koposova T. S., Kazakova E. V. Cognitive development seventy- – eleven year schoolchildren polar regions. *Pedagogicheskij zhurnal Bashkortostana*, 2015, (6): 42–48. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vmgdwf>
12. Медведева И. А., Памфилова С. А. Изучение связи когнитивного стиля подростков с характеристиками их личности. *Фундаментальные аспекты психического здоровья*. 2018. № 3. С. 37–39. [Medvedeva I. A., Pamfilova S. A. Study of the interrelation of teenagers' cognitive style and their personality characteristics. *Fundamentalnye aspekty psikhicheskogo zdorovia*, 2018, (3): 37–39. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vlywxi>
13. Хоминская В. В. Культурно-историческая теория Л. С. Выготского как философская методология современного образования. *Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке*. 2016. № 3. С. 32–41. [Khominskaya V. V. Cultural

- and historical theory of L. S. Vygotsky as philosophical methodology of modern education. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke*, 2016, (3): 32–41. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wtifgj>
14. Пошехонова В. А. Концептуальные подходы к профессионально-когнитивному развитию. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2013. № 2. С. 285–288. [Poshekhnova V. A. Functional signs of competent activity of the psychologist. *Humanities, social-economic and social sciences*, 2013, (2): 285–288. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/pzeogp>
 15. Зеер Э. Ф., Павлова А. М. Прикладные аспекты общепсихологической теории деятельности А. Н. Леонтьева (к 100-летию со дня рождения А. Н. Леонтьева). *Образование и наука. Известия УрО РАО*. 2003. № 1. С. 92–104. [Zeer E. F., Pavlova A. M. Applied aspects of A. N. Leontiev's general psychological theory of activity: dedicated to the 100th anniversary of A. N. Leontiev. *Obrazovanie i nauka. Izvestiia UrO RAO*, 2003, (1): 92–104. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/pjgikl>
 16. Жигадлова И. В. Организация игровой деятельности с дошкольниками в соответствии ФГОС. *Концепт*. 2016. Т. 46. С. 133–135. [Zhigadlova I. V. Organizing game activities with preschoolers: Federal State Education Standard. *Concept*, 2016, 46: 133–135. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/xbpafp>
 17. Шерешевский Г. Сравнительный анализ концепций развития в работах Выготского и Пиаже: нейропсихологический подход к транскультуральным исследованиям. *Сибирский психологический журнал*. 2006. № 24. С. 77–86. [Shereshevsky G. The comparative analysis of the concepts of development in works of Vygotsky and Piaget: a neuropsychological approach. *Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal*, 2006, (24): 77–86. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/knvdjd>
 18. Сорокоумова Е. А., Попова В. К. Развитие когнитивной сферы современных младших школьников в учебной деятельности. *Коллекция гуманитарных исследований*. 2019. № 2. С. 6–10. [Sorokoumova E. A., Popova V. K. Development of cognitive sphere of modern younger schoolboys in educational activity. *Kolleksiya gumanitarnykh issledovaniy*, 2019, (2): 6–10. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/wazpsr>
 19. Мужиченко М. В. Исследование состояния высшей нервной деятельности школьников в пубертатный период. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии*. 2008. № 2. С. 157–162. [Muzhichenko M. V. Studying the higher nervous activity state of schoolchildren in puberty. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya. Sotsiologiya i sotsialnye tekhnologii*, 2008, (2): 157–162. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/kudwsb>
 20. Попова Е. В., Волокитина Т. В. Особенности развития структуры интеллекта школьников 11–18 лет. *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Естественные науки*. 2012. № 1. С. 77–86. [Popova E. V., Volokitina T. V. Features of intellect structure development in schoolchildren aged 11–18 years. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federalnogo universiteta. Seriya: Estestvennye nauki*, 2012, (1): 77–86. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pfrzon>
 21. Романова М. А. Традиционные подходы к когнитивному развитию. *Сибирский педагогический журнал*. 2008. № 4. С. 306–311. [Romanova M. A. Traditional approaches to cognitive development. *Siberian Pedagogical Journal*, 2008, (4): 306–311. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/pfspkv>
 22. Фаликман М. Когнитивная наука: основоположения и перспективы. *Логос*. 2014. № 1. С. 1–18. [Falikman M. Cognitive science: its foundations and challenges. *Logos*, 2014, (1): 1–18. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qezzjc>
 23. Павловская Н. Г., Байкадамов Д. В. Особенности логического мышления современных подростков. *Педагогическая перспектива*. 2021. № 2. С. 30–35. [Pavlovskaya N. G., Baykadamov D. V. Features of logical thinking of modern teenagers. *Pedagogical perspective*, 2021, (2): 30–35. (In Russ.)] https://doi.org/10.55523/27822559_2021_2_30
 24. Катеринина А. А. Интеллектуализация памяти как один из механизмов развития самосознания детей в подростковый кризис. *Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал)*. 2012. № 9. С. 64–72. [Katerinina A. A. Memory intellectualization as one of mechanisms of development of consciousness of children in teenage crisis. *Sovremennye issledovaniia sotsialnykh problem (elektronnyi nauchnyi zhurnal)*, 2012, (9): 64–72. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/pflqit>
 25. Цигичко Е. А., Криворучко М. О. Характеристики свойств внимания у мальчиков и девочек в младшем подростковом возрасте. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки*. 2023. Т. 7. № 1. С. 8–13. [Tsigichko E. A., Krivoruchko M. O. Attention span in preteen boys and girls. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2023, 7(1): 8–13. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-1-8-13>

обзорная статья

Искусственный интеллект в контексте междисциплинарных исследований языка

Сорокина Светлана Геннадьевна

Московский городской педагогический университет, Россия, Москва

<https://orcid.org/0000-0002-8667-6743>

lana40ina@mail.ru

Поступила 21.07.2023. Принята после рецензирования 10.08.2023. Принята в печать 14.08.2023.

Аннотация: Искусственный интеллект становится неотъемлемой частью различных наук, промышленных отраслей и повседневной жизни общества. Поскольку исследование искусственного интеллекта развивается в различных научных дисциплинах, его изучение требует комплексного, конвергентного подхода. Автор предлагает обзор существующих подходов к определению и интерпретации понятия *искусственный интеллект* с целью выявления его инвариантных характеристик, обуславливающих междисциплинарный характер искусственного интеллекта. Систематизируются ключевые драйверы и технологии развития искусственного интеллекта, основные модели его исследования; акцентируется уникальная способность искусственного интеллекта использовать знания, приобретать дополнительные знания и, анализируя и изучая способы их выражения и методы познания, достигать эффекта имитации интеллектуальной деятельности человека. Анализ определений исследуемого понятия позволяет сделать вывод о том, что важными тенденциями развития искусственного интеллекта являются его эмулятивное поведение и способность к постоянному развитию и изменениям, которые, с одной стороны, открывают новые исследовательские перспективы, а с другой – создают определенные трудности в понимании этих процессов. Среди технологий обучения искусственного интеллекта, играющих важную роль в его развитии, выделены алгоритмы, обработка больших данных и обработка естественного языка. Обзор существующих лингвистических исследований позволяет объединить исследовательские подходы в этой области вокруг основных задач интеллектуального анализа текстовых данных, среди которых основными являются поиск информации, извлечение знаний, классификация, аннотирование. Изучение и развитие искусственного интеллекта имеет важное значение для понимания его когнитивного потенциала и применения в различных сферах науки, промышленности и повседневной жизни.

Ключевые слова: искусственный интеллект, когнитивная наука, междисциплинарные исследования языка, конвергентный подход, управление искусственным интеллектом, искусственная социальность, интеллектуальный анализ

Цитирование: Сорокина С. Г. Искусственный интеллект в контексте междисциплинарных исследований языка. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2023. Т. 7. № 3. С. 267–280. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-3-267-280>

review article

Artificial Intelligence in Interdisciplinary Linguistics

Svetlana G. Sorokina

Moscow City University, Russia, Moscow

<https://orcid.org/0000-0002-8667-6743>

lana40ina@mail.ru

Received 21 Jul 2023. Accepted after peer review 10 Aug 2023. Accepted for publication 14 Aug 2023.

Abstract: Artificial intelligence (AI) is becoming an integral part of various scientific disciplines, industries, and everyday life. AI studies cover quite a number of scientific fields, and the topic needs an integrated and convergent approach to address its multifaceted challenges. This paper provides an extensive survey of existing approaches to define and interpret the AI concept. The research objective was to identify the invariant characteristics of AI that underscore its interdisciplinary nature. The article categorizes the primary drivers, technologies, and key research models that fuel the advancement of AI, which possesses a unique capability to leverage knowledge, acquire additional insights, and attain human-like intellectual performance by analyzing expressions and methods of human cognition.

The emulation of human intellectual activity and inherent propensity for continual evolution and adaptability both unlock novel research prospects and complicate the understanding of these processes. Algorithms, big data processing, and natural language processing are crucial for advancing the AI learning technologies. A comprehensive analysis of the existing linguistic research revealed an opportunity to unify various research approaches within this realm, focusing on pivotal tasks, e.g., text data mining, information retrieval, knowledge extraction, classification, abstracting, etc. AI studies make it possible to comprehend its cognitive potential applications across diverse domains of science, industry, and daily life.

Keywords: artificial intelligence, cognitive science, interdisciplinary language research, convergent approach, artificial intelligence control, artificial sociality, intellectual analysis

Citation: Sorokina S. G. Artificial Intelligence in Interdisciplinary Linguistics. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2023, 7(3): 267–280. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-3-267-280>

Введение

В течение последних десятилетий искусственный интеллект (ИИ) совершил впечатляющий прорыв, превратившись в одно из наиболее значимых и востребованных направлений в сфере технологического развития. Возможности ИИ основаны на его способности обучаться на множестве разнообразных данных, что позволяет ему успешно справляться с крайне сложными задачами, когда-то считавшимися прерогативой исключительно человеческого интеллекта. Сегодня ИИ активно применяется во множестве областей, охватывая медицину, финансы, автономную навигацию, машинное обучение, обработку естественного языка и др.

Проблемы исследования ИИ становятся неотъемлемой частью технических и естественных наук, отраслей промышленности и повседневной жизни общества. Социальные и гуманитарные науки, которые всегда были и остаются центром исследования вопросов познания, познавательных процессов, сознания, знания, также не могут оставаться в стороне от изучения ИИ, созданного по образу и подобию интеллекта человека, как отражение его деятельности, в результате которой в машинных программах отражаются ментальные модели человека. Именно поэтому для решения проблем ИИ необходим конвергентный подход, позволяющий в комплексе использовать преимущества методологии и инструментария разных наук.

Созданный как проект знаний ИИ обладает уникальной способностью использовать их в качестве объекта и, оперируя имеющимися знаниями, приобретать дополнительные, анализировать и изучать их выражение, методы познания и применять эти подходы для достижения эффекта имитации интеллектуальной деятельности человека [1].

Являясь междисциплинарным явлением по своей сути, ИИ представляет собой своего рода компиляцию компьютерных наук, логики, биологии, психологии, философии, лингвистики и других дисциплин. Значимые результаты применения ИИ можно отметить в таких областях, как распознавание речи, обработка

изображений и естественного языка, доказательство теорем, создание интеллектуальных роботов. ИИ принес революционные результаты в повышении эффективности труда, снижении затрат на рабочую силу, оптимизации структуры человеческих ресурсов.

В нашей повседневной жизни ИИ проявляется через конкретные материализованные продукты и устройства, являясь тем самым техническим инструментом для решения задач, которые трудны или невыполнимы для человека. Кроме того, наблюдается тенденция влияния ИИ на социальные взаимодействия человека. Технологии, изначально разработанные для выполнения инструментальных задач, становятся средой и участником взаимодействия с людьми, создавая так называемую «искусственную социальность» [2].

В настоящее время различают три вида ИИ: слабый, или узкий ИИ (Weak AI, Narrow AI); сильный ИИ (Artificial General Intelligence, Strong AI) и искусственный суперинтеллект (Super Artificial Intelligence) [3]. Слабый ИИ представляет собой систему, специализированную для решения ограниченного набора задач. Он обычно не обладает общими интеллектуальными способностями и ограничен своей предназначенностью [4]. Интеллектуальные способности сильного ИИ сопоставимы с человеческими, т. к. он обладает широким спектром знаний и способен справляться с разнообразными задачами, а также обучаться и применять свои знания в новых ситуациях [5]. Искусственный суперинтеллект представляет собой гипотетический уровень ИИ, который значительно превосходит интеллект человека во всех аспектах. Суперинтеллект способен не только быстро и эффективно решать сложные задачи, но и самостоятельно развивать свой интеллект, что может привести к появлению совершенно новых видов технологий и к революционным изменениям в обществе [6; 7].

На данный момент существующие системы ИИ находятся в основном в области слабого ИИ, хотя некоторые исследования и разработки уходят в сторону сильного ИИ. Вопрос о суперинтеллекте остается

предметом академических дискуссий и спекуляций: исследователи рассуждают о возможностях искусственного суперинтеллекта [8], предупреждают об опасностях, например, угрозе сингулярности [9; 10].

Как проблема исследования ИИ по-разному проявляется в разных науках. Для естественных и инженерных наук возможности ИИ связаны с решением технических и инструментальных задач [11; 12]. В философии и гуманитарных науках ИИ рассматривается в контексте вопросов миропонимания [13; 14], интерпретация которых меняется в различные исторические эпохи и в зависимости от интеллектуальных традиций. Вероятно, многочисленные возможности ИИ, разноплановость областей его применения объясняют отсутствие в научной литературе общепринятого определения ИИ, оставляя этот вопрос дискуссионным.

Цель статьи – произвести обзор существующих подходов к определению и интерпретации понятия *искусственный интеллект* и выявить его инвариантные характеристики; типизировать основные драйверы и технологии развития ИИ и систематизировать наиболее распространенные модели его исследования, главным образом в лингвистической парадигме, представленной прежде всего задачами интеллектуального анализа текста, такими как поиск информации, извлечение знаний, классификация документов, аннотирование.

Подходы к определению понятия *искусственный интеллект*

Необходимость адекватного определения термина *искусственный интеллект* для рационального размышления о внедрении его в реальность человеческой жизни и общественного развития не вызывает сомнений. Исследователи разных научных школ и направлений предлагают свои дефиниции, при этом определения так или иначе отражают научные интересы авторов и их подходы к исследованию проблемы ИИ.

Авторский коллектив из Объединенного исследовательского центра (Joint Research Centre – JRC) Европейской комиссии, занимающегося широким спектром вопросов, связанных с наукой, технологиями и инновациями, ядерными исследованиями, вопросами энергетики, климата, здоровья, сельского хозяйства, в докладе по проблемам ИИ предлагает свою дефиницию ИИ, называя его просто общим термином (*generic term*) для машин и алгоритмов¹. При этом предполагается, что такие алгоритмы и машины

обладают способностью изучать окружение, обучаться и на основе полученных данных и приобретенного опыта, т.е. в результате самообучения, совершать умные действия и предлагать определенные решения. Данное определение несколько утилитарно, что вполне объяснимо техническими задачами, стоящими перед исследовательским центром, такими как разработка и реализация политик, направленных на развитие инноваций в Европе.

Другое исследовательское сообщество, Экспертная группа высокого уровня по искусственному интеллекту (High-Level Expert Group on Artificial Intelligence – AI HLEG), имеет своей целью разработку принципов и рекомендаций в отношении политики и нормативного регулирования взаимодействия с ИИ. AI HLEG работает над широким спектром вопросов, включая этические, социальные, экономические и правовые аспекты применения ИИ. Регулятивный фокус деятельности Экспертной группы обязывает к более детальной проработке дефиниций, что и отражается в определении ИИ².

В определении ИИ подчеркивается наличие двух составляющих, двух систем: программной (*software*) и аппаратной (*hardware*), которые разработаны для выполнения комплексных задач в физической или цифровой среде. Целью выполнения таких задач является принятие наиболее оптимальных решений для достижения поставленной цели на основе обработки полученных знаний или информации посредством использования символьных или числовых моделей. В данном определении, в отличие от предыдущего, эксперты подчеркивают мыслительные способности ИИ, который постигает окружение посредством сбора и интерпретации структурированных или неструктурированных данных и обладает способностью адаптировать собственное поведение, анализируя свои предыдущие действия и их воздействие на окружение³.

Характеристики и функции, отождествляющие ИИ с человеком, представляют собой весьма интересную и одновременно деликатную проблему, широко обсуждаемую учеными, особенно в правовом поле, и требующий урегулирования [15; 16]. Возникает вопрос, чьей интеллектуальной собственностью являются сгенерированные ИИ знания. В рамках настоящего исследования мы не обсуждаем данную тему, лишь заметим, что авторам статей и других научных или творческих работ уже рекомендовано указывать участие ИИ (в частности генеративного

¹ Annoni A., Benczur P., Bertoldi P., Delipetrev B., De Prato G., Feijoo C., Fernandez Macias E., Gomez Gutierrez E., Iglesias Portela M., Junklewitz H., Lopez Cobo M., Martens B., Figueiredo Do Nascimento S., Nativi S., Polvora A., Sanchez Martin J. I., Tolan S., Tuomi I., Vesnic Alujevic L. *Artificial Intelligence: a European perspective*. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2018. P. 18. <https://dx.doi.org/10.2760/11251>

² *A definition of Artificial Intelligence: main capabilities and scientific disciplines*. European Commission, 2019. P. 1. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/definition-artificial-intelligence-main-capabilities-and-scientific-disciplines> (accessed 19 Jul 2023).

³ Ibid. P. 6.

ресурса ChatGPT) в предоставлении данных, если оно имело место, а также разработаны правила и рекомендации для цитирования этого источника данных⁴.

Многочисленные комментарии получило определение ИИ, сформулированное автором Системы неаксиоматических рассуждений (Non-Axiomatic Reasoning System – NARS) П. Вангом (о NARS см. [17]). Сущность интеллекта, как считает когнитолог, исследователь ИИ, логики и мыслительных процессов, заключается в принципе адаптации к окружающей среде при работе с недостаточным количеством знаний и ресурсов (insufficient knowledge and resources). В таком случае интеллектуальной системе приходится полагаться на ограниченную вычислительную мощность, работать в реальном времени, быть готовой к решению непредвиденных задач и учиться на основе опыта [цит. по: 18, р. 1].

Это рабочее определение, трактующее интеллект как форму «относительной рациональности» (relative rationality), явно перекликается с идеями Г. А. Саймона [19]. Концепция относительной рациональности подразумевает, что рассуждения, рациональное поведение, принятие решений подвержены влиянию контекста и доступной информации, а не строго основаны на объективной или абсолютной рациональности. В отличие от абсолютной рациональности, предполагающей наличие единого стандарта или идеала рационального поведения, относительная рациональность признает, что люди и системы могут принимать рациональные решения, основываясь на своих собственных целях, информации и ограничениях. Она учитывает, что люди могут иметь разные ценности, приоритеты и ограничения, влияющие на их решения. Другими словами, в принятии решения всегда признается влияние так называемого человеческого фактора, который, казалось бы, не должен присутствовать в компьютерных программах и машинах. Таким образом, Г. А. Саймон проводит еще больше параллелей с интеллектом человека и наделяет ИИ большей автономией от аппаратных систем и жестко алгоритмических действий и решений. Такая независимость в поведении вызывает много вопросов о возможности признания субъектности и субъектного права ИИ [20; 21].

В Российской Федерации в рамках «Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года» разработано и следующим образом определено понятие ИИ: «искусственный

интеллект – комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений»⁵. К технологиям ИИ отнесены «технологии, основанные на использовании искусственного интеллекта, включая компьютерное зрение, обработку естественного языка, распознавание и синтез речи, интеллектуальную поддержку принятия решений и перспективные методы искусственного интеллекта»⁶.

Несмотря на официально закрепленное определение, разработчики в этой сфере по-разному относятся к понятию ИИ и даже иногда стараются не использовать этот термин⁷.

Инвариантные характеристики ИИ

Изученные определения ИИ, сформулированные отечественными и зарубежными учеными и практиками разных областей деятельности; проанализированные концепции, закрепленные на государственном уровне, позволяют выделить следующие инвариантные характеристики ИИ.

Во-первых, ИИ является продуктом человеческого изобретательства и не обладает сверхъестественными или асоциальными свойствами. Он возникает благодаря умственным способностям людей и их творческому вкладу. Во-вторых, субстанциальная природа ИИ не может быть объективно определена как что-то материальное или физическое. Она проявляется не в физическом облике, а в виде набора рациональных и логически формализованных правил, обеспечивающих функционирование ИИ. В-третьих, ИИ состоит из инструментально закодированных правил, которые определяют его поведение и способности. Эти правила служат основой для функционирования ИИ и его взаимодействия с окружающей средой. В-четвертых, целью инструментально закодированного набора правил является создание и производство устройств или продуктов, способных имитировать интеллектуальную деятельность человека.

⁴ Caulfield J. ChatGPT Citations | Formats & Examples. *Scribbr*. 15.05.2023. URL: <https://www.scribbr.com/ai-tools/chatgpt-citations/> (accessed 10 Jul 2023).

⁵ О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации. Указ Президента РФ № 490 от 10.10.2019. *СПС КонсультантПлюс*.

⁶ Там же.

⁷ Почему ИИ всех путает, а разработчики вообще не пользуются этим термином. *vc.ru*. 18.03.2020. URL: <https://vc.ru/future/112846-pochemu-ii-vseh-putaet-a-razrabotchiki-voobshche-ne-polzuyutsya-etim-terminom> (дата обращения: 09.07.2023).

ИИ стремится достичь уровня интеллектуальности, сопоставимого с человеческим мышлением. В-пятых, ИИ обладает возможностью эмулировать интеллектуальные структуры, которые позволяют ему самостоятельно программировать и принимать интеллектуальные решения, не обязательно при поддержке или контроле со стороны людей.

Следует отметить, что ИИ представляет собой активно развивающуюся область, которая находит применение во множестве отраслей. Среди них крупные финансовые учреждения, такие как Morgan Stanley [22], использующие ИИ для более эффективного принятия финансовых решений; различные секторы экономики, например, здравоохранение [23; 24], и даже правительственные организации, такие как правительство Исландии, сотрудничающее с OpenAI для сохранения исландского языка⁸.

Проблемы управления ИИ

Среди наиболее важных черт ИИ ученые отмечают его способность обучаться, эмуляцию, стремление имитировать человеческие способности и навыки [25; 26, р. 1434:]. Такого рода навыки свидетельствуют о способности ИИ развиваться и изменяться. Именно это свойство ИИ оказывается важным для исследователей в области организационных вопросов и проблем принятия организационных решений. Н. Беренте с соавторами считают ИИ процессом и описывают его как постоянно отодвигающийся рубеж вычислительных достижений, использующий человеческий интеллект для решения все более сложных задач, связанных с принятием решений [26, р. 1433]. Среди наиболее важных характеристик ИИ называют подвижность его границ и расширение диапазона контекстов в зависимости от поставленной задачи и по мере обучаемости; относительную автономность ИИ в решении задач на основе использования прогностических моделей, которые, по мнению авторов, могут превосходить людей [27, р. 63, 74–75], в отличие от прошлых поколений ИИ, принимавших решения на основе правил [28]. В настоящее время исследователей особенно беспокоит проблема эмуляции ИИ [29], прежде всего в связи с вопросами права [20; 21] и этики [30], а также с таким аспектом, как человеческие ошибки, предубеждения, предвзятые суждения о том или ином явлении, интегрированные в ИИ в процессе обучения⁹. Современные достижения

в автономии и обучении интеллекта позволили ему породить алгоритмические модели и результаты, которые, к сожалению, понятны только определенной аудитории и остаются непрозрачными или полностью непонятными для других людей.

Более того, с ростом сложности алгоритмов, используемых в автономии и обучении, условия применения ИИ становятся более разнообразными и сложными. При разработке более сложных алгоритмов возникает несколько проблем: проблема черного ящика (the black-box problem) [31–33], проблемы объяснимости, прозрачности ИИ (explainable AI) [34; 35], проблема ответственности ИИ (AI accountability), проблема выполнения ИИ требований для надлежащего функционирования, его соответствие этическим стандартам и подотчетность [36] или «управляемость алгоритма» (algorithm traceability) [37].

По мере развития и автономности ИИ его непостижимость усиливается, и возникает вопрос, а не приведет ли это к интеллектуальному преимуществу машин над человеком. Ряд ученых, в том числе Илон Маск, высказывают опасения по поводу возможной технологической сингулярности¹⁰, когда технологическое развитие становится неуправляемым, что неизбежно ведет к радикальным изменениям человеческой цивилизации. На настоящем этапе такая угроза, по мнению ученых, перед человечеством не стоит, тем не менее существует необходимость изучать, понимать и управлять процессом эволюции автономного, самообучающегося ИИ, процессы функционирования остаются понятными только определенным специалистам [38].

Основные технологии ИИ

Для понимания принципов работы ИИ представляется целесообразным кратко описать основные драйверы и технологии, лежащие в основе его обучения и функционирования.

Большие данные (Big Data) – это термин, относящийся к объему (volume), разнообразию (variety) структурированных, полуструктурированных и неструктурированных данных, скорости (velocity) их обработки, которые превышают способности традиционных методов и инструментов анализа данных [39, с. 27]. Поэтому эти большие, сложные и быстрорастущие наборы данных (петабайты или эксабайты), собираемых со множества источников, требуют новых подходов для сбора, хранения, управления и анализа.

⁸ Government of Iceland. How Iceland is using GPT-4 to preserve its language. *OpenAI*. 14.03.2023. URL: <https://openai.com/customer-stories/government-of-iceland> (accessed 9 Jul 2023).

⁹ Касянчук Д. Искусственный интеллект и человеческий фактор. *Эконс*. 08.10.2020. URL: <https://econs.online/articles/techno/iskusstvennyy-intellekt-i-chelovecheskiy-faktor/>; Самая большая опасность искусственного интеллекта не Скайнет, а людские предрассудки. *Overclockers*. 16.01.2022. URL: <https://overclockers.ru/blog/amv212/show/61906/samaya-bolshaya-opasnost-iskusstvennogo-intellekta-ne-skajnet-a-ljudskih-predrassudki> (дата обращения: 12.07.2023).

¹⁰ Olinga L. Elon Musk calls for action against an imminent AI threat. *TheStreet*. 04.03.2023. URL: <https://www.thestreet.com/technology/elon-musk-calls-for-action-against-an-imminent-ai-threat> (accessed 17 Jul 2023).

Большие данные могут включать разнообразные типы данных: текст, изображения, видео, аудио, социальные медиа-сообщения, генетические последовательности и т. д. Большие данные могут быть сгенерированы и поступать в систему с высокой скоростью из различных источников. Это может быть поток данных в реальном времени, где информация должна быть обработана и проанализирована незамедлительно.

ИИ представляет собой набор технологий и алгоритмов, позволяющих компьютерам и аппаратным системам «думать» и «принимать решения», сходные с человеческими. Обладая способностью оперировать распределенными системами хранения данных, параллельными алгоритмами обработки, методами анализа, ИИ обрабатывает данные, находит закономерности, выявляет тренды и составляет прогнозы на основе больших данных.

Алгоритмы играют ключевую роль в разработке и функционировании ИИ. Алгоритмы ИИ представляют собой набор инструкций или процедур, разработанных для решения задач, требующих интеллектуальных способностей. Они предназначены для моделирования и эмуляции различных аспектов человеческого интеллекта, таких как распознавание образов, планирование, принятие решений, обучение и обработка естественного языка. Существует множество технических подходов и алгоритмов в рамках ИИ: логический вывод, вероятностные модели, генетические алгоритмы, алгоритмы обработки естественного языка, методы кластеризации и др.

Алгоритмы кластеризации позволяют группировать данные на основе их сходства и различий. Некоторые из популярных алгоритмов в этой области включают k-средних, Density-Based Spatial Clustering of Applications with Noise – DBSCAN и иерархическую кластеризацию. Алгоритмы классификации используются для прогнозирования или определения принадлежности объектов к определенным классам или категориям. К наиболее распространенным алгоритмам классификации относятся байесовские сети, дерево решений, метод опорных векторов и случайные леса [40; 41]. Алгоритмы усиления обучения используются для обучения агентов, способных принимать решения и активно участвовать в развитии окружающей среды. В зависимости от конкретной задачи и контекста могут быть использованы различные комбинации и модификации алгоритмов. Комбинация различных алгоритмов позволяет создавать разнообразные системы ИИ с различными возможностями их применения.

Машинное обучение (Machine Learning) занимается разработкой и использованием алгоритмов и моделей, которые позволяют компьютерным системам

«обучаться» на основе данных и опыта. В основе машинного обучения лежит идея, что компьютерные системы могут анализировать данные, искать паттерны и обучаться на основе этих паттернов, чтобы делать прогнозы, принимать решения или выполнять задачи без явного программирования¹¹.

Способность компьютеров распознавать и понимать текстовый язык называется **обработкой естественного языка** (Natural Language Processing – NLP) и включает в себя грамматический и семантический анализ, извлечение информации, анализ текста, поиск информации, машинный перевод, систему ответов на вопросы и диалоговую систему [42].

Ключ к обработке естественного языка заключается в том, чтобы обеспечить компьютерам **понимание естественного языка** (Natural Language Understanding – NLU), другими словами, научить аппаратную систему применять технологию, использующую естественный язык для общения. Машина, оснащенная технологией распознавания речи и семантического понимания, оптимизирует алгоритм непрерывного обучения, так что машина может не только слушать, но и понимать эмоции [43, с. 47].

Аппаратное обеспечение. В области машинного обучения используются модели «глубоких» нейронных сетей для решения сложных задач. Машинное обучение представляет собой метод реализации ИИ, а глубокое обучение является разновидностью машинного обучения [44]. Графический процессор (Graphics Processing Unit – GPU), производимый компанией NVIDIA, является основной аппаратной платформой для запуска глубокого обучения. Графический процессор представляет собой вычислительную модель, основанную на массивно-параллельных вычислениях, которая ускоряет приложения с параллельными функциями. В прошлом на обучение алгоритмов уходили месяцы, но с использованием графического процессора можно получить результат всего за один день. Мощные возможности параллельных вычислений, предоставляемые графическим процессором, устраняют узкие места в обучении глубоких алгоритмов, полностью раскрывая потенциал ИИ.

Основная цель **компьютерного зрения** заключается в создании систем, способных распознавать объекты, обнаруживать и анализировать паттерны и структуры в визуальных данных. Для достижения этой цели в компьютерном зрении применяются различные методы и техники, включая обработку изображений, распознавание образов, сегментацию, трекинг объектов и др. [45; 46, с. 320]. Компьютерное зрение находит применение в различных областях: медицине, автоматическом управлении, робототехнике, безопасности, мультимедиа и др. [47, с. 308–309].

¹¹ What is machine learning? IBM. URL: <https://www.ibm.com/topics/machine-learning> (accessed 20 Jul 2023).

Экспертные системы – это системы знаний, в основе которых лежит обширная база данных, содержащая профессиональные знания и опыт, а также механизм рассуждений. Важно заметить, что экспертные системы используют различные типы знаний для эмуляции мыслительных процессов экспертов и решения сложных задач, требующих уникального опыта и рассуждений. В образовании экспертные системы имеют такие преимущества, как отсутствие ограничений времени и места, независимость от внешнего влияния [48]. Они широко используются в дистанционном обучении, где способствуют эффективному обучающему процессу.

Нейронные сети моделируют работу нервной системы, используя сеть связанных искусственных нейронов, построенных по принципу функционирования сетей нервных клеток живого организма. Это математические модели, выполняющие вычисления с использованием большого количества данных [40, с. 111]. Нейронные сети обладают свойством быстрой адаптации к новой ситуации и способностью моделировать нелинейные зависимости, однако их работа остается необъяснимой и непостижимой.

Новые подходы к обучению ИИ меньше полагаются на заранее закодированные правила, человеческий контроль или надзор. Таким образом, обучение перешло от детерминированного к вероятностному подходу, и понимание ИИ приобрело новые, качественно иные аспекты и значения. Все больше внимания уделяется тем алгоритмам машинного обучения, которые позволяют системам самостоятельно обучаться на обработанных данных, извлеченных знаниях и на основе полученного опыта. С учетом этих изменений ИИ становится более гибким, самообучающимся и способным принимать решения на основе больших объемов данных. Это открывает перед ИИ новые возможности для применения в различных отраслях науки, техники и просто в быту.

Кроме того, сама способность ИИ к изменениям, к самосовершенствованию представляет интерес и огромный потенциал для исследователей, в частности для когнитологов. Динамический подход, практикуемый в исследовании когнитивных систем [49], как раз фокусируется на взаимодействии познавательных процессов внутри когнитивных систем с внешними процессами, с окружением. Согласно динамическому подходу, познающий агент в процессе своей деятельности может взаимодействовать не только с внешним окружением, но и с подобными себе агентами. Такое взаимодействие наблюдается в случае с ИИ, на чей познавательный процесс оказывают влияние заранее закодированные правила и алгоритмы, пользователи, а также различные интеллектуальные агенты. Таким образом, ИИ оказывается в эпицентре коллективных познавательных процессов, изучение которых оказывает влияние на его последующее развитие.

Модели анализа ИИ

Материал исследования позволяет выделить три модели анализа ИИ, влиянию которых подвергаются современные технологии интеллектуального анализа данных, обнаружения знаний и интеллектуальных агентов.

Символизм, также известный как логицизм, согласно которому символы являются основным аспектом человеческого познания, – это процесс символического расчета и рассуждения. В символическом ИИ когнитивные объекты людей выражаются в виде символов при помощи математической логики, а затем используются возможности компьютера для обработки символов с целью имитации когнитивных процессов человека [50].

Коннекционизм, также известный как бионика, основывается на принципе, что человеческий интеллект зависит от физиологической структуры и функционирования человеческого мозга. Коннекционизм считает нейроны человеческого мозга основными элементами когнитивного познания, а когнитивный процесс представляет собой обработку информации мозгом человека. Философы полагают, что эти два подхода сосуществуют на принципе дополнительности, как формальный и содержательный подходы [51; 52, с. 11].

Бихевиоризм, также известный как эволюция кибернетики, основывается на принципе, что интеллект зависит от восприятия и действия. Согласно бихевиоризму, основной способностью человека является способность к действию, восприятию, поддержанию жизни и самосохранению. Интеллектуальное поведение проявляется через взаимодействие с реальной средой, и ИИ должен развиваться постепенно, аналогично развитию человеческого интеллекта. Важным результатом разработок является реализация интеллектуальных систем управления и интеллектуальных роботов [53].

Лингвистические исследования

Одним из требующих решения вызовов XXI в. признается проблема информационного взрыва [54, с. 1293]. Развитие Интернета и цифровых технологий привело к экспоненциальному росту объема доступной информации, 95 % которой приходится на неструктурированные данные [55, с. 115]. Постоянно пополняющиеся объемы информации требуют соответствующего метода ее обработки для адекватного извлечения знаний (Knowledge Extraction – KE). «Раскопками» знаний в текстовой информации занимается такое направление ИИ, как интеллектуальный анализ текстов (Text Mining), существующий в рамках концепции интеллектуального анализа данных (Data Mining) [54; 56–59] и тесно связанный с проблемой больших данных (Big Data).

Изученный материал позволяет объединить лингвистические исследования в этой области вокруг основных задач Text Mining, которыми являются

поиск в тексте информации, извлечение знаний, сортировка и классификация документов, аннотирование [54, с. 1294]. Отметим, что существующие подходы к решению этих задач базируются на методах математической лингвистики [60; 61].

С лингвистической точки зрения процесс извлечения знаний из текстовой информации сопровождается некоторыми сложностями, обусловленными особенностями и неоднозначностью естественных языков. Во-первых, это мультисемантическая, позволяющая лексемам существовать в разных контекстах и, соответственно, допускающая вариативность интерпретации. С другой стороны, одна и та же мысль может быть выражена различными языковыми средствами, результатом чего становится избыточность вербальной информации, величина которой, согласно исследованию А. Б. Гуларяна, колеблется в пределах 70–80 % [62, с. 9]. Очевидной лингвистической проблемой автоматического извлечения информации является сложность раскрытия стилистических конструкций, например, метафор и эпитетов; свободный порядок слов в предложении, как в русском языке; инверсии, анафоры и даже восприятие синонимов. Еще одной сложностью больше технического характера, напрямую отражающейся на процессе извлечения знания, является проблема слияния гетерогенных данных [54, с. 1295], обусловленная разнородностью форматов и естественных языков источников информации.

Изучение вопросов интеллектуального анализа текстов тесно переплетается с задачами обработки, т. е. понимания естественного языка [63], для решения которых в настоящее время создаются разнообразные сервисы и экосистемы, чтобы оценивать производительность – уровень понимания современного ИИ (language understanding evaluation benchmark). Среди таких тестов производительности – бенчмарков, предлагаемых российскими разработчиками, могут быть названы языковая модель RuBERT (Russian Bidirectional Encoder Representations from Transformers) [64]; проект DeepPavlov, разработанный в Лаборатории нейронных систем и глубокого обучения МФТИ [64]; проект Russian SuperGlue, позволяющий человеку и сильному интеллекту сравнивать качество универсальных языковых моделей русского языка на основе предлагаемых одинаковых заданий и тестов¹².

Процесс NLP применительно к интеллектуальному анализу текстов реализуется при помощи следующих подходов: маркировка слов как частей речи (tagging) [65]; выделение основных смысловых частей предложения (chunking) [66]; оценивание

семантической связанности пар слов, определение семантических ролей и построение статистической модели языка [67].

Благодаря развитию ИИ, а именно процессов обработки естественных языков, на новый уровень вышли технологии машинного перевода, среди которых на современном этапе их развития можно выделить аналитический, основанный на правилах (Rule-Based Machine Translation – RBMT); статистический (Statistical Machine Translation – SMT), где перевод генерируется на основе анализа двуязычных корпусов текста (text corpora), и нейронный машинный перевод (Neural Machine Translation – NMT), модели которого используют глубинное обучение и обучение признакам [68]. В современной научной литературе отражены исследования различных систем и подходов к машинному переводу [69; 70].

Следующей областью концентрации лингвистических интересов является информационный поиск (Information Retrieval – IR) [71–73], а точнее семантический поиск, направленный на семантический образ искомого документа. Суть данного анализа заключается «в выделении семантических отношений, формировании семантического представления текстов»¹³.

Методологические аспекты выбора словоформ для распознавания контента представлены в работе А. А. Мусаева и Д. А. Григорьева, где авторы систематизируют принципы поиска информации и выделяют следующие виды поиска: на основе словоформ, на основе словосочетаний, на основе шаблонов (ассоциации, правила, частотные подмножества, скрытые закономерности), на основе концептов [54].

Еще одним способом получить представление о содержании текста является суммаризация текста (Text Summarisation), его семантическое сжатие, или автоматическое реферирование и аннотирование. Суммаризация может осуществляться с помощью выделения наиболее значимых с точки зрения информативности блоков и последующего их объединения. Такая суммаризация носит название экстрактивной. Другой подход – абстрактивный – основан на анализе и обобщении документа и генерации нового краткого текста [74–76].

Наряду с получением обобщенного представления о содержании текста исследователи используют возможности ИИ для автоматического выявления его тональности. Анализ тональности (sentiment analysis) является более сложным видом анализа текста. Особенно трудными для идентификации признаются ирония и сарказм, где кроме анализа

¹² Обучение Russian SuperGLUE моделей с помощью библиотеки DeepPavlov. Хабр. 04.12.2022. URL: <https://habr.com/ru/articles/703334> (дата обращения: 05.07.2023).

¹³ Корешкова Т. Семантический анализ для автоматической обработки естественного языка. Научно-технический центр ФГУП «ГРЦЦ». 08.09.2021. URL: https://rdc.grfc.ru/2021/09/semantic_analysis/#post-1707-_Точ69397630 (дата обращения: 01.07.2023).

самого высказывания необходим анализ контекста [77]. Анализ тональности проводится по двум целевым векторам: 1) определить тональность автора для всего текста или фрагмента текста – общий анализ; 2) определить тональность по отношению к заданной цели – таргетированный анализ [78; 79].

Область применения сентимент-анализа разнообразна. Так, О. И. Максименко проводит сентимент-анализ на материале текстов СМИ [80], Н. В. Лукашевич и Ю. В. Рубцова анализируют тональность твитов [81], М. В. Чернышевский исследует актуальные классификации тональности мнений для актуализации системы автоматического сентимент-анализа текста (АСАТ) [82].

Анализ тональности является разновидностью контент-анализа [83]. В прикладной лингвистике контент-анализ используется для систематического изучения и анализа содержания текстового, аудио-, видео- или другого медийного контента [84, с. 1201]. Он позволяет исследователям выявлять паттерны, тенденции, темы, категории или другие характеристики в большом объеме данных.

Развитие ИИ расширяет возможности контент-анализа, а разработанные компьютерные программы, такие как CATRAS, Diction, General Inquirer, позволяют обработать большие массивы информации [85, с. 116]. Контент-анализ содействует получению качественных и количественных данных для обоснования научных выводов, исследования тенденций, мониторинга общественного мнения, анализа медийной репутации и др.

ИИ тесно связан с исследованием языковых корпусов (language corpora) [86], представляющих собой структурированную и организованную коллекцию текстов, записей речи или других языковых данных. Корпусный анализ является основой для разработки и обучения различных алгоритмов и моделей ИИ, способных обрабатывать и понимать текстовые данные. Корпусы текстов и языковых данных служат «тренировочными наборами» для машинного обучения, что позволяет алгоритмам ИИ извлекать знания и закономерности из большого объема текстов.

Приведем примеры взаимодействия корпусного анализа и ИИ. Корпусы текстов используются для обучения таких моделей NLP, как классификаторы, анализаторы тональности, анализаторы сентимента и др. Модели NLP, обученные на корпусах, могут лучше понимать и обрабатывать естественный язык. Исследование частотности употребления лексических единиц, их сочетаемости и контекстов использования в корпусах помогает искусственным интеллектуальным системам лучше понимать наиболее распространенные языковые структуры и тематики [87]. Корпуса текстов широко используются переводчиками.

Алгоритмы ИИ, применяющие корпусный анализ, могут автоматически извлекать информацию, классифицировать тексты, выполнять суммаризацию, анализ

синтаксиса. ИИ, обеспеченный корпусным анализом, становится более компетентным и эффективным в обработке и понимании естественного языка. Развитие различных приложений и систем облегчает и улучшает взаимодействие между человеком и машиной.

На основе перечисленных методов извлечения текстовой информации заключим, что ИИ обладает способностью классифицировать и кластеризовать информацию, способностью отнесения текстовых документов к заданному семантическому классу. Классификация относится к способу когнитивного восприятия действительности, поэтому представляет интерес для лингвистов-когнитологов.

Заключение

Бесспорно, ИИ становится неотъемлемой частью различных наук, промышленных отраслей и окружающей действительности. Его уникальная способность использовать знания, эмулировать мыслительные процессы человека и решать сложные задачи делает его востребованным инструментом в различных сферах. Несмотря на существование различных определений понятия ИИ и наличие инвариантных характеристик, вопрос дефиниции исследуемого термина остается дискуссионным, поскольку разные науки фокусируются на релевантных для себя аспектах и функциях ИИ.

Развитие ИИ представляет огромный потенциал для науки, промышленности и повседневной жизни. Однако, несмотря на все достижения, существуют вызовы, связанные с эмулятивным поведением ИИ и его постоянным развитием, что требует более глубокого понимания этих процессов, разработки конвергентной методологии изучения ИИ.

Задача извлечения знаний из текстовых сообщений, вокруг которой формируются лингвистические исследования в области ИИ, имеет огромную важность и является ключевой в области обработки естественного языка и обучения ИИ. Решение данной задачи облегчает процесс обработки и анализа данных, содействует структурированию неструктурированной информации для интерпретации и анализа. Автоматическая обработка языка позволяет компьютерам понимать и анализировать естественный язык, что открывает двери для разработки современных систем взаимодействия с пользователем, создания систем, способных принимать решения и обучаться на основе больших объемов данных.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Duan L., Xu L. D. Business intelligence for enterprise systems: a survey. *IEEE Transactions on Industrial Informatics*, 2012, 8(3): 679–687. <http://dx.doi.org/10.1109/TII.2012.2188804>
2. Резаев А. В., Стариков В. С., Трегубова Н. Д. Социология в эпоху «искусственной социальности»: поиск новых оснований. *Социологические исследования*. 2020. № 2. С. 3–12. [Rezaev A. V., Starikov V. S., Tregubova N. D. Sociology in the age of ‘artificial sociality’: search of new bases. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2020, (2): 3–12. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31857/S013216250008489-0>
3. Hui Y. On the limit of artificial intelligence. *Philosophy Today*, 2021, 65(2): 339–357. <https://doi.org/10.5840/philtoday202149392>
4. Райков А. Н. Слабый vs Сильный искусственный интеллект. *Информатизация и связь*. 2020. № 1. С. 81–88. [Raikov A. N. Weak vs strong artificial intelligence. *Informatizatsiia i sviaz*, 2020, (1): 81–88. (In Russ.)] <https://doi.org/10.34219/2078-8320-2020-11-1-81-88>
5. Ng G. W., Leung W. C. Strong artificial intelligence and consciousness. *Journal of Artificial Intelligence and Consciousness*, 2020, 07(01): 63–72. <https://doi.org/10.1142/S2705078520300042>
6. Лешкевич Т. Г. Пределы искусственного интеллекта в оптике академического дискурса. *Междисциплинарность в современном социально-гуманитарном знании-2018: третья междунар. науч. конф.* (Ростов-на-Дону, 20–22 сентября 2018 г.) Ростов н/Д-Таганрог: ЮФУ, 2018. Т. 2. Ч. 2(2), С. 135–142. [Leshkevich T. G. The limits of artificial intelligence in the optics of academic discourse. *Interdisciplinarity in the modern humanities and social sciences-2018: Proc. Third Intern. Sci. Conf.*, Rostov-on-Don, 20–22 Sep 2018. Rostov-on-Don-Taganrog: SFedU, 2018, vol. 2, pt. 2(2), 135–142. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/mckktr>
7. Проворных И. А. О возможности появления разума у искусственного интеллекта. *Инновационный дискурс развития современной науки и технологий: III Междунар. науч.-практ. конф.* (Петрозаводск, 23 декабря 2021 г.) Петрозаводск: Новая Наука, 2021. С. 224–227. [Provornykh I. A. Is it possible for artificial intelligence to have a mind. *Innovative discourse on the development of modern science and technology: Proc. III Intern. Sci.-Prac. Conf.*, Petrozavodsk, 23 Dec 2021. Petrozavodsk: Novaia Nauka, 2021, 224–227. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/pdmqnf>
8. Kaplan A., Haenlein M. Rulers of the world, unite! The challenges and opportunities of artificial intelligence. *Business Horizons*, 2020, 63(1): 37–50. <https://doi.org/10.1016/j.bushor.2019.09.003>
9. Костина А. В. Цифровое общество: человек, культура, природа в горизонте сингулярности. *Знание. Понимание. Умение*. 2020. № 4. С. 15–33. [Kostina A. V. Digital society: man, culture, nature in the horizon of singularity. *Znanie. Poniimanie. Umenie*, 2020, (4): 15–33. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/bmegvr>
10. Jiang Y., Li X., Luo H., Yin S., Kaynak O. Quo vadis artificial intelligence? *Discover Artificial Intelligence*, 2022, 2(4). <https://doi.org/10.1007/s44163-022-00022-8>
11. Ковалев С. М., Снашел В., Гуда А. Н., Колоденкова А. Е., Суханов А. В. Аналитический обзор современных интеллектуальных информационных технологий в технике и на производстве. *Вестник РГУПС*. 2019. № 1. С. 60–75. [Kovalev S. M., Snasel V., Guda A. N., Kolodenkova A. E., Sukhanov A. V. The analytic review of the modern intelligent information technologies for industry. *Vestnik RGUPS*, 2019, (1): 60–75. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/zbklil>
12. Кирпун В. Е., Соловьева Н. А. Искусственный интеллект в сфере механизации сельского хозяйства. *Математическое моделирование и информационные технологии при исследовании явлений и процессов в различных сферах деятельности: II Междунар. студ. науч.-практ. конф.* (Краснодар, 14 марта 2022 г.) Краснодар: Новация, 2022. С. 151–156. [Kirpun V. E., Solovyova N. A. Artificial intelligence in agricultural mechanization. *Mathematical modeling and information technologies in the study of phenomena and processes in various fields of activity: Proc. II Intern. Sci.-Prac. Conf. of Students*, Krasnodar, 14 Mar 2022. Krasnodar: Novatsiia, 2022, 151–156. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/nqgueq>
13. Безлепкин Е. А., Зайкова А. С. Нейрофилософия, философия нейронаук и философия искусственного интеллекта: проблема различения. *Философские науки*. 2021. Т. 64. № 1. С. 71–87. [Bezlepkin E. A., Zaykova A. S. Neurophilosophy, philosophy of neuroscience, and philosophy of artificial intelligence: the problem of distinguishing. *Russian Journal of Philosophical Sciences*, 2021, 64(1): 71–87. (In Russ.)] <https://doi.org/10.30727/0235-1188-2021-64-1-71-87>
14. Digilina O. B., Teslenko I. B., Nalbandyan A. A. The artificial intelligence: prospects for development and problems of humanization. *RUDN Journal of Economics*, 2023, 31(1): 170–183. <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2023-31-1-170-183>
15. Shchitova A. A. Definition of artificial intelligence for legal regulation. *Proceedings of the 2nd International Scientific and Practical Conference on Digital Economy (ISCDE 2020)*, Ekaterinburg, 5–6 Nov 2020. Ekaterinburg: Institute of Digital Economics; Atlantis Press, 2020, 616–620. <https://doi.org/10.2991/aebmr.k.201205.104>

16. Menczer F., Crandall D., Ahn Y.-Y., Kapadia A. Addressing the harms of AI-generated inauthentic content. *Nature Machine Intelligence*, 2023, 5(7): 679–680. <https://doi.org/10.1038/s42256-023-00690-w>
17. Wang P. On defining artificial intelligence. *Journal of Artificial General Intelligence*, 2019, 10(2): 1–37. <https://doi.org/10.2478/jagi-2019-0002>
18. Monett D., Lewis C. W. P., Thórisson K. R. Introduction to the JAGI Special Issue "On Defining Artificial Intelligence" – commentaries and author's response. *Journal of Artificial General Intelligence*, 2020, 11(2): 1–4. <https://doi.org/10.2478/jagi-2020-0003>
19. Simon H. A. *Models of Man: Social and Rational*. NY: John Wiley & Sons, 1957, 287.
20. Архипов В. В., Наумов В. Б. Искусственный интеллект и автономные устройства в контексте права: о разработке первого в России закона о робототехнике. *Труды СПИИРАН*. 2017. № 6. С. 46–62. [Arkhipov V. V., Naumov V. B. Artificial intelligence and autonomous devices in legal context: on development of the first Russian law on robotics. *Trudy SPIIRAN*, 2017, (6): 46–62. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15622/sp.55.2>
21. Васильев А. А., Шпоппер Д., Матаева М. Х. Термин «искусственный интеллект» в российском праве: доктринальный анализ. *Юрислингвистика*. 2018. № 7-8. С. 35–44. [Vasilyev A. A., Szpoper D., Matayeva M. H. The term "artificial intelligence" in the Russian law: doctrinal analysis. *Legal Linguistics*, 2018, (7-8): 35–44. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/y1qksd>
22. Duft G., Durana P. Artificial intelligence-based decision-making algorithms, automated production systems, and big data-driven innovation in sustainable Industry 4.0. *Economics, Management, and Financial Markets*, 2020, 15(4): 9–18. <https://doi.org/10.22381/EMFM15420201>
23. Lu Y. Artificial intelligence: a survey on evolution, models, applications and future trends. *Journal of Management Analytics*, 2019, 6(1): 1–29. <https://doi.org/10.1080/23270012.2019.1570365>
24. Liu S., Wright A. P., Patterson B. L., Wanderer J. P., Turer R. W., Nelson S. D., McCoy A. B., Sittig D. F., Wright A. Using AI-generated suggestions from ChatGPT to optimize clinical decision support. *Journal of the American Medical Informatics Association*, 2023, 30(7): 1237–1245. <https://doi.org/10.1093/jamia/ocad072>
25. Brynjolfsson E., Mitchell T. What can machine learning do? *Workforce implications*. *Science*, 2017, 358(6370): 1530–1534. <https://doi.org/10.1126/science.aap8062>
26. Berente N., Gu B., Recker J., Santhanam R. Managing artificial intelligence. *MIS Quarterly Special Issue: Managing AI*, 2021, 45(3): 1433–1450. <https://doi.org/10.25300/MISQ/2021/16274>
27. *The economics of artificial intelligence: an agenda*, eds. Agrawal A., Gans J., Goldfarb A. Chicago-London: The University of Chicago Press, 2019, 642. <https://doi.org/10.7208/chicago/9780226613475.001.0001>
28. Grosan C., Abraham A. Rule-based expert systems. *Intelligent systems: a modern approach*. Berlin-Heidelberg: Springer, 2011, 149–185. https://doi.org/10.1007/978-3-642-21004-4_7
29. Булавинова М. П. Риски и угрозы новых технологий, основанных на искусственном интеллекте. (Обзор). *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 8: Науковедение. Реферативный журнал*. 2018. № 2. С. 23–41. [Bulavinova M. P. Risks and threats of new technologies based on artificial intelligence: a review. *Sotsialnye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaia i zarubezhnaia literatura. Seriya 8: Naukovedenie. Referativnyi zhurnal*, 2018, (2): 23–41. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/utcghm>
30. Strümke I., Slavkovik M., Madai V. I. The social dilemma in artificial intelligence development and why we have to solve it. *AI and Ethics*, 2022, 2(4): 655–665. <https://doi.org/10.1007/s43681-021-00120-w>
31. von Eschenbach W. J. Transparency and the black box problem: why we do not trust AI. *Philosophy & Technology*, 2021, 34(4): 1607–1622. <https://doi.org/10.1007/s13347-021-00477-0>
32. Zednik C. Solving the Black Box Problem: a normative framework for Explainable Artificial Intelligence. *Philosophy & Technology*, 2021, 34(2): 265–288. <https://doi.org/10.1007/s13347-019-00382-7>
33. Лешкевич Т. Г. Метафоры цифровой эры и Black Box Problem. *Философия науки и техники*. 2022. Т. 27. № 1. С. 34–48. [Leshkevich T. G. Metaphors of the digital age and the Black Box Problem. *Philosophy of Science and Technology*, 2022, 27(1): 34–48. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21146/2413-9084-2022-27-1-34-48>
34. Angelov P. P., Soares E. A., Jiang R., Arnold N. I., Atkinson P. M. Explainable artificial intelligence: an analytical review. *WIREs Data Mining and Knowledge Discovery*, 2021, 11(5). <https://doi.org/10.1002/widm.1424>
35. Шевская Н. В. Объяснимый искусственный интеллект и методы интерпретации результатов. *Моделирование, оптимизация и информационные технологии*. 2021. Т. 9. № 2. [Shevskaya N. V. Explainable artificial intelligence and methods for interpreting results. *Modeling, Optimization and Information Technology*, 2021, 9(2). (In Russ.)] <https://doi.org/10.26102/2310-6018/2021.33.2.024>
36. Percy C., Dragicevic S., Sarkar S., d'Avila Garcez A. S. Accountability in AI: from principles to industry-specific accreditation. *AI Communications*, 2021, 34(3): 181–196. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2110.09232>

37. Mora-Cantalops M., Sánchez-Alonso S., García-Barriocanal E., Sicilia M.-A. Traceability for trustworthy AI: a review of models and tools. *Big Data and Cognitive Computing*, 2021, 5(2). <https://doi.org/10.3390/bdcc5020020>
38. Tariq S., Iftikhar A., Chaudhary P., Khurshid K. Is the 'Technological Singularity scenario' possible: can AI parallel and surpass all human mental capabilities? *World Futures*, 2023, 79(2): 200–266. <https://doi.org/10.1080/02604027.2022.2050879>
39. Назаренко Ю. Л. Обзор технологии «большие данные» (Big Data) и программно-аппаратных средств, применяемых для их анализа и обработки. *European Science*. 2017. № 9. С. 25–30. [Nazarenko Yu. L. Technology review "Big Data" and software facilities applicable for it analysis and processing. *European Science*, 2017, (9): 25–30. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/zrvwiv>
40. Пальмов С. В., Мифтахова А. А. Обзор основных методов искусственного интеллекта. *Перспективы науки*. 2013. № 11. С. 110–113. [Palmov S. V., Miftakhova A. A. Overview of the main methods of artificial intelligence. *Perspektivy nauki*, 2013, (11): 110–113. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sbilfb>
41. Павлычев А. В., Стародубов М. И., Галимов А. Д. Использование алгоритма машинного обучения Random Forest для выявления сложных компьютерных инцидентов. *Вопросы кибербезопасности*. 2022. № 5. С. 74–81. [Pavlychev A. V., Starodubov M. I., Galimov A. D. Using the Random Forest machine learning algorithm for the extraction of complex computer incidents. *Voprosy kiberbezopasnosti*, 2022, (5): 74–81. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21681/2311-3456-2022-5-74-81>
42. Белов С. Д., Зрелова Д. П., Зрелов П. В., Кореньков В. В. Обзор методов автоматической обработки текстов на естественном языке. *Системный анализ в науке и образовании*. 2020. № 3. С. 8–22. [Belov S. D., Zrelova D. P., Zrelov P. V., Korenkov V. V. Overview of methods for automatic natural language text processing. *System Analysis in Science and Education*, 2020, (3): 8–22. (In Russ.)] <https://doi.org/10.37005/2071-9612-2020-3-8-22>
43. Максимов В. Ю., Клышинский Э. С., Антонов Н. В. Проблема понимания в системах искусственного интеллекта. *Новые информационные технологии в автоматизированных системах*. 2016. № 19. С. 43–60. [Maksimov V. Yu., Klyshinsky E. S., Antonov N. V. The problem of understanding in artificial intelligence systems. *Novye informatsionnye tekhnologii v avtomatizirovannykh sistemakh*, 2016, (19): 43–60. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/vtznryr>
44. Janiesch C., Zschech P., Heinrich K. Machine learning and deep learning. *Electron Markets*, 2021, 31(3): 685–695. <https://doi.org/10.1007/s12525-021-00475-2>
45. Dutta Majumder D. Pattern recognition, image processing and computer vision in fifth generation computer systems. *Sadhana*, 1986, 9(2): 139–156. <https://doi.org/10.1007/BF02747523>
46. Горячкин Б. С., Китов М. А. Компьютерное зрение. *E-Scio*. 2020. № 9. С. 318–346. [Goryachkin B. S., Kitov M. A. Computer vision. *E-Scio*, 2020, (9): 318–346. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ebypio>
47. Новиков Н. И. Исследование разработки и применения различных алгоритмов компьютерного зрения для распознавания образов и объектов. *Научный аспект*. 2023. Т. 3. № 7. С. 306–312. [Novikov N. I. The development and application of various computer vision algorithms for pattern and object recognition. *Nauchnyi aspekt*, 2023, 3(7): 306–312. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/akykha>
48. Khanna S., Kaushik A., Barnela M. Expert systems advances in education. *Proceedings of National Conference on Computational Instrumentation (NCCI 2010)*. Chandigarh, 19–20 Mar 2010. CSIO Chandigarh, 2010, 109–112.
49. Favela L. H. Editor's introduction: innovative dynamical approaches to cognitive systems. *Cognitive Systems Research*, 2019, 58, 156–159. <https://doi.org/10.1016/j.cogsys.2019.06.001>
50. Новиков Ф. А. Символический искусственный интеллект: математические основы представления знаний. М.: Юрайт, 2023. 278 с. [Novikov F. A. *Symbolic artificial intelligence: mathematical foundations of knowledge representation*. Moscow: Iurait, 2023. 278. (In Russ.)]
51. Алексеева Е. А. Противостояние символизма и коннекционизма в истории развития искусственного интеллекта. *История*. 2020. Т. 11. № 11. [Alekseeva E. A. The opposition of symbolism and connectionism in the history of artificial intelligence development. *Istoriya*, 2020, 11(11). (In Russ.)] <https://doi.org/10.18254/S207987840013021-2>
52. Безлепкин Е. А. Проблема синтеза коннекционизма и символизма в моделях слабого искусственного интеллекта. *Философия, социология, право: традиции и перспективы*: Всерос. науч. конф. (Новосибирск, 19–20 ноября 2020 г.) Новосибирск: Ofсет-ТМ, 2020. С. 10–13. [Bezlepkin E. A. The problem of synthesis of connectionism and symbolism in models of weak artificial intelligence. *Philosophy, Sociology, Law: Traditions and Prospects*. Proc. All-Russian Sci. Conf., Novosibirsk, 19–20 Nov 2020. Novosibirsk: Ofset-TM, 2020, 10–13. (In Russ.)] <https://doi.org/10.47850/S.2020.1.2>
53. Алексеев А. Ю. Философия искусственного интеллекта: нейрокомпьютерные реализаторы когниций. *Нейрокомпьютеры: разработка, применение*. 2014. № 4. С. 7–8. [Alekseev A. Yu. Philosophy of artificial

- intelligence: neurocomputing realizers of cognitions. *Neirokompiutery: razrabotka, primeneniye*, 2014, (4): 7–8. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/sefhnh>
54. Мусаев А. А., Григорьев Д. А. Обзор современных технологий извлечения знаний из текстовых сообщений. *Компьютерные исследования и моделирование*. 2021. Т. 13. № 6. С. 1291–1315. [Musaev A. A., Grigoriev D. A. Extracting knowledge from text messages: overview and state-of-the-art. *Computer Research and Modeling*, 2021, 13(6): 1291–1315. (In Russ.)] <https://doi.org/10.20537/2076-7633-2021-13-6-1291-1315>
55. Журавлева Е. Ю. Эпистемический статус цифровых данных в современных научных исследованиях. *Вопросы философии*. 2012. № 2. С. 113–123. [Zhuravleva E. Yu. Epistemic status of digital data in modern scientific research. *Voprosy filosofii*, 2012, (2): 113–123. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/owuwqz>
56. Warschauer M., Yim S., Lee H., Zheng B. Recent contributions of data mining to language learning research. *Annual Review of Applied Linguistics*, 2019, (39): 93–112. <https://doi.org/10.1017/S0267190519000023>
57. Hassani H., Beneki C., Unger S., Mazinani M. T., Yeganegi M. R. Text mining in big data analytics. *Big Data and Cognitive Computing*, 2020, 4(1). <https://doi.org/10.3390/bdcc4010001>
58. Janani R., Vijayarani S. Text mining research: a survey. *International Journal of Innovative Research in Computer and Communication Engineering*, 2016, 4(4): 6564–6571. <https://doi.org/10.15680/IJIRCCE.2016.0404040>
59. Pruthi S. Knowledge discovery through data mining: an econometric perspective. *International Journal of Advanced Engineering Research and Science*, 2015, 2(10): 37–39.
60. Мальшева Е. Ю., Лычагина В. А. Математические методы исследования лингвистики. *Язык и культура в эпоху интеграции научного знания и профессионализации образования*. 2022. № 3-1. С. 170–177. [Malisheva E. Yu., Lichagina V. A. Mathematical methods in linguistic research. *Iazyk i kultura v epokhu integratsii nauchnogo znaniia i professionalizatsii obrazovaniia*, 2022, (3-1): 170–177. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/pxlqjx>
61. Пиотровский Р. Г. Инженерная лингвистика и теория языка. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1979. 112 с. [Piotrowski R. G. *Engineering linguistics and theory of language*. Leningrad: Nauka, Leningr. otd-nie, 1979, 112. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/zdzizgh>
62. Гуларян А. Б. Принцип «избыточности» как основа построения семантических систем. *Историческое обозрение*. 2009. № 10. С. 9–16. [Gularyan A. B. The principle of redundancy as the basis for constructing semantic systems. *Istoricheskoe obozrenie*, 2009, (10): 9–16. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/uipidp>
63. Khurana D., Koli A., Khatker K., Singh S. Natural language processing: state of the art, current trends and challenges. *Multimedia Tools and Applications*, 2023, 82(3): 3713–3744. <https://doi.org/10.1007/s11042-022-13428-4>
64. Kuratov Yu., Arkhipov M. Adaptation of deep bidirectional multilingual transformers for Russian language. *Computational Linguistics and Intellectual technologies: Proc. Annual International Conference "Dialogue" (2019)*, Moscow, 29 May – 1 Jun 2019. Moscow, 2019, iss. 18, 333–339. <https://www.elibrary.ru/bbvvr>
65. Dhumal Deshmukh R., Kiwelekar A. W. Deep learning techniques for part of speech tagging by natural language processing. *Proceedings 2nd International Conference on Innovative Mechanisms for Industry Applications (ICIMIA 2020)*, Bangalore, 5–7 Mar 2020. IEEE, 2020, 76–81. <https://doi.org/10.1109/ICIMIA48430.2020.9074941>
66. Aung M. P., Moe A. L. New phrase chunking algorithm for Myanmar Natural Language Processing. *Applied Mechanics and Materials*, 2015, 695: 548–552. <https://doi.org/10.4028/www.scientific.net/AMM.695.548>
67. Stavrianou A., Andritsos P., Nicoloyannis N. Overview and semantic issues of text mining. *ACM SIGMOD Record*, 2007, 36(3): 23–34. <https://doi.org/10.1145/1324185.1324190>
68. Озерова М. И. Обзор интеллектуальных методов машинного перевода. *Russian Linguistic Bulletin*. 2023. № 1. [Ozerova M. I. A review of intellectual machine translation methods. *Russian Linguistic Bulletin*, 2023, (1). (In Russ.)] <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.37.6>
69. Шанкин А. А. Системы машинного перевода PROMT. *Россия в мире: проблемы и перспективы развития международного сотрудничества в гуманитарной и социальной сфере: VI Междунар. науч.-практ. конф. (Москва-Пенза, 25–26 марта 2019 г.)* Пенза: ПензГТУ, 2019. С. 267–277. [Shankin A. A. Machine translation systems PROMT. *Russia in the world: problems and prospects for the development of international cooperation in the humanitarian and social sphere: Proc. VI Intern. Sci.-Prac. Conf.*, Moscow-Penza, 25–26 Mar 2019. Penza: PenzSTU, 2019, 267–277. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/zazsah>
70. Klimova B., Pikhart M., Delorme Benites A., Lehr C., Sanchez-Stockhammer C. Neural machine translation in foreign language teaching and learning: a systematic review. *Education and Information Technologies*, 2023, 28(1): 663–682. <https://doi.org/10.1007/s10639-022-11194-2>
71. Calvillo E. A., Padilla A., Muñoz J., Ponce J. S., Fernandez-Breis J. T. Searching research papers using clustering and text mining. *CONIELECOMP 2013: Proc. 23rd Intern. Conf. on Electronics, Communications and Computing*, Cholula, Puebla, 11–13 Mar 2013. IEEE, 2013, 78–81. <https://doi.org/10.1109/CONIELECOMP.2013.6525763>

72. Маннинг К. Д., Рагхаван П., Шютце Х. Введение в информационный поиск. М.: Вильямс, 2011. 528 с. [Manning C. D., Raghavan P., Schütze H. *Introduction to information retrieval*. Moscow: Viliams, 2011, 528. (In Russ.)]
73. Басипов А. А., Демич О. В. Семантический поиск: проблемы и технологии. *Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Управление, вычислительная техника и информатика*. 2012. № 1. С. 104–111. [Basipov A. A., Demich O. V. Semantic search: issues and technologies. *Vestnik of Astrakhan State Technical University. Series: Management, computer science and informatics*, 2012, (1): 104–111. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ooobzv>
74. Rathi K., Raj S., Mohan S., Singh Y. V. A review of state-of-the-art Automatic Text Summarisation. *International Journal of Creative Research Thoughts*, 2022, 10(4): e527–e541. <https://ssrn.com/abstract=4107774>
75. Белякова А. Ю., Беляков Ю. Д. Обзор задачи автоматической суммаризации текста. *Инженерный вестник Дона*. 2020. № 10. С. 142–159. [Belyakova A. Yu., Belyakov Yu. D. Overview of text summarization methods. *Inzhenernyj vestnik Dona*, 2020, (10): 142–159. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ayuyfq>
76. Joshi A., More P., Shah S., Sahitya A. An algorithmic approach for text summarization. *Proceedings 2023 International Conference for Advancement in Technology (ICONAT)*, Goa, 24–26 Jan 2023. IEEE, 2023. <https://doi.org/10.1109/ICONAT57137.2023.10080575>
77. Joshi A., Bhattacharyya P., Carman M. J. Automatic sarcasm detection: a survey. *ACM Computing Surveys*, 2018, 50(5). <https://doi.org/10.1145/3124420>
78. Li J., Hovy E. Reflections on sentiment / opinion analysis. In: Cambria E., Das D., Bandyopadhyay S., Feraco A. *A practical guide to sentiment analysis*. Springer, 2017, 41–59. https://doi.org/10.1007/978-3-319-55394-8_3
79. Liu B., Zhang L. A survey of opinion mining and sentiment analysis. *Mining Text Data*, eds. Aggarwal C. C., Zhai C. X. Boston: Springer, 2012, 415–463. https://doi.org/10.1007/978-1-4614-3223-4_13
80. Максименко О. И. Анализ тональности текстов (сентимент-анализ) на материале текстов СМИ. *Функциональная семантика и семиотика знаковых систем: Междунар. науч. конф. (Москва, 28–30 октября 2014 г.)* М.: РУДН, 2014. Ч. I. С. 96–105. [Maksimenko O. I. Text sentiment analysis: the case of mass media texts. *Functional semantics and semiotics of sign systems*. Intern. Sci. Conf., Moscow, 28–30 Oct 2014. Moscow: PFUR, 2014, pt. I, 96–105. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/tldlwhh>
81. Лукашевич Н. В., Рубцова Ю. В. Объектно-ориентированный анализ твитов по тональности: результаты и проблемы. *Аналитика и управление данными в областях с интенсивным использованием данных: XVII Междунар. конф. DAMDID / RCDL'2015*. (Обнинск, 13–16 октября 2015 г.) Обнинск, 2015. С. 278–286. [Loukachevitch N. V., Rubtsova Yu. V. Entity-oriented sentiment analysis of tweets: results and problems. *Data Analytics and Management in Data Intensive Domains: Proc. XVII Intern. Conf. DAMDID / RCDL'2015*, Obninsk, 13–16 Oct 2015. Obninsk, 2015, 278–286. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/vzydrt>
82. Чернышев М. В. Классификация тональности мнений для задачи автоматического сентимент-анализа текста. *Ученые записки УО «ВГУ им. П. М. Машерова»*. 2018. Т. 28. С. 136–140. [Chernyshevich M. V. Opinion classification for automatic sentiment analysis of the text. *Uchenye zapiski UO "VGU im. P. M. Masherova"*, 2018, 28: 136–140. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/vxagrm>
83. Таршис Е. Я. Контент-анализ: принципы методологии. (Построение теоретической базы. Онтология, аналитика и феноменология текста. Программы исследования). 3-е изд. М.: URSS, 2021. 174 с. [Tarshis E. Ya. *Content analysis: principles of methodology. (Building a theoretical foundation. Ontology, analytics, and phenomenology of the text. Research programs)*. 3rd ed. Moscow: URSS, 2021, 174. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tghhjf>
84. Бурнашев Р. Ф., Мирзаева А. Б. Контент-анализ как инструментарий количественной лингвистики. *Science and Education*. 2022. Т. 3. № 12. С. 1201–1210. [Burnashev R. F., Mirzayeva A. B. Content analysis as a tool of quantitative linguistics. *Science and Education*, 2022, 3(12): 1201–1210. (In Russ.)]
85. Хроменков П. Н., Максименко О. И. Исследование конфликтных текстов методом контент-анализа: история и современность. *Ученые записки НОПрЛ*. 2013. № 4. С. 109–117. [Khromenkov P. N., Maksimenko O. I. Conflict texts research by the content-analysis: history and the present. *Uchenye zapiski NOPriL*, 2013, (4): 109–117. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/seyajt>
86. Сафонкина О. С., Иргизова К. В. Использование корпусной лингвистики в условиях цифрового образовательного пространства. *Нижегородское образование*. 2019. № 2. С. 112–117. [Safonkina O. S., Irgizova K. V. Using the corpus linguistics in the digital educational environment. *Nizhegorodskoe obrazovanie*, 2019, (2): 112–117. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/javeam>
87. Сорокина С. Г. Языковые средства конструирования феномена самосознания: семантика и функции лексемы self. *Современное педагогическое образование*. 2023. № 5. С. 266–270. [Sorokina S. G. Constructing the phenomenon of self-concept: semantics and functions of the self lexeme. *Modern Pedagogical Education*, 2023, (5): 266–270. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/fxhcak>

оригинальная статья

Роль методических задач-заданий в системе самостоятельных работ по профильным дисциплинам

Глухова Ольга Юрьевна

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

<https://orcid.org/0000-0002-7436-4793>

Тимофеева Наталья Александровна

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

Гудов Александр Михайлович

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

<https://orcid.org/0000-0002-4775-071X>

good@kemsu.ru

Поступила 08.03.2023. Принята после рецензирования 03.04.2023. Принята в печать 10.04.2023.

Аннотация: Анализируются проблемы самостоятельной подготовки по профильным дисциплинам в рамках отечественных исследований. Предлагается современный подход к разработке методических задач-заданий в процессе обучения студентов. Методические задачи-задания рассматриваются в качестве значимого фактора содержания деятельности на основе формируемых профессионально-методических умений. Посредством теоретических обобщений и практических исследований выделен комплекс профессионально-методических умений, включающий следующие виды деятельности учителя математики и информатики: проектировочную, конструктивную, организаторскую, гностическую (исследовательскую), коммуникативную. Показано, как реализована разработка методических задач-заданий для организации системы самостоятельных работ по профильным дисциплинам, в рамках которой формируются информационно-коммуникационные компетенции для профессиональной деятельности будущих специалистов. При разработке системы самостоятельных работ учитываются ее специфические особенности. Проведено описание эксперимента по профильной дисциплине «Базы данных», реализуемой в Кемеровском государственном университете для студентов направления 02.03.01 Математика и компьютерные науки. Результаты теоретических обобщений представлены в авторской разработке методических задач-заданий, определении их уровня сложности (S) и проблемности (P). В заключении определена особенность методических задач-заданий в системе самостоятельных работ.

Ключевые слова: методическая задача, профессионально-методические умения, модель деятельности учителя, самостоятельная работа, уровень сложности задания, уровень проблемности

Цитирование: Глухова О. Ю., Гудов А. М., Тимофеева Н. А. Роль методических задач-заданий в системе самостоятельных работ по профильным дисциплинам. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки*. 2023. Т. 7. № 3. С. 281–289. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-3-281-289>

full article

Methodological Assignment Tasks in Out-of-Class Learning in Specialized Disciplines

Olga Yu. Glukhova

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

<https://orcid.org/0000-0002-7436-4793>

Natalia A. Timofeeva

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

Alexander M. Gudov

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

<https://orcid.org/0000-0002-4775-071X>

good@kemsu.ru

Received 8 Mar 2023. Accepted after peer review 3 Apr 2023. Accepted for publication 10 Apr 2023.

Abstract: The article opens with a review of domestic publications on out-of-class learning in major disciplines. It offers a new method of assignment tasks that develop professional skills. Through theoretical generalizations and practical research, the author defined a complex of professional and methodological skills required by a teacher of mathematics

and computer science in such activities as design, construction, organization, research, and communication. The experiment involved the discipline *Databases* given to students that major in Mathematics and Computer Science at the Kemerovo State University. The assignment tasks had several levels of complexity and problemat�icity. The method proved efficient in organizing the independent work of university students in major disciplines and developing their information and communication competencies.

Keywords: methodological task, professional and methodological skills, teacher's activity model, out-of-class learning, task complexity level, problem level

Citation: Glukhova O. Yu., Gudov A. M., Timofeeva N. A. Methodological Assignment Tasks in Out-of-Class Learning in Specialized Disciplines. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2023, 7(3): 281–289. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-3-281-289>

Введение

Значение самостоятельной работы студентов в процессе образования отражено в Федеральном государственном образовательном стандарте высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки)¹. Особое внимание к самостоятельной работе студентов возрастает в настоящий период в связи с информатизацией вузов [1]. Дистанционные технологии дают новые дидактические возможности [2], отмечается особая роль информационно-дистанционных технологий в организации самостоятельной работы студентов [3]. Использование методических задач-заданий в самостоятельной работе и выполнение лабораторных работ под руководством преподавателя дают специальные навыки анализа, систематизируют знания [4; 5], развивают критическое мышление обучающихся [6]. Анализ проводимых научных исследований по проблеме самостоятельной работы показывает, что необходимо искать различные подходы к ее реализации: М. Э. Сафронов и др. предлагают открытые образовательные ресурсы, ориентированные на самостоятельную работу студентов [7]; А. Н. Мисюкевич описывает подход тьюторского сопровождения и мониторинга результатов обучения [8]; в работе Е. В. Быстрицкой и др. вводится построение заданий самостоятельной работы на основе блочно-модульного метода [9]; в статье О. Ю. Глухой и др. предлагается проектное обучение [10] и др. Таким образом, нет общего мнения относительно эффективных методов и приемов организации самостоятельной работы в учебной деятельности студентов.

Учебная деятельность должна быть направлена на формирование профессионально-методических умений, которые в своей совокупности образуют модель учителя, согласно разработанной Т. И. Шамовой системе активизации учебной деятельности: учебное содержание, методы и приемы обучения, организационные формы учебной деятельности.

Данные элементы системы могут быть реализованы с помощью проблемного обучения (основа познавательной деятельности) и самостоятельной работы (форма реализации проблемного обучения) [11]. Проблемное обучение и самостоятельная работа дают возможность воздействовать на все компоненты обучения и активизировать учебную деятельность.

Самостоятельная работа студентов основана на систематизации содержания деятельности, включает деятельность студента и деятельность преподавателя. Цель организации самостоятельной работы – на основе формируемых профессионально-методических умений определить содержание деятельности студентов. Значимость самостоятельной деятельности особенно возрастает на фоне использования дистанционных технологий и электронного обучения в учебном процессе.

В ходе исследования на основе Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 44.03.05 Педагогическое образование был выделен комплекс профессионально-методической деятельности будущего учителя математики и информатики, включающий следующие компоненты:

- 1) проектировочная деятельность – дальняя перспектива планирования своей деятельности и деятельности обучающихся (результат – планирование самостоятельной деятельности);
- 2) конструктивная деятельность – связана с отбором, композицией учебного материала, определением целей, методов, структуры задания (результат – план выполнения задания, составление методических и подбор учебных материалов, определение их структуры, схемы и т. д.);
- 3) организаторская деятельность – организация деятельности преподавателя и обучающихся (результат – осуществление на практике замысла, запланированного в конструктивной деятельности);

¹ Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки). Утв. приказом Минобрнауки РФ № 125 от 22.02.2018. *ИПП Гарант*.

4) гностическая (исследовательская) деятельность – анализ результатов конструктивной и организаторской деятельности, диагностика деятельности обучающихся (результат – проектирование на основе дальнейшей работы);

5) коммуникативная деятельность – общение преподаватель – обучающийся, преподаватель – преподаватель, обучающийся – обучающийся (результат – взаимодействие в проблемном обучении и влияние на активизацию учебной деятельности по аналогии с приемами, описанными в статье И. А. Кошелева [12]).

Методы и материалы

Самостоятельная работа может быть организована различными способами: отдельно выделенные задания; система заданий (работ). При разработке системы самостоятельных работ необходимо учитывать ряд особенностей:

1. Система построена с учетом требований полноты, целенаправленности, преемственности, перспективности и вариативности.

2. Элементами системы являются группы самостоятельных работ, направленные на формирование определенных профессионально-методических умений. Разные по содержанию умения требуют выполнения различного набора задач для их формирования.

3. Каждая из групп самостоятельных работ включает в себя методические задачи-задания (как частные, так и тождественные учебной задаче).

4. Методические задачи-задания в системе самостоятельных работ образуют совокупность структурных компонентов, определяемых по степени проблемности и уровню сложности [13].

5. Самостоятельные работы предусматривают различие по типам (репродуктивные, частично-поисковые, творческие), видам (устные, письменные, лабораторные), формам (индивидуальные, коллективные) и задачам, адекватным содержанию и характеру деятельности преподавателя.

6. В основу самостоятельных работ положено моделирование профессионально-методической деятельности.

Введем определение методической задачи-задания. Методическая задача-задание – это нестандартная задача по математике или информатике (по специальной дисциплине), содержащая специальное задание методического характера.

Определим понятия уровня сложности (S) и уровня проблемности (P) задачи. Уровень сложности задач-заданий определяется их структурой. Раскрывая особенности выявления уровня сложности задач-заданий, примем следующие соглашения:

- компонент математической задачи является минимальным, если его нельзя разбить на составные части;

- минимальный компонент математической задачи назовем ситуацией, если на нем реализовано методическое задание;
- связь между компонентами задачи-задания считается явной, если ситуации вытекают одна из другой (одна является причиной, а другая – следствием);
- сложность методической задачи определяется сложностью математической задачи;
- методическая задача имеет сложность равной нулю, если в нее не входит математическая задача ($S = 0$), и равной единице ($S = 1$), если она является ситуацией.

Проблемность методической задачи зависит от ее информационной структуры (неопределенности): чем выше степень информационной структуры, тем ниже степень проблемности ($P = 0$).

Решить методическую задачу-задание – значит решить проблему как математики, так и методики [14]. Каждая из задач имеет определенный уровень сложности и проблемности, причем уровень проблемности не влияет на уровень сложности задачи-задания.

Целью решения методических задач-заданий является овладение методическими умениями и получение методических фактов: выделение ядерного (основного) и второстепенного учебного материала; типология задач; учебный материал, организованный в определенную систему в соответствии с поставленной целью; отобранные средства и приемы обучения для достижения поставленной цели и др.

Представим примерную классификацию таких методических задач-заданий: постановка вопроса; составление задачи-задания по некоторым ее компонентам; составление задачи, обратной данной.

Покажем на примере, как определяется уровень сложности и проблемности задачи-задания. Апробация данного материала проведена в ходе преподавания дисциплины «Базы данных» в Кемеровском государственном университете для студентов направления 02.03.01 Математика и компьютерные науки. В каждой из методических задач-заданий приходится решать проблему. Анализируя процесс разрешения проблемы, выделим 7 этапов и раскроем процедуру (табл.).

Результаты

На основе методов и материалов составлена система самостоятельных работ. Для организации их выполнения был разработан комплекс методических задач-заданий по профильной дисциплине «Базы данных», в ходе изучения которой формируются информационно-коммуникационные компетенции для профессиональной деятельности будущих учителей математики и информатики. Рассмотрим систему самостоятельных работ «Создание баз данных» в рамках этой дисциплины.

Табл. Процесс разрешения проблемы

Tab. Problem-solving process

№ п/п	Этапы и действия	Процедуры (методы)
1	Выявление актуальных проблем и выбор одной из них	<ul style="list-style-type: none"> • мозговой штурм идей • обсуждение, объединение, уточнение • формулировка и отбор основных проблем • обсуждение, объединение, уточнение (уменьшение количества основных проблем) • выбор проблемы для решения
2	Верификация проблемы (проверка достоверности, истинности проблемы для работы)	<ul style="list-style-type: none"> • сбор данных и их проверка (можно вернуться к этапу 1 или идти дальше)
3	Выявление различных причин проблемы и выбор наиболее вероятной	<ul style="list-style-type: none"> • анализ причин и результатов (причинно-следственные связи) • мозговой штурм поиска различных причин • обсуждение, объединение, уточнение • выбор основных причин для решения проблемы • обсуждение, объединение, уточнение (уменьшение основных причин) • выбор наиболее вероятной причины для решения проблемы (оставить одну причину для решения проблемы)
4	Верификация вероятной причины	<ul style="list-style-type: none"> • сбор данных (можно вернуться к этапу 1 или любому другому)
5	Выявление возможных вариантов решений и выбор лучшего	<ul style="list-style-type: none"> • мозговой штурм возможных идей решения • обсуждение, объединение, уточнение • выбор приемлемых вариантов решения • обсуждение, объединение, уточнение (уменьшение наиболее приемлемых вариантов решения) • выбор одного решения (оставить один из вариантов решения проблемы)
6	Представление решения и его проверка преподавателем	<ul style="list-style-type: none"> • запрос на представление преподавателю • сбор данных преподавателем
7	Реализация решения	<ul style="list-style-type: none"> • наблюдение и участие в реализации

Цель: разработать структуру и создать «пустую» базу данных (БД), наполнить данными. Для реализации поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1. Изучить предоставленный материал.
2. Спроектировать структуру БД.
3. Подготовить среду для размещения БД.
4. Создать экземпляр БД.
5. Создать БД.
6. Создать словарь БД.

Рассмотрим каждую из задач отдельно. Отметим следующие свойства: 1) только выполнение всех задач приводит к достижению поставленной цели; 2) последовательность задач строго определена; 3) результаты предыдущей задачи являются одновременно входными параметрами для следующей.

Простой анализ заявленных свойств приводит к выводу, что выполнение заданного ряда задач соответствует классической каскадной модели управления проектом. И хотя данная модель является простейшей в классе моделей управления, она вполне подходит для управления реализацией небольших проектов. Преимущества модели: всегда имеются четкие границы этапов реализации; можно составить адекватный план

каждого этапа с оценкой необходимых ресурсов и возможных результатов; достаточно точно прогнозируется общее время реализации проекта в целом; процедура оценки результатов каждого из этапов происходит на основе системы отчетности по каждому этапу. Эти особенности можно использовать для эффективного управления каждой задачей (включая необходимые оценки).

Методическая задача-задание 1. На основе изучения теоретического материала и решения ключевых примеров составить общий план выполнения самостоятельной работы.

Указания:

1. Изучите предоставленный теоретический материал и примеры выполнения отдельных команд администрирования БД. Определите необходимый набор действий для развертывания БД (конструктивная деятельность).

2. Определите этапы выполнения самостоятельной работы. Для каждого этапа определите входные параметры и ограничения а также желаемый результат. Оформите этапы в виде краткого изложения содержания этапа, необходимых ресурсов, требований к среде исполнения, необходимого результата (проектировочная деятельность).

3. Сформулируйте вопросы для обсуждения с преподавателем плана, ресурсов и результатов выполнения работы целиком и / или каждой задачи. Обсудите с коллективом обучающихся необходимые действия по выполнению задач и оптимальную стратегию (коммуникативная деятельность).

4. Напишите краткий отчет (раздел отчета) с отражением результатов предыдущих действий. Сделайте вывод по достижению целей текущей задачи (гностическая деятельность).

S = 0 (задача не содержит математических и информационных данных), P = 4 (требуется решить 4 подпроблемы).

Методическая задача-задание 2. Разработать структуру будущей БД, провести обсуждение решения проблемы в команде.

Указания:

1. Изучите предоставленный теоретический материал и примеры проектирования БД [15, с. 53–74; 18]. Определите необходимый набор действий для проектирования собственной БД (конструктивная деятельность).

2. Оцените предельные объемы данных, которые будут обрабатываться с помощью БД. Определите размеры специальных структур, создаваемых в оперативной памяти. Разработайте структуру файловой системы, где будут располагаться файлы БД и специальные файлы, необходимые для работы системы управления БД (СУБД) (проектировочная деятельность).

3. Подготовьте вопросы для обсуждения с преподавателем. Обсудите в команде результаты данного этапа (коммуникационная деятельность).

S = 1 (содержится простая задача), P = 3 (задача содержит 3 подпроблемы).

Методическая задача-задание 3. Подготовить среду для размещения БД, используя указания разработать сценарий.

Указания:

1. Изучите предоставленный материал. Определите необходимый набор действий для создания структур в файловой системе и оперативной памяти [15, с. 77–81; 18]. Изучите необходимый набор команд администратора (конструктивная деятельность).

2. Установите необходимые переменные среды окружения (нужно установить все необходимые переменные среды операционной системы). В системах UNIX и Linux установите следующие переменные среды [16]:

- *ORACLE_SID* – имя БД, которое совпадает со значением параметра инициализации *DB_NAME*;
- *ORACLE_BASE* – имя каталога высшего уровня для размещения программного обеспечения Oracle. Обычно это */u01/app/oracle*. Однако переменная *ORACLE_BASE* является рекомендуемой, но в будущей версии компания Oracle намерена сделать ее обязательной;

- *ORACLE_HOME* – имя каталога, в котором установлено программное обеспечение Oracle. В Oracle рекомендуют использовать следующий формат для этой переменной: *\$ORACLE_BASE/product/release/db_n*. В нашем случае использован каталог */u01/app/oracle/product/11.1.0.0/db_1*;

- *PATH* – имя каталога для хранения исполняемых файлов. Исполняемые файлы Oracle всегда размещаются в каталоге *\$ORACLE_HOME/bin*. В существующее значение переменной *PATH* местоположение исполняемых файлов Oracle можно добавить следующим образом: *export PATH=\$PATH:\$ORACLE_HOME/bin*;

- *LD_LIBRARY_PATH* – имя каталога, где располагаются библиотеки Oracle. Обычным расположением является каталог *\$ORACLE_HOME/lib*.

3. Создайте в файловой системе необходимую структуру каталогов. Файлы БД нужно помещать в соответствии с рекомендациями оптимальной гибкой архитектуры (Optimal Flexible Architecture – OFA). Следование рекомендациям OFA по размещению файлов БД обеспечивает ряд преимуществ: 1) облегчение обнаружения и идентификации различных файлов, таких как файлы БД, управляющие файлы и файлы журналов; 2) облегчение администрирования нескольких БД Oracle и нескольких версий программного обеспечения Oracle; 3) повышение производительности БД за счет минимизации конкуренции между различными типами файлов. Следование рекомендациям OFA должно обеспечить хорошие условия в смысле способа физического размещения файлов [17].

4. Создайте файл параметров. Каждый экземпляр Oracle использует набор параметров инициализации, которые накладывают на БД такое ограничение, как количество пользователей; указывают имена и местоположения основных файлов и каталогов; оптимизируют производительность за счет определения размеров основных ресурсов наподобие памяти. Oracle использует файл параметров для хранения параметров инициализации и их значений для экземпляра [15]. Можно работать с любым из следующих двух типов файлов параметров:

- файл параметров сервера (*SPFILE*) – бинарный файл, содержащий параметры инициализации;
- файл параметров инициализации (*PFILE*) – текстовый файл, содержащий список всех параметров инициализации.

Основное различие между этими двумя типами файлов состоит в том, что *SPFILE* позволяет вносить любые изменения в параметры инициализации, которые сохраняются для данного экземпляра и после его остановки. Применение *PFILE* не предоставляет такой возможности, поскольку любые динамические изменения, не записанные в этот файл, не будут сохраняться после перезапуска экземпляра БД.

Обратите внимание, что для ссылки на файл типа *PFILE* используется имя файла *init.ora*, поскольку стандартное имя файла этого типа – *init\$имя_БД\$.ora*. После создания БД можно будет создать *SPFILE* из файла *init.ora*. *PFILE* – это единственный тип файла, в котором можно хранить значения параметров инициализации и который можно редактировать подобно любому другому текстовому файлу. По умолчанию он размещается в каталоге *\$ORACLE_HOME/db*s (хотя его можно хранить в любом удобном месте). При хранении *PFILE* в месте, которое отличается от используемого по умолчанию, при запуске экземпляра потребуется указывать полный путь к этому файлу. Если имя *PFILE* и его расположение соответствуют используемым по умолчанию, их можно не указывать при запуске экземпляра. *PFILE* содержит:

- параметры, которые помогут настроить экземпляр;
- параметры, налагающие ограничения на определенные ресурсы БД;
- параметры, которые указывают имена и местоположения важных файлов;
- параметры, которые влияют на производительность БД, такие как указывающие объем памяти, выделенной для Oracle [16; 17].

После того, как *PFILE* создан, экземпляр можно запускать, используя этот файл в командах запуска БД. 5. Подготовьте и задайте вопросы преподавателю. Обсудите план своих действий в группе. Разработайте лучший сценарий выполнения предыдущих указаний (проектировочная деятельность).

S = 3 (задача содержит условие и два требования), P = 2 (все шаги решения задачи-задания поясняются указаниями, проблема заключена в разработке сценария).

Методическая задача-задание 4. Создать экземпляр БД, действуя по алгоритму указаний.

Указания:

1. Изучите предоставленный теоретический материал и примеры выполнения отдельных команд администрирования БД. Определите необходимый набор действий (конструктивная деятельность) [15, с. 307–309; 18].

2. Создайте экземпляр БД. Помните, что экземпляр может существовать без какой-либо присоединенной к нему БД: создание БД делает возможным активный экземпляр. Для создания экземпляра выполните перечисленные действия [15]:

2.1. Удостоверьтесь, что правильно указали каталоги *ORACLE_SID* и *ORACLE_HOME*.

2.2. Войдите в среду БД посредством интерфейса *SQL*Plus*, как показано далее:

- a) *oracle@localhostdb\$ sqlplus /nolog*
- b) *SQL*Plus: Release 11.1.0.6.0 – Production on Fri Mar 7 15:35:32 2008*
- c) *Copyright (c) 1982, 2007, Oracle. All rights reserved.*

d) *SQL> CONNECT sys AS sysdba*

e) *Enter password:*

f) *Connected to an idle instance.*

g) *SQL>*

Запустите экземпляр в режиме *NOMOUNT*, поскольку пока не существует никаких управляющих файлов, пригодных для монтирования. Если планируете использовать команду *STARTUP*, Oracle будет искать управляющие файлы. Они будут созданы во время создания самой БД. Если файл *init.ora* был сохранен в каталоге по умолчанию (*\$ORACLE_HOME/db*s), при этом вы правильно указали переменную среды *ORACLE_SID* (*nina*) перед запуском экземпляра, файл *init.ora* можно не указывать явно [16].

a) *SQL> STARTUP NOMOUNT*

b) *ORACLE instance started.*

c) *Total System Global Area 314572800 bytes*

d) *Fixed Size 1236756 bytes*

e) *Variable Size 99164396 bytes*

f) *Database Buffers 213909504 bytes*

g) *Redo Buffers 5169152 bytes*

h) *SQL>*

Если же файл *init.ora* был сохранен в каталоге, отличном от используемого по умолчанию (*\$ORACLE_HOME/db*s), потребуется указать полный путь и имя файла: *SQL> NOMOUNT PFILE='/u01/app/oracle/product/10.2.0/db_1/db/initnina.ora'*.

Совет. На этом этапе часто возникает несколько ошибок *ORA-01078* (сбой при обработке системных параметров). Достаточно исправить в файле *init.ora* ошибку, указанную в сообщении, и запуск экземпляра должен пройти без каких-либо проблем [16].

Запуск экземпляра будет выполнен с использованием параметров, которые заданы в файле *initnina.ora*. Удостовериться в запуске всех фоновых процессов экземпляра БД можно с помощью команды *ps -ef*.

На этом этапе можно выполнить простой запрос, чтобы проверить версию БД.

Итак, вы располагаете действующим экземпляром Oracle, который состоит из процессов Oracle и выделенной для него памяти SGA. БД пока не существует. Она будет создана с нуля позже.

3. Подготовьте и задайте вопросы преподавателю. Обсудите план своих действий в группе. Разработайте лучший сценарий выполнения предыдущих указаний (коммуникативная и проектировочная деятельность).

S = 2 (задача содержит условие и требование), P = 1 (составлен алгоритм решения задачи-задания, проблема заключена в разработке сценария; данная проблема решалась ранее и обучающиеся подготовлены к ее решению).

Методическая задача-задание 5. Создать БД, выполнив основные шаги:

1. Изучите предоставленный теоретический материал и примеры выполнения отдельных команд администри-

рования БД. Определите необходимый набор действий (конструктивная деятельность).

2. Создайте БД с помощью команды *CREATE DATABASE*. Простейшая БД, которую можно создать, будет содержать табличное пространство *System* для хранения словаря данных, табличное пространство *Sysaux*, несколько управляющих файлов и файлов журналов повторного выполнения, заданное по умолчанию временное табличное пространство и табличное пространство отката. После того, как эта БД будет запущена, в нее можно будет добавить любое количество новых табличных пространств. Создайте упрощенную БД Oracle Database 11g. Новую БД можно создать: 1) вводя каждую строку оператора создания БД индивидуально; 2) создав сценарий создания БД, содержащий весь оператор, как показано в листинге, и запустив его на выполнение [16; 17].

3. Подготовьте и задайте вопросы преподавателю. Обсудите план своих действий в группе (коммуникативная деятельность).

Методическая задача-задание 5 имеет самый высокий $S = 5$ (обучающему необходимо решить более 4 подпроблем, составить листинг), $P = 3$ (БД Oracle Database следует создать и запустить, но не представлено описание оператора *CREATE DATABASE*).

Методическая задача-задание 6. Создать словарь БД, самостоятельно описать алгоритм.

Указания:

1. Изучите предоставленный теоретический материал и примеры выполнения отдельных команд администрирования БД. Определите необходимый набор действий.

2. Создайте словарь и другие объекты, необходимые для использования БД. Oracle предоставляет два важных сценария (*catalog.sql* и *catproc.sql*), которые нужно запускать сразу после создания новой БД [16]:

2.1. *catalog.sql* заполняет БД представлениями словаря данных, общедоступными синонимами и другими объектами. Базовые таблицы словаря данных, являющиеся родительскими объектами представлений *V\$* – первые объекты, создаваемые в БД Oracle.

2.2. *catproc.sql* создает предоставляемые Oracle пакеты и другие объекты, предназначенные для поддержки использования кода *PL/SQL* в БД.

При выполнении этих сценариев на экран выводится огромный поток информации, свидетельствующей о создании необходимых объектов БД (выполнение обоих сценариев занимает около часа).

Подключаемся к БД в качестве привилегированного пользователя *SYS* с полномочиями *SYSDBA* и запускаем сценарий следующим образом:

- a) *SQL> @\$ORACLE_HOME/rdbms/admin/catalog.sql*
- b) . . .
- c) *Grant succeeded*
- d) *PL/SQL procedure successfully completed.*

e) *SQL>*

f) *SQL> @\$ORACLE_HOME/rdbms/admin/catproc.sql*

g) . . .

h) *PL/SQL procedure successfully completed.*

i) *SQL>*

3. Обсудите план действий в группе. Разработайте систему вопросов и лучший сценарий [15; 18].

Методическая задача-задание 6 имеет $S = 3$ и самый высокий $P = 4$.

При выполнении задач-заданий необходимо сопровождать все проделанные действия скриншотами и описаниями к ним. При выполнении работ нужно придерживаться строгой последовательности действий, сделать небольшие выводы по каждой части самостоятельной работы и обсудить их в группе и с преподавателем, составить отчет по выполнению самостоятельной работы, придерживаясь правил оформления отчетов.

Обучение по дисциплине «Базы данных» в 2021 г. прошли 12 человек, в 2022 г. – 15. Проверка сформированности профессионально-методических умений проводилась с помощью тестирования и выполнения системы самостоятельных работ с использованием методических задач-заданий.

Практическая значимость методических задач-заданий, представленная в статьях [13; 19], подтверждена экспериментально.

Организация обучения проходила следующим образом: на первом этапе самостоятельные работы выполнялись традиционным способом, на втором этапе – с использованием методических задач-заданий. Результаты обучения отражались в ходе двух аттестаций. В 2021 г. качественные результаты итоговых аттестаций составляли 83 % как после применения методики традиционного обучения, так и после обучения с использованием методических задач-заданий. Однако в 2022 г. качественная успеваемость на втором этапе оказалась выше, составив 100 %, по сравнению с результатами, где использовалась методика традиционного обучения (71 %). Скорость усвоения учебного материала возросла: выполняя групповой проект, студенты самостоятельно разработали методические задачи-задания по темам дисциплины «Базы данных», научились определять их уровни сложности и проблемности, описали решение проблемы.

Закключение

Результаты сформированности профессионально-методических умений студентов по дисциплине «Базы данных» с использованием методических задач-заданий, представленные авторами, требуют дальнейшего экспериментального подтверждения. Выявлена необходимость доработки и наполняемости системы самостоятельных работ с использованием методических задач-заданий.

Предложенный алгоритм определения уровней сложности и проблемности может быть распространен и на другие области знаний. Выдвинутые ограничения на сложность математических задач эмпирически оправданы.

Данные эксперимента и наблюдения за академическими результатами студентов во время выполнения системы самостоятельных работ позволяют сделать следующие выводы:

1. Обучение с использованием методических задач-заданий в профессиональной подготовке и переподготовке целесообразно и оправдано.

2. Использование методических задач-заданий в обучении способствует развитию самостоятельности и активности обучающихся.

3. В процессе обучения с использованием методических задач-заданий у студентов появляется возможность изучать дисциплину в индивидуальном темпе и научиться составлять задачи-задания самостоятельно.

4. Приведенный способ организации самостоятельной работы студентов с использованием методических задач-заданий с высоким уровнем сложности приводит к снижению уровня их проблемности.

5. Организация самостоятельной работы с использованием методических задач-заданий повышает качество знаний обучающихся.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Литература / References

1. Солостина Т. А. Особенности организационного контекста модели управления самостоятельной работой студентов. *Образование и общество*. 2014. № 1. С. 24–28. [Solostina T. A. Features of the organizational context of the students' independent work management model. *Obrazovanie i obshchestvo*, 2014, (1): 24–28. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rwqsav>
2. Коротков Э. М. Непрерывное образование и его влияние на устойчивое развитие социально-экономической системы. *Непрерывное профессиональное образование: российско-европейская интеграция*, отв. ред. С. М. Вдовин. Саранск: МГУ им. Н. П. Огарёва, 2016. С. 43–48. [Korotkov E. M. Continuous education and its impact on the sustainable development of the socio-economic system. *Lifelong professional education: European and Russian integration*, ed. Vdovin S. M. Saransk: Ogarev Mordovia State University, 2016, 43–48. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/wxuycx>
3. Володарская Е. Б., Жук Л. Г., Печинская Л. И. Организация самостоятельной работы студентов технического вуза по дисциплине «Иностранный язык (базовый курс)». *Современное педагогическое образование*. 2018. № 1. С. 34–37. [Volodarskaya E. B., Zhuk L. G., Pechinskaya L. I. Organization of independent work of students of a technical university in the discipline "Foreign language (basic course)". *Modern pedagogical education*, 2018, (1): 34–37. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/yutcnp>
4. Шадриков В. Д., Мазиллов В. А. Общая психология. М.: Юрайт, 2023. 411 с. [Shadrikov V. D., Mazilov V. A. *General psychology*. Moscow: Iurait, 2023, 411. (In Russ.)]
5. Шадриков В. Д. Новая модель специалиста: инновационная подготовка и компетентностный подход. *Высшее образование сегодня*. 2019. № 8. С. 26. [Shadrikov V. D. A new model of a specialist, innovative training and a competency-based approach. *Higher education today*, 2019, (8): 26. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/skglqx>
6. Стрекалова Н. Б. Педагогическая деятельность в условиях цифровизации образования. *Образование в современном мире: практики цифровой трансформации*: Всерос. науч.-методич. конф. с междунар. уч. (Самара, 25 февраля 2021 г.) Самара: Ваш Взгляд, 2021. С. 251–255. [Strekalova N. B. Pedagogical activity in the context of digitalization of education. *Education in the modern world: practices of digital transformation*: Proc. All-Russian Sci.-Method. Conf. with Intern. Participation, Samara, 25 Feb 2021. Samara: Vash Vzgliad, 2021, 251–255. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/lwcbtrx>
7. Сафронов М. Э., Гнусарьков В. Е., Валеева Е. В. Новая образовательная среда как фактор консолидации общества. *Единая российская нация: проблемы формирования ее идентичности*: Всерос. науч.-практ. конф. (Арзамас, 25–27 октября 2017 г.) Саров: Интерконтакт, 2017. С. 392–394. [Safronov M. E., Gnusarkov V. E., Valeeva E. V. New educational environment as factor of consolidation of society. *A united Russian nation: problems in the formation of its identity*: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf., Arzamas, 25–27 Oct 2017. Sarov: Interkontakt, 2017, 392–394. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ylkrlz>

8. Мисюкевич А. Н. Социально-креативная среда: проблемы педагогического проектирования. *Герценовские чтения. Художественное образование ребенка: стратегии будущего: V Всерос. с междунар. уч. науч.-практ. конф.* (Санкт-Петербург, 1 марта 2018 г.) СПб.: ВВМ, 2019. Т. 5. Вып. 1. С. 17–25. [Misyukevich A. N. Social and creative environment: problems of pedagogical design. *Herzen readings. Art education of the child: strategies for the future: Proc. V All-Russian Sci.-Prac. Conf. with Intern. Participation*, St. Petersburg, 1 Mar 2018. St. Petersburg: VVM, 2019, vol. 5, iss. 1, 17–25. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/hpcnyt>
9. Быстрицкая Е. В., Неверкович С. Д. Игропедагогика: формирование рефлексивной и проектной культуры мышления. *Педагогико-психологические и медико-биологические проблемы физической культуры и спорта*. 2021. Т. 16. № 1. С. 140–147. [Bystritskaya E. V., Neverkovich S. D. Game-based pedagogics: formation of reflexive and project-oriented thinking culture. *Pedagogical-psychological and medical-biological problems of physical culture and sports*, 2021, 16(1): 140–147. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/oiegkf>
10. Глухова О. Ю., Смоленцев Н. К. Реализация проектного обучения в университете. *Актуальные вопросы науки и техники: проблемы, прогнозы, перспективы: II национ. конф.* (Кемерово, 15 октября 2020 г.) Кемерово: КемГУ, 2020. С. 9. [Glukhova O. Yu., Smolentsev N. K. Project-based learning at the university. *Topical issues of science and technology: problems, forecasts, prospects: Proc. II Nation. Conf.*, Kemerovo, 15 Oct 2020. Kemerovo: KemSU, 2020, 9. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/mohiiu>
11. Шамова Т. И. Проблемный подход в обучении. Кн. 4. М.: Перспектива, 2010. 64 с. [Shamova T. I. *General secondary education. Book 4*. Moscow: Perspektiva, 2010, 64. (In Russ.)]
12. Кошелев И. А. Проблема подготовки учителей математики и информатики. *Актуальные проблемы методики обучения информатике в современной школе: Междунар. науч.-практ. интернет-конф.* (Москва, 16–17 февраля 2016 г.) М.: МПГУ, 2016. С. 195–198. [Koshelev I. A. Training teachers of mathematics and computer science. *Relevant issues of methods of teaching informatics at a modern school: Proc. Intern. Sci.-Prac. Internet Conf.*, Moscow, 16–17 Feb 2016. Moscow: MPGU, 2016, 195–198. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/vmqcgr>
13. Глухова О. Ю. Система задач-заданий промежуточной аттестации по методике преподавания математики. *Высшее образование сегодня*. 2019. № 6. С. 46–49. [Glukhova O. Yu. The system of problem-based tasks in interim attestation of a math teaching method. *Higher education today*, 2019, (6): 46–49. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25586/RNU.NET.19.06.P.46>
14. Епишева О. В., Крупич В. И. Учить школьников учиться математике. М.: Просвещение, 1990. 128 с. [Episheva O. V., Krupich V. I. *Teaching students to learn math*. Moscow: Prosveshchenie, 1990, 128. (In Russ.)]
15. Коннолли Т., Бегг К. Базы данных. Проектирование, реализация и сопровождение. Теория и практика. 3-е изд. М.: Вильямс, 2003. 1440 с. [Connolly T. M., Begg C. E. *Database Systems. A Practical Approach to Design, Implementation, and Management*. 3rd ed. Moscow: Viliams, 2003, 1440. (In Russ.)]
16. Алапати С. Р. Oracle Database 11g: руководство администратора баз данных. М.: Вильямс, 2010. 1440 с. [Alapati S. R. *Expert Oracle Database 11g Administration*. Moscow: Viliams, 2010, 1440. (In Russ.)]
17. Кайт Т. Oracle для профессионалов: архитектура, методики программирования и особенности версий 9i, 10g и 11g. 2-е изд. М.: Вильямс, 2011. 848 с. [Kyte T. *Expert Oracle Database Architecture: Oracle Database 9i, 10g, and 11g Programming Techniques and Solutions*. 2nd ed. Moscow: Viliams, 2011, 848. (In Russ.)]
18. Мишра С., Бьюли А. Секреты Oracle SQL. СПб.: Символ-Плюс, 2003. 368 с. [Mishra S., Beaulieu A. *Mastering Oracle SQL*. St. Petersburg: Simvol-Plus, 2003, 368. (In Russ.)]
19. Глухова О. Ю. Использование методических задач-заданий в профессиональной подготовке учителя математики. *Общество: социология, психология, педагогика*. 2020. № 3. С. 145–150. [Glukhova O. Yu. The use of methodological tasks in the professional training of a mathematics teacher. *Society: sociology, psychology, pedagogy*, 2020, (3): 145–150. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24158/spp.2020.3.23>

оригинальная статья

Этнопсихологические особенности китайских студентов как фактор оптимизации учебно-педагогического взаимодействия в музыкальном вузе

Ду Хантянь

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Россия, Санкт-Петербург

<https://orcid.org/0009-0007-0194-3157>

435058063@qq.com

Поступила 10.05.2023. Принята после рецензирования 10.07.2023. Принята в печать 10.07.2023.

Аннотация: В связи с доступностью российского образования для граждан Китая возникают проблемы адаптации студентов-иностранцев к системе образования иного государства и оптимизации обучения китайских студентов в российской высшей школе. При решении данных проблем следует учитывать этнопсихологические особенности студентов из Китая, поскольку их игнорирование и непонимание существенно затрудняет или вовсе делает невозможным построение результативного учебно-педагогического взаимодействия. С помощью метода теоретического анализа и обобщения выявлены основные этнопсихологические особенности китайских студентов, сформулированные в работах исследователей, изучающих проблему грамотного построения учебного взаимодействия с китайскими студентами в российском вузе. Цель – на основе обнаруженных этнопсихологических особенностей студентов из Китая выявить актуальные педагогические стратегии и принципы учебно-педагогического взаимодействия в обучении китайских студентов-инструменталистов в российской высшей школе. В процессе проведенного в Российском государственном педагогическом университете им. А. И. Герцена интервьюирования китайских студентов-исполнителей и преподавателей по классу специальности установлены некоторые этнопсихологические особенности китайских студентов. Результатом исследования стали сформулированные принципы педагогического взаимодействия с китайскими студентами в процессе обучения игре на музыкальном инструменте в российском вузе.

Ключевые слова: китайские студенты, этническое самосознание, этнопсихологические особенности, педагогические стратегии, образовательные программы, учебное взаимодействие, музыкальный инструмент, творческий вуз

Цитирование: Ду Х. Этнопсихологические особенности китайских студентов как фактор оптимизации учебно-педагогического взаимодействия в музыкальном вузе. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2023. Т. 7. № 3. С. 290–297. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-3-290-297>

full article

Ethnopsychological Profile of a Chinese Students of Music Education as a Factor of Optimizing Academic Interaction

Hangtian Du

Herzen Russian State Pedagogical University, Russia, St. Petersburg

<https://orcid.org/0009-0007-0194-3157>

435058063@qq.com

Received 10 May 2023. Accepted after peer review 10 Jul 2023. Accepted for publication 10 Jul 2023.

Abstract: Russian university education is currently very popular among Chinese citizens, who often experience various adaptation problems with academic programs for joint education of Russian and Chinese students. In such cases, effective academic process and pedagogical interaction depend on the correct understanding of the ethnopsychological characteristics of foreign students. This article reviews scientific publications on the ethnopsychological profile of Chinese students, as well as introduces relevant pedagogical strategies of academic and pedagogical interaction in teaching Chinese students that major in musical studies in Russian institutions of higher education. The author conducted a survey of Chinese students and Russian faculty members at the Herzen Russian State Pedagogical

University. The resulting principles of pedagogical interaction with Chinese students can facilitate the academic process in a Russian music conservatory.

Keywords: Chinese students, ethnic identity, ethnopsychological features, pedagogical strategies, educational programs, academic interaction, musical instrument, creative university

Citation: Du H. Ethnopsychological Profile of a Chinese Students of Music Education as a Factor of Optimizing Academic Interaction. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennyye nauki*, 2023, 7(3): 290–297. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-3-290-297>

Введение

В настоящее время отношения между Россией и Китаем переживают лучший период в истории сотрудничества. Партнерские отношения между странами развиваются как в торгово-экономической, промышленной, научно-технической сферах, так и в сфере образования. Число китайских студентов, прибывших в Россию, неуклонно растет. По данным Министерства науки и высшего образования РФ, в российских вузах обучается 32,6 тыс. студентов из Китая. По сравнению с данными за 2020–2021 гг. их число увеличилось на 3 тыс. человек¹.

Несмотря на то, что в российских вузах предусмотрены программы, направленные на социализацию китайских студентов, в частности подготовительные курсы изучения русского языка, молодые люди из Китая сталкиваются с необходимостью преодоления целого ряда сложностей, помимо языкового барьера. По нашим наблюдениям, особенно трудным является первый год обучения в значительно отличном от родного государстве. Студенты из Китая сталкиваются с некоторой отчужденностью и настроенностью со стороны российских студентов, часто испытывают такие чувства, как одиночество, замешательство, смущение и страх. Показательным является высказывание одного из китайских студентов о периоде его адаптации в российском вузе: «Когда я только приехал за границу, я сопротивлялся обсуждениям в классе и групповой работе. Я не мог понять, что они говорят, потому что другие студенты не обращали на тебя внимания, ведь ты был иностранцем, а они говорили так быстро. В таком состоянии я часто сомневался в себе и испытывал чувство разочарования и изоляции, которое никогда не испытывал раньше» [1, с. 414].

Проблеме адаптации китайских студентов в России посвящено множество работ исследователей в области педагогики и социальной психологии [2–14]. Действительно, перед иностранными студентами стоит процесс нелегкой адаптации к культурным условиям, методам и способам образования, этическим принципам взаимодействия, а также к иному климату, особенностям национальной кухни, бытовым

условиям жизни вне дома. Все это естественным образом является большим стрессом для молодых людей, находящихся за пределами родины.

В этой связи особую важность приобретают совершенствование образовательных программ, обновление методических подходов, выстраивание актуальных педагогических стратегий взаимодействия с иностранными студентами, содействующих безболезненной интеграции в новую социокультурную среду.

Рассматривая этнопсихологические особенности учащихся из Китая, прежде всего обратимся к термину *этническое сознание* – центральному понятию этнопсихологии, которое, собственно, и является показателем принадлежности индивида к определенной этнической общности. В широком смысле под этническим сознанием мы понимаем набор специфических личностно-мировоззренческих черт, характерных для людей, принадлежащих к одной этнической группе [15; 16].

Российский философ и социолог, член Академии наук Республики Башкортостан Ф. С. Файзуллин дает следующее определение: «этническое сознание есть отражение бытия, специфических условий существования и взаимодействия этнических общностей» [17, с. 59]. Этническое сознание представляется им как многоуровневая система, в структурном отношении подразделяющаяся на несколько компонентов, каждый из которых выполняет определенную функцию и является в свою очередь многоуровневой подсистемой. Итак, согласно Ф. С. Файзуллину, мы можем определить такие компоненты этнического сознания, как:

- этническое самосознание;
- этническая духовная культура;
- этнические потребности и интересы;
- этническая система взглядов;
- этническая психология;
- этнический характер;
- этнические чувства [9, с. 59].

Среди перечисленных компонентов особую важность и действенность представляет этническое самосознание, активно проявляющееся во всех формах социального взаимодействия. В настоящее время

¹ Россия и Китай продолжают укреплять сотрудничество в сфере науки и образования. *Минобрнауки России*. 06.07.2022. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhhdunarodnoe-sotrudnichestvo/53743/> (дата обращения: 07.03.2023).

проблемой этнического самосознания занимаются представители самых разных областей наук. Если ранее в отечественной науке интерес к исследованию этого феномена демонстрировали преимущественно этнографы, то теперь этническое сознание является предметом изучения философов, психологов, социологов и других представителей гуманитарных наук. Однако в определении этого феномена до сих пор нет единства. Согласно Ф. С. Файзуллину, этническое сознание представляет собой «обретенное индивидом в ходе интернализации чувство принадлежности к определенной общности, помогающее ему самоопределиваться и самореализоваться в сложном мире общественных отношений и межэтнических в особенности» [17, с. 60]. Этническое самосознание является скрепляющим, обобщающим и детерминирующим фактором, определяющим и объединяющим отдельных личностей, принадлежащих к одной этнической группе. Глубокое чувство единения и принадлежности человека к определенному этносу порождает в нем «обобщенные представления, на которые ориентируются члены этноса, воспринимая их как свой внутренний мир» [17, с. 60].

Феномен этнического сознания связан с понятием этнопсихологических особенностей личности. Ориентируясь на научную концепцию ведущего отечественного специалиста в области этнопсихологии В. Г. Крысько, под этнопсихологическими особенностями мы понимаем комплекс психологических характеристик (прежде всего способы восприятия, мышления, поведения и взаимодействия), детерминированных национально-культурной принадлежностью².

Этнопсихологические особенности личности китайского студента, проявляющиеся в процессе учебно-педагогического взаимодействия, во многом обусловлены характером и типом воспитания, имманентным китайским социокультурным нормам. Некоторые своеобразные черты поведения китайских студентов, в особенности те, что становятся наиболее очевидными в процессе межличностной коммуникации во время учебы, являются следствием специфического способа воспитания, применяемого китайскими родителями.

С младенческого возраста ребенок находится в тесном контакте с матерью и отцом. Неразрывность этой связи усиливается принципами демографической политики, проводимой в государстве, вследствие которой ребенок для китайской семьи имеет особую ценность. Так, у ребенка с детства формируется чувство зависимости. Ю. В. Чайников в реферативной статье по книге профессора Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета, китаеведа, лингвиста и переводчика Н. А. Спешнева приводит примеры описанных им методов воспитания,

которыми руководствуются большинство родителей в Китае: «(малыша) часто одевают в стесняющую движения одежду, сажают на стульчики, не разрешают изучать окружающий мир... Детям даже привязывают руки к телу, для того чтобы они могли себя сдерживать, когда вырастут. <...> Контроль за ребенком носит преимущественно физический, а не вербальный характер, особенно в раннем возрасте» [18, с. 205].

Сформированная в детстве модель взаимоотношений с родителями, основанная на авторитарном подчинении, в дальнейшем проецируется на построение модели взаимоотношений с учителями. Теперь, когда беспрекословным авторитетом наделен преподаватель, естественным способом поведения китайского учащегося (студента), согласно внутренним установкам, является безоговорочное подчинение: «Они (китайские учащиеся – прим. автора) боятся думать о том, о чем учитель не говорил, делать то, чему учитель не учил. Учащиеся готовы воспринимать, но не готовы мыслить, не готовы сомневаться и исследовать... У китайских учащихся отсутствует привычка думать иначе» [18, с. 205]. Действительно, для студентов из Китая показателем хорошей обучаемости является способность запоминать большое количество информации. В отличие от русских студентов, у них практически вовсе отсутствует потребность в критическом мышлении, анализе, сопоставлении фактов. Естественным для китайских учащихся является покорное восприятие высказываний учителя, а не изложение своих собственных мыслей: «Дети дома слушают родителей, в школе – учителей, а когда вырастут, то будут слушать начальство» [18, с. 205].

Подобного рода этнопсихологические особенности учащихся из Китая определены еще и тем, что традиционной для китайской системы образования является модель субъект-объектных отношений в паре *ученик – учитель*, в то время как для российских вузов характерна субъект-субъектная парадигма [19, с. 162]. Как отмечают исследователи, изучающие коммуникативные особенности китайских студентов, обучающиеся из Поднебесной «устанавливают социальную дистанцию и четко ее придерживаются в отношениях "преподаватель – студент", что обусловлено традициями и культурой Китая» [19, с. 164]. Важным моментом для китайских студентов является «сохранение лица». Здесь имеется в виду четкое осознание себя как части социальной иерархии: китайский студент представляет себя в позиции беспрекословного подчинения преподавателю, наделенному более высоким социальным статусом. Именно поэтому различные формы учебной работы, подразумевающие дискуссию с преподавателем или критическое осмысление его высказывания,

² Национально-психологические особенности. *Этнопсихологический словарь*, под ред. В. Г. Крысько. М.: МПСИ, 1999. URL: <https://clck.ru/34rdQb> (дата обращения: 30.06.2023).

вызывают у китайских студентов чувство глубокого дискомфорта и растерянности, т.к. в этой ситуации возникает угроза «потери лица» [20, с. 72–73].

С. Юй с опорой на особенности китайского менталитета приводит основополагающие принципы построения коммуникации между студентом из Китая и преподавателем:

- «"сохранение лица" учащегося;
- эмоциональная сдержанность;
- ригористическая иерархия коммуникации (авторитарность преподавателей по отношению к студентам);
- самостоятельность учащегося» [21, с. 346].

Все вышеперечисленные этнопсихологические особенности китайских студентов и их традиционные представления о построении учебно-педагогического взаимодействия естественным образом находят отражение и в процессе обучения игре на музыкальных инструментах в творческом вузе. Уроки специальности (занятия по профильному музыкальному инструменту) в творческом вузе имеют свои специфические особенности. В частности, важным моментом является индивидуальная форма обучения. Занятия музыкой, помимо содействия в выстраивании межличностного контакта со студентом, предполагают раскрытие творческого потенциала учащегося, что по своей сути является тонким и интимным процессом, требующим от преподавателя наивысшей степени профессионально-педагогической компетенции.

Методы и материалы

Посредством метода теоретического анализа были выявлены этнопсихологические особенности китайских студентов, проявляющиеся в учебном взаимодействии с преподавателем в высшей школе. На основании выявленных особенностей сформулирована проблема: совершенствование педагогических стратегий и подходов к обучению китайских студентов в музыкальном вузе.

В октябре 2022 г. на базе Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена мы провели интервьюирование студентов-инструменталистов из Китая, а также их преподавателей, согласившихся принять участие в анонимном опросе. Целью опроса студентов было выявление стресс-факторов в обучении игре на музыкальном инструменте, т.е. тех аспектов, что составляют особую сложность на уроках специальности. В ходе беседы с респондентами нами были выявлены основные (те, что чаще всего повторялись в ответах) трудности в процессе обучения:

- языковой барьер;
- высокая степень ответственности в процессе подготовки к урокам специальности, часто перерастающая в сильную тревогу;

- неготовность полноценного участия в выборе репертуара;
- растерянность в творческой работе над произведением, созданием художественного образа / собственной исполнительской интерпретации;
- неготовность принятия критики со стороны учащихся (иногда);
- дискомфорт в ансамблевом взаимодействии с русскими студентами (иногда).

Целью опроса преподавателей класса специальности, работающих с китайскими студентами, было выявление специфических особенностей, слабых и сильных сторон студентов в обучении игре на музыкальном инструменте.

Преподаватели по классу специальности сообщают о высоком уровне дисциплины и ответственности китайских студентов в отношении занятий по профильному инструменту. Несмотря на то что в действительности многие из них испытывают сложности в общении на русском языке, они предельно внимательны к словам учителя, стараются выполнить все рекомендации, озвученные на уроке, точно и скрупулезно фиксируют пометки в тексте разучиваемого произведения (например, предложенную учителем аппликатуру). Даже если в силу индивидуальных особенностей вариант, предложенный учителем, будет не самым удобным для игры, обучающиеся будут стараться использовать именно тот, что показал преподаватель. Китайским студентам-инструменталистам свойственны хорошая память, стремление к быстрому заучиванию текста наизусть. Основное, что отмечают практически все респонденты-педагоги, – стремление китайских студентов-инструменталистов к идеальной исполнительской технике (в особенности в отношении всего, что касается скорости игры, штрихов, указанной композитором нюансировки). Сложным является достижение взаимного доверия, некоторой эмпатии, преодоление барьера в общении. Самой сложной задачей в обучении китайских студентов на уроках специальности, по мнению педагогов, является работа над собственным творческим проявлением, раскрытием личного отношения к исполняемой музыке.

Результаты

Мы можем соотнести выявленные нами в ходе интервьюирования китайских студентов стресс-факторы с описанными ранее этнопсихологическими особенностями. Если *языковой барьер* является естественной проблемой для любого иностранного студента, то относительно остальных пунктов мы можем пояснить следующее: наличие таких стресс-факторов, как *высокая степень ответственности в процессе подготовки к урокам специальности, часто перерастающая в сильную тревогу; неготовность полноценного участия в выборе репертуара;*

неготовность принятия критики со стороны учащихся (иногда), определено традиционной для китайской системы образования моделью субъект-объектных отношений в паре *ученик – учитель*. При этом, согласно культурно-поведенческим установкам, являющимся одними из составляющих этнопсихологических особенностей китайцев, преподаватель (как и родитель, впоследствии – начальник, далее – государственный правитель) наделен неоспоримым авторитетом; отсюда высокая степень ответственности в подготовке к занятиям, часто перерастающая в сильную тревогу.

Неготовность полноценного участия в выборе репертуара, которая может ошибочно трактоваться преподавателем как незнание концертного репертуара для своего инструмента, обусловлена также тем, что в восприятии китайского студента подобного рода равноправие в выборе задания недопустимо, т.к. обучающийся изначально стоит как бы в позиции подчинения и слушания, в состоянии готовности принять любое поручение (задание), определенное преподавателем, который априори всегда прав. Поэтому и критика со стороны учащихся может восприниматься китайскими студентами исключительно как недружелюбие, но не как профессиональная оценка, потому как мнение русских студентов не имеет такой ценности, как мнение педагога, стоящего выше по иерархии.

Дискомфорт в ансамблевом взаимодействии с русскими студентами (иногда) объясняется тем, что русские студенты изначально ориентированы в рамках субъект-субъектной парадигмы и настроены на сотрудничество (компаньонство, сотворчество), в то время как для китайских студентов важнее исполнить заданный текст произведения, часто буквально, скрупулезно соблюдая все обозначения в нотах и все рекомендации преподавателя. Здесь же отметим *растерянность в творческой работе над произведением, созданием художественного образа / собственной исполнительской интерпретации*: согласно ментальности китайских студентов, создание творческой интерпретации исполняемого произведения может восприниматься ими как свободомыслие и, соответственно, как непослушание.

На основании результатов проведенного интервьюирования студентов и преподавателей выявлены следующие педагогические стратегии, принципы учебно-педагогического взаимодействия, направленные на преодоление специфических сложностей в обучении студентов-инструменталистов из Китая:

1. Первостепенная значимость достижения взаимной эмпатии в учебно-педагогическом общении. Здесь мы имеем в виду четкое сохранение субординации («сохранение лица» в понимании китайского студента), а не стремление к неформальному дружескому общению, что свойственно западной модели

преподавания и молодым прогрессивным педагогам в классе по специальности. Понимание преподавателем традиционного восприятия взаимоотношений в паре *ученик – учитель*, построенных по модели субъект-объектной парадигмы, свойственного китайскому студенту, позволит избежать некоторого конфуза обучающегося, который был бы неизбежен, если эта модель была бы нарушена. Построению доверительных отношений в учебно-педагогическом общении будет способствовать прежде всего высокопрофессиональная компетенция педагога, его авторитет в творческом цеху, профессиональном сообществе. Так, преподаватель может стать в позицию «добраго правителя», «мудреца», «идеального героя», которого чтут и которому следует (кому желают) подражать (по аналогии с воспетым конфуцианскими мыслителями собирательным образом «идеального героя», который явился определяющим для становления многих черт национального характера китайцев) [22, с. 364; 23].

2. Предусмотрительность и деликатность в выборе партнера для совместного музицирования в классе ансамбля. Несмотря на дружелюбность русских студентов, при возможности предпочтительным является выбор ансамблиста из Китая. Это существенно облегчит процесс самостоятельных репетиций студентов. Данное условие вовсе не обязательно и во многом зависит от степени адаптации китайского студента, его личностных качеств, однако в случае совместного музицирования с русским студентом-инструменталистом педагогу следовало бы все же обратить внимание на организацию совместных репетиций студентов, при необходимости поспособствовать достижению взаимопонимания в ансамбле.

3. Смещение фокуса внимания с работы над технологией на раскрытие образной стороны музыки. Важно понимать, что для китайского студента характерным является стремление к технически безукоризненному (часто буквальному) исполнению всего, что непосредственно указано в нотах. Различного рода отклонения от текстового канона как проявление исполнительской свободы лежат в плоскости чего-то недозволенного и воспринимаются студентом как проявление непослушания учителю (композитору). Учитывая эти особенности, необходимо помочь студенту раскрепоститься и пробудить инициативу к творческому самовыражению в исполнении музыкального произведения. Здесь могут быть полезными методики музыкальных занятий в «состоянии потока», когда студенту предлагается ряд упражнений на ослабление и достижение такого состояния во время игры, когда первостепенным важным является чувство собственного удовлетворения и легкости в процессе музицирования [24].

Заключение

На данном этапе развития отношений между Россией и Китаем активно ведется работа по укреплению межвузовских программ студенческого обмена. В связи с этим актуальной является модернизация системы образования с целью повышения конкурентоспособности российских вузов. Принимая во внимание то, что число прибывших в Россию китайских студентов постоянно растет, возникает необходимость реорганизации учебного процесса, способствующей преодолению адаптационных трудностей китайских студентов в условиях обучения за пределами родной страны. Естественным образом возрастают требования к уровню профессиональной компетенции преподавателей, в особенности в отношении педагогов по классу специальности в творческом вузе. Достижение поставленных целей становится возможным при условии наличия у преподавателей профильного инструмента не только высокого уровня компетенции в сфере музыкального исполнительства, но и должного понимания специфики

построения взаимоотношений между учителем и студентом из Китая во время учебных занятий. Понимание социокультурных ориентиров, этнопсихологических особенностей молодых людей из Китая является непреложным требованием к преподавателям высшей школы. Выявленные педагогические стратегии и принципы взаимодействия с китайскими студентами могут существенно облегчить процесс достижения взаимопонимания в паре *учитель – ученик*, что является определяющим фактором творческой реализации студента, раскрытия потенциала творческой личности.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Рыбакова М. В., Иванова Н. А. Адаптация китайских студентов в российских вузах: некоторые проблемы. *Социально-гуманитарные знания*. 2022. № 3. С. 410–417. [Rybakova M. V., Ivanova N. A. Adaptation of Chinese students at Russian universities: problems. *Social and humanitarian knowledge*, 2022, (3): 410–417. (In Russ.)] <https://doi.org/10.34823/SGZ.2022.3.51823>
2. Чухрова М. Г., Пронин С. В. Влияние этнических особенностей на психоэмоциональное состояние иностранных студентов в российском университете. *Медицина Кыргызстана*. 2017. № 1. С. 29–32. [Chukhrova M. G., Pronin S. V. The influence of ethnic origin on the psycho-emotional state of foreign students in Russian university. *Meditina Kyrgyzstana*, 2017, (1): 29–32. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zfmexf>
3. Малышева М. В. Культурно-языковая адаптация китайских студентов в московских университетах. *Социолингвистика*. 2021. № 2. С. 187–205. [Malysheva M. V. Sociolinguistic adaptation of students from China studying at Moscow universities: mixed-method research. *Sociolinguistics*, 2021, (2): 187–205. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/bfcdgo>
4. Краснюк И. Н., Хэ Х. Процесс адаптации китайских студентов к учебе в Байкальском государственном университете (взгляд студента). *Пензенский психологический вестник*. 2021. № 1. С. 43–52. [Krasnyuk I. N., He H. The process of adaptation of Chinese students to study at the Baikal State University (student's point of view). *Penza psychological newsletter*, 2021, (1): 43–52. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17689/psy-2021.1.3>
5. Ван С., Петанова Е. И. Личностные адаптационные ресурсы китайских студентов-первокурсников. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 16. Психология. Педагогика*. 2016. № 3. С. 75–85. [Wang S., Petanova E. I. Personal "barriers" of adaptation of the Chinese students to training in the Russian higher education institution. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii 16. Psikhologiya. Pedagogika*, 2016, (3): 75–85. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2016.307>
6. Баранова И. И., Чуваева К. М. Особенности обучения и адаптации китайских студентов в поликультурной образовательной среде вузов Российской Федерации. *Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки*. 2011. № 1. С. 67–73. [Baranova I. I., Chuvaeva K. M. Teaching Chinese students in polycultural educational environment and their adaptation to Russian high school. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2011, (1): 67–73. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/oiarvj>
7. Вашкявичус В. Ю., Кондракова Ю. Н., Кузьмина Е. С., Сметанников И. Б. Что ищет китайский студент в России: анализ образовательных потребностей китайских студентов в российских вузах по материалам социологического исследования. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2022. № 65. С. 213–237. [Vashkyavichus V. Yu., Kondrakova Yu. N., Kuzmina E. S.,

- Smetannikov I. B. What a Chinese student is looking for in Russia: an analysis of the educational needs of Chinese students in Russian universities. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, 2022, (65): 213–237. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/1998863X/65/19>
8. Овчинникова М. В. Проблемы академической адаптации китайских студентов в российских вузах и пути их решения. *Вестник Тульского государственного университета. Серия: Современные образовательные технологии в преподавании естественнонаучных дисциплин*. 2020. № 1. С. 18–21. [Ovchinnikova M. V. Problems of academic adaptation of Chinese students in the higher educational institutions of the Russian Federation and approaches to their solving. *Vestnik Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sovremennye obrazovatelnye tekhnologii v prepodavanii estestvennonauchnykh distsiplin*, 2020, (1): 18–21. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/egcpxs>
 9. Дишкант Е. В., Слепцова А. И., Дорофеева С. А. Актуальные проблемы социокультурной адаптации китайских студентов в СВФУ: пути решения. *Международный научно-исследовательский журнал*. 2020. № 12-4. С. 32–35. [Dishkant E. V., Sleptsova A. I., Dorofeeva S. A. Social and cultural adaptation of Chinese students in M. K. Ammosov North-Eastern Federal University: problems and solutions. *International Research Journal*, 2020, (12-4): 32–35. (In Russ.)] <https://doi.org/10.23670/IRJ.2020.102.12.118>
 10. Мо Ц. Ресурсы и риски психологической адаптации китайских студентов при обучении в российском вузе. *Мир науки. Педагогика и психология*. 2021. Т. 9. № 2. [Mo J. Resources and risks of psychological adaptation of Chinese students when studying at a Russian university. *World of Science. Pedagogy and psychology*, 2021, 9(2). (In Russ.)] URL: <https://mir-nauki.com/PDF/09PSMN221.pdf> (accessed 4 Dec 2022). <https://elibrary.ru/oddslk>
 11. Ариунтунгалаг Б., Шуайнань Ц. Специфика адаптации китайских и монгольских студентов к российской образовательной среде. *Актуальные проблемы адаптации иностранных граждан к образовательной среде в России: Междунар. конкурс науч. работ. (Москва, 7 января – 12 марта 2019 г.)* М.: Научный консультант, 2019. С. 62–67. [Ariuntungalag B., Shuainan Z. Specific adaptation of Chinese and Mongolian students to the Russian educational environment. *Relevant issues of adaptation of foreign citizens to the academic environment in Russia: Intern. Competition of Sci. Works, Moscow, 7 Jan – 12 Mar 2019*. Moscow: Nauchnyi konsultant, 2019, 62–67. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zczxrz>
 12. Цинь Л. Актуальные аспекты адаптации китайских студентов, обучающихся за рубежом. *Дополнительное образование детей в сфере культуры и искусства: преемственность и инновации: VI Всерос. науч. конф. (Таганрог, 29–30 октября 2021 г.)* Ростов н/Д: РГУЭ (РИНХ), 2021. С. 481–488. [Qin L. Current aspects of adaptation of Chinese students studying abroad. *Additional education of children in the field of culture and art: continuity and innovation: Proc. VI All-Russian Sci. Conf., Taganrog, 29–30 Oct 2021*. Rostov-on-Don: RSUE, 2021, 481–488. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/enwhxp>
 13. Су Т. Гендерные особенности социокультурной адаптации китайских студентов. *Личность в культуре и образовании: психологическое сопровождение, развитие, социализация: II Междунар. науч.-практ. конф. (Ростов-на-Дону, 9–10 декабря 2021 г.)* Ростов н/Д-Таганрог: Foundation, 2021. Вып. 9. С. 106–109. [Su T. Gender differences of sociocultural adaptation of Chinese students. *Personality in culture and education: psychological support, development, socialization: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Rostov-on-Don, 9–10 Dec 2021*. Rostov-on-Don-Taganrog: Foundation, 2021, iss. 9, 106–109. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/hwzcls>
 14. Ли С. Педагогические условия адаптации китайских студентов к обучению в российском вузе на основе ценностных ориентаций. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*. 2008. № 82-2. С. 94–99. [Li S. Pedagogical conditions of Chinese students' adaptation to education at Russian university on the value-oriented basis. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 2008, (82-2): 94–99. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jvwpfh>
 15. Ерохина Е. А. Этническое самосознание: теоретический конструкт и ментальный феномен. *Новые исследования Тувы*. 2017. № 3. С. 66–83. [Erokhina E. A. Ethnic consciousness: theoretical construct and mental phenomenon. *The New Research of Tuva*, 2017, (3): 66–83. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25178/nit.2017.3.4>
 16. Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М.: Наука, 1973. 285 с. [Bromley Yu. V. *Ethnos and ethnography*. Moscow: Nauka, 1973, 285. (In Russ.)]
 17. Файзуллин Ф. С. Этническое самосознание и факторы его формирования. *Вестник Академии наук Республики Башкортостан*. 2013. Т. 18. № 3. С. 58–65. [Fayzullin F. S. Ethnic consciousness and its forming factors. *Bulletin of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan*, 2013, 18(3): 58–65. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ynuhpv>
 18. Чайников Ю. В. Рецензия на: Спешнев Н. А. Китайцы: особенности национальной психологии. – СПб.; Каро, 2014. – 336 с. *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика*. 2015. № 2. С. 203–211. [Chainikov Yu. V. Review of: Speshnev N. A. The Chinese: national psychology. – St. Petersburg: Karo, 2014. – 336 p. *Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 9: Oriental and African Studies*, 2015, (2): 203–211. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uvojrjx>

19. Алдакимова О. В. Психологические особенности китайских студентов и их учет в организации образовательного процесса в педагогическом вузе. *Вестник Северо-Кавказского федерального университета*. 2020. № 2. С. 161–168. [Aldakimova O. V. Psychological features of Chinese students and their account in the organization of the educational process at the pedagogical university. *Vestnik Severo-Kavkazskogo federal'nogo universiteta*, 2020, (2): 161–168. (In Russ.)] <https://doi.org/10.37493/2307-907X.2020.2.21>
20. Владимирова Т. Е. Этика «лица» как доминанта китайского стиля общения. *Научный Вестник МГТУ ГА*. 2006. № 102. С. 69–75. [Vladimirova T. E. Ethics of "person" as a dominant of the Chinese style of dialogue. *Civil Aviation High Technologies*, 2006, (102): 69–75. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kphcgj>
21. Юй С. Трудности обучения китайских студентов на русском языке. *Научная инициатива иностранных студентов и аспирантов российских вузов: VIII Всерос. науч.-практ. конф.* (Томск, 16–18 мая 2018 г.) Томск: ТПУ, 2018. С. 346–350. [Yu X. Difficulties in teaching Chinese students in Russian. *Scientific initiative of foreign students and postgraduates of Russian universities: Proc. VIII All-Russian Sci.-Prac. Conf.*, Tomsk, 16–18 May 2018. Tomsk: TPU, 2018, 346–350. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yspqgl>
22. Спешнев Н. А. Китайцы: особенности национальной психологии. СПб.: КАРО, 2017. 336 с. [Speshnev N. A. *The Chinese: national psychology*. St. Petersburg: KARO, 2017, 336. (In Russ.)]
23. Рифтин Б. Л. От мифа к роману (эволюция изображения персонажа в китайской литературе). М.: Наука, 1979. 358 с. [Riftin B. L. *From myth to romance (the evolution of figures description in the Chinese classical literature)*. Moscow: Nauka, 1979, 358. (In Russ.)]
24. Базанова О. М., Бурзик А., Гвоздев А. В. Исполнение музыки во Flow-состоянии: психофизиологические корреляты. *Вестник кафедры ЮНЕСКО «Музыкальное искусство и образование»*. 2013. № 1. С. 48–54. [Bazanova O. M., Burzik A., Gvozdev A. V. Music performance in the Flow-state: psychophysiological correlates. *Vestnik kafedry IUNESKO "Muzykalnoe iskusstvo i obrazovanie"*, 2013, (1): 48–54. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sekamf>

оригинальная статья

Взаимодействие субъектов образовательных отношений по формированию профессионального самоопределения школьников в информационно-образовательной среде моногорода

Ненилин Сергей Николаевич

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия, Томск

Муниципальное казенное учреждение «Управление образованием Междуреченского городского округа», Россия, Междуреченск
snenilin@yandex.ru

Поступила 15.06.2023. Принята после рецензирования 15.08.2023. Принята в печать 15.08.2023.

Аннотация: В моногороде, как правило, существует дисбаланс предложений на рынке труда и отсутствие квалифицированных специалистов для работы на градообразующих предприятиях. Важное значение приобретает организация научно обоснованного процесса формирования профессионального самоопределения школьников. Решение проблемы мы видим в организации взаимодействия субъектов образовательных отношений и организаций промышленности и сферы социальных услуг моногорода. Цель – выявить, создать и апробировать организационно-педагогические условия, способствующие формированию профессионального самоопределения школьников и выбора ими профессий, востребованных в моногороде. Для достижения цели была создана информационно-образовательная среда моногорода. Взаимодействие образовательных организаций и социальных партнеров – промышленных предприятий и учреждений социальной сферы – в информационно-образовательной среде моногорода осуществлялось посредством организации сетевого обучения. Это позволило сконцентрировать образовательные программы образовательных организаций, реализующих программы внеурочной деятельности, дополнительные общеобразовательные общеразвивающие программы, программы ресурсных центров профориентационной направленности, что обеспечило непрерывность и преемственность педагогического сопровождения формирования профессионального самоопределения школьников различных возрастных групп и взаимодействие всех субъектов образовательных отношений и социальных партнеров. В ходе экспериментальной работы разработан электронный информационно-образовательный ресурс «Профбудущее42.рф», определены технологии, методы и средства обучения школьников. Изучены возможности участия организаций промышленности и сферы социальных услуг в процессе по формированию профессионального самоопределения школьников моногорода. Для достижения цели мы использовали теоретические и эмпирические методы исследования. Анализ и синтез литературы по проблеме исследования позволили нам спроектировать информационно-образовательную среду моногорода и сконструировать электронный информационно-образовательный ресурс «Профбудущее42.рф». Проведение анкетирования и опроса школьников, направленных на выявление их образовательных и профессиональных интересов, способствовало разработке актуальных образовательных программ. В процессе педагогического эксперимента нами осуществлялись педагогическое наблюдение, анкетирование школьников для определения результативности проделанной работы. Для получения объективных результатов педагогического эксперимента использованы методы математической обработки. Полученные результаты на каждом этапе педагогического эксперимента характеризовали качественные изменения, происходившие у школьников, а также протекание педагогического процесса. Это позволяло управлять процессом педагогического сопровождения профессионального самоопределения школьников в информационно-образовательной среде моногорода, что отразилось на итоговых результатах педагогического эксперимента.

Ключевые слова: профессиональное самоопределение школьников, педагогическое сопровождение, моногород, информационно-образовательная среда, взаимодействие субъектов образования, система профориентации, сетевое обучение, ресурсные центры, социальные партнеры

Цитирование: Ненилин С. Н. Взаимодействие субъектов образовательных отношений по формированию профессионального самоопределения школьников в информационно-образовательной среде моногорода. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2023. Т. 7. № 3. С. 298–309. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-3-298-309>

full article

Academic Interaction as Part of Developing Professional Identity in Schoolchildren: Informational and Educational One-Industry Urban Environment

Sergey N. Nenilin

National Research Tomsk State University, Russia, Tomsk

Education Management Institution of Mezhdurechensk Municipality, Russia, Mezhdurechensk

snenilin@yandex.ru

Received 15 Jun 2023. Accepted after peer review 15 Aug 2023. Accepted for publication 15 Aug 2023.

Abstract: Single-industry urban settlements often experience a lack of qualified specialists for their key enterprises. Therefore, professional identification should start at school and be based on a scientifically organized interaction between local education facilities and local industrial enterprises. The authors identified, developed, and tested pedagogical conditions that contribute to career counselling in single-industry urban schools. They developed a digital resource called Proffuture42.rf that modeled informational and academic environment of a single-industry town. The platform united programs of extracurricular activities, additional general education, and career guidance developed by urban education institutions for schoolchildren of various age groups. Education facilities and their industrial partners were able to interact in the form of network training. The research revealed a number of possibilities for industrial organizations and social services to participate in the process of professional identification development. The pedagogical experiment involved observation and questioning. The survey results were subjected to mathematical processing. By monitoring the qualitative changes, the platform was able to facilitate the pedagogical support of career counselling in a single-industry town.

Keywords: professional identification of schoolchildren, pedagogical support, one-industry town, informational and academic environment, interaction of subjects of education, career guidance system, network education, resource centers, social partners

Citation: Nenilin S. N. Academic Interaction as Part of Developing Professional Identity in Schoolchildren: Informational and Educational One-Industry Urban Environment. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2023, 7(3): 298–309. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-3-298-309>

Введение

Вызовы для системы образования XXI в. продолжают нарастать. Они связаны с изменениями мирового политического, социально-экономического пространства. Неопределенность, многозадачность, полифункциональность профессиональных умений и навыков определяются технологическим прогрессом, который уже сегодня ставит под сомнение существование множества современных профессий [1]. Это связано с развитием высокотехнологичного общества, которое предъявляет новые требования к личности: компетентность, креативность, одновременное решение разных задач, умение работать в условиях неопределенности с большими объемами информации, выстраивая командное взаимодействие участников организуемых процессов.

В современных условиях возрастает востребованность квалифицированных специалистов на рынке труда. Особенно это касается моногородов, в которых на градообразующие предприятия требуются специалисты определенной сферы профессиональной деятельности. В связи с этим существующая система

профориентации должна обеспечить «рациональное распределение трудовых ресурсов, выбор человеком "жизненного пути" и профессии, профессиональную подготовку, адаптацию и переквалификацию» [2, с. 85] на протяжении всей жизни.

При организации исследования мы исходили из положения, что формирование профессионального самоопределения школьников – это социальный процесс [3], поэтапный процесс и результат специально организованной профориентационной работы [4–7], учитывающий возрастные особенности школьников при усвоении информации о профессиях, возможности их получения, способах и приемах профессиональной деятельности [8].

Город Междуреченск Кемеровской области – Кузбасса является моногородом. Промышленный сектор доминирует на рынке труда, численность работающих на градообразующих предприятиях составляет 44 % от численности населения Междуреченска. Основная сфера – угледобывающая промышленность. На территории муниципального образования

Междуреченского городского округа осуществляют деятельность три крупных угольных предприятия: «Южный Кузбасс», «Распадская угольная компания» и «Междуречье».

Проблемой на рынке труда в округе остается несоответствие между спросом и предложением рабочей силы. Дисбаланс рынка труда, ограниченные возможности получения профессионального образования и трудоустройства в Междуреченске актуализируют проблему формирования профессионального самоопределения школьников в моногороде. Отдаленность Междуреченского городского округа от развитых центров предопределяет миграцию населения с целью обучения, поиска работы, постоянного проживания и пр.

Анализ научной литературы по проблеме исследования и сложившаяся в муниципалитете практика осуществления профориентационной работы и формирования профессионального самоопределения позволили нам выделить три организационно-педагогических условия, способствующих решению проблемы:

- конструирование информационно-образовательной среды моногорода, в которой обеспечивается взаимодействие субъектов образовательных отношений;
- разработка системы работы по формированию профессионального самоопределения школьников в информационно-образовательной среде моногорода с использованием возможностей всех образовательных организаций муниципалитета, промышленных предприятий и учреждений социальной сферы города;
- организация педагогического сопровождения формирования профессионального самоопределения школьников в информационно-образовательной среде моногорода на каждом возрастном этапе.

Ю. Г. Коротенков подчеркивает, что информационно-образовательная среда – это «область и интегрированное средство (ресурс) осуществления и реализации образовательного процесса и образовательного взаимодействия, которое под воздействием информатизации стало информационным – информационно-образовательным, информационно-познавательным, информационно-деятельностным и информационно-коммуникативным» [9, с. 30]. При конструировании информационно-образовательной среды мы опирались на данное определение.

Нами определена цель информационно-образовательной среды моногорода – организация педагогического сопровождения по формированию профессионального самоопределения школьников. Под педагогическим сопровождением формирования профессионального самоопределения школьников в информационно-образовательной среде моногорода мы понимаем:

- целостную, открытую, динамичную, гибкую и вариативную систему специально организованного педагогического взаимодействия педагога и школьника, реализуемого в сетевых формах обучения, объединяющую в себе информационные образовательные ресурсы, компьютерные средства обучения, педагогические приемы, методы и технологии;
- направленную на включение школьников в разнонаправленную деятельность для раскрытия их способностей;
- опирающуюся на интересы, потребности и опыт школьников для принятия ими решения о профессиональном выборе, саморазвитии и самореализации с учетом их возрастных, психологических, индивидуальных особенностей, требований определенной профессиональной деятельности [10–12].

Сформулированная цель позволила продумать и существенно наполнить содержательное поле созданного нами в ходе экспериментальной работы электронного информационно-образовательного ресурса «Профбудущее42.рф» (далее – Ресурс), определить выбор технологий, методов и средств обучения. При определении содержательного поля учитывались потребности моногорода в профессиональных кадрах, возможности общеобразовательных организаций и учреждений дополнительного образования, а также промышленных предприятий, организаций и учреждений социальной сферы – социальных партнеров.

Для достижения цели и получения предполагаемого результата – педагогического сопровождения формирования профессионального самоопределения школьников моногорода – нами были определены следующие условия:

- 1) организация сетевого обучения на Ресурсе;
- 2) организация взаимодействия субъектов образовательных отношений;
- 3) управление информационно-образовательной средой моногорода.

К основным принципам функционирования информационно-образовательной среды моногорода, в которой организовано педагогическое сопровождение профессионального самоопределения школьников, мы отнесли:

- принцип структурной и содержательной целостности информационно-образовательной среды: взаимодействие всех субъектов образовательных отношений;
- принцип природосообразности: соответствие представленным на Ресурсе дополнительным общеобразовательным общеразвивающим программам возрастным особенностям школьников [13, с. 609];

- принцип вариативности (многопрофильности): реализация дополнительных общеобразовательных общеразвивающих программ, в том числе на основе сетевых форм обучения [14, с. 104];
- принцип интегративности: объединение образовательных организаций вокруг одной из них, обладающей наибольшим материальным и кадровым потенциалом (создание ресурсных центров) [15];
- принцип интенсивности: выделение специальных форм погружения (например, передвижные лаборатории, приглашение лучших преподавателей для проведения отдельных занятий, образовательные интенсивы в каникулярное время, сетевые уроки и т. д.) [16; 17].

Информационно-образовательная среда моногорода охватывает всех субъектов образовательного процесса:

1) обучающихся общеобразовательных организаций, учреждений дополнительного образования, в которых реализуются общеобразовательные программы, программы внеурочной деятельности, дополнительные общеобразовательные общеразвивающие программы, направленные на расширение их информационного поля о профессиях, востребованных в муниципалитете и регионе;

2) родителей школьников, которым оказывается информационно-коммуникативная поддержка;

3) педагогов образовательных организаций, которые координируют и организуют профориентационную работу с обучающимися и осуществляют педагогическое сопровождение формирования профессионального самоопределения школьников моногорода.

Также субъектами – социальными партнерами – являются представители учреждений среднего профессионального образования (СПО), вузов региона, промышленных предприятий, учреждений социальной сферы, действующих в моногороде; органы муниципального самоуправления; некоммерческие организации; средства массовой информации, которые привлекаются на основании соглашений о сотрудничестве к реализации образовательных программ [18].

Педагогическое сопровождение профессионального самоопределения школьников в информационно-образовательной среде моногорода осуществляется посредством организации сетевого взаимодействия образовательных организаций и социальных партнеров. Сетевое взаимодействие образовательных организаций, реализующих программы внеурочной деятельности, дополнительные общеобразовательные общеразвивающие программы, программы ресурсных центров профориентационной направленности в информационно-образовательной среде моногорода, обеспечивает непрерывность и преемственность педагогического сопровождения формирования профессионального самоопределения школьников различных возрастных групп.

Основной управленческой задачей педагогического сопровождения профессионального самоопределения школьников в моногороде является обеспечение системного, эффективного взаимодействия всех субъектов в информационно-образовательной среде.

Методы и материалы

Основой работы стала скоординированность действий семьи, образовательных организаций и социальных партнеров. В ходе педагогического сопровождения было организовано взаимодействие субъектов образовательных отношений по нескольким направлениям: *педагог – педагог, педагог – школьник, школьник – школьник, педагог – родитель*.

Непосредственное педагогическое сопровождение формирования профессионального самоопределения школьников в информационно-образовательной среде моногорода осуществлялось в рамках деятельностного этапа экспериментальной работы. На данном этапе экспериментальной работы необходимо было организовать деятельность школьников по усвоению содержания образовательных программ, а также включить их в деятельность по выбору будущей профессии. С этой целью нами разработан инновационный проект «Профессиональное будущее 42», ориентированный на выбор школьниками актуальных и востребованных профессий в моногороде. Проект представляет собой единый городской план (календарь) профориентационных мероприятий: ключевые образовательные события (ярмарки, выставки, дни открытых дверей, единые дни профориентации и т. д.), городские мероприятия (олимпиады, конкурсы, научно-практические конференции и т. д.).

Городские массовые мероприятия, ключевые образовательные события дополнялись беседами, встречами с представителями предприятий промышленности, учреждений социальной сферы моногорода, а также лекциями ученых Кузбасса, тренингами, экскурсиями и др. Чтобы расширить знания и представления школьников о профессиях промышленности и социальной сферы моногорода и их востребованности в городе были организованы единые дни профориентации, «Фестиваль рабочих профессий», ярмарка «Образование. Профессия. Карьера», прошли уроки «Перспективы рынка труда в моногороде» для обучающихся 8–11 классов. При подготовке данных уроков осуществлялось взаимодействие *педагог – школьник и школьник – школьник*.

Под руководством координаторов по профориентационной работе и классных руководителей школьники подбирали материалы об истории предприятий города, составляли фотоархивы, организовывали встречи с ветеранами труда. Школьники отмечали, что педагоги «не учили, а советовали, рекомендовали, консультировали и также подбирали материалы».

По итогам уроков школьники готовили презентации «Востребованные в моногороде профессии» и видеоролики о градообразующих предприятиях Междуреченского городского округа. Они были представлены на городском конкурсе, организатором которого выступил Межведомственный городской совет по подготовке профессиональных кадров моногорода. Для создания конкурсных материалов в каждом образовательном учреждении была организована творческая группа школьников. Обязанности в ней распределялись следующим образом: ответственные за подбор информации и взаимодействие с социальными партнерами, ответственные за обработку и представление информации, ответственные за создание презентационных материалов. Таким образом, в творческой группе условно можно выделить журналистов, корректоров, редакторов, фотокорреспондентов, видеооператоров, видеоинженеров.

Школьники отмечали, что в процессе работы над конкурсными материалами они учились взаимодействовать друг с другом, разновозрастными и разного статусными работниками промышленных предприятий и организаций социальной сферы. В составе членов жюри конкурса видеороликов и презентаций были представители социальных партнеров – промышленных и социальных учреждений.

Очередным ключевым образовательным событием стала встреча с преподавателями Института образования Кемеровского государственного университета (КемГУ) «Профстарт: путь в будущее». В ходе встречи школьники узнали о психологической классификации профессий и требованиях, которые предъявляет каждая профессия к работнику. Продолжением этой встречи стала форсайт-сессия «Мое профессиональное будущее». В ходе форсайт-сессии школьники проектировали индивидуальный образовательный маршрут на основе классификации Е. А. Климова, соотнося собственные психологические особенности с классификацией профессий по ведущему предмету труда. К каждой группе классификации школьники подбирали профессии, представленные в моногороде, и выделяли профессионально-значимые качества для этих профессий.

Кроме того, на деятельностном этапе координаторы профориентационной работы и классные руководители составили кейсы профориентационных заданий, интерактивных игр о востребованных профессиях в моногороде. Данные методические материалы использовались на классных часах профориентационной направленности. Это позволило расширить информационное поле школьников о рынке труда и промышленных предприятиях моногорода. Особый интерес школьники проявили к игре «Портрет

современного профессионала в моногороде», в которой приняли участие выпускники школ; родители учащихся, имеющие самые разные профессии; социальные партнеры; представители высших учебных учреждений региона. Преподаватели вузов рассказывали об открытии новых направлений профессионального обучения, требованиях к поступлению, возможностях трудоустройства выпускников. Данная игра была построена по методике «Упражнение Джеффа». Она стала эффективным методом в информировании школьников. Профориентационный материал, используемый в игре, визуализировался, наполнялся профессиональным содержанием и предметами, что способствовало его восприятию и осознанию школьниками. В процессе игры обеспечивалось взаимодействие *педагог – школьник* и *школьник – школьник* за счет изменения их взаимоотношений и творческого сотрудничества.

Классные руководители также использовали игры: моделирующие различные аспекты профессиональной деятельности; формирующие эмоциональное отношение к профессии и профессиональной деятельности; направленные на формирование мотивов выбора профессий, востребованных в моногороде. Интерес у школьников вызвали игры: «Реклама профессии шахтера», «Возроди профессию ремесленника», «Придумай туристический маршрут», «Из прошлого в будущее: от Гиппократ до современных медицинских технологий».

Организация педагогического сопровождения профессионального самоопределения школьников на деятельностном этапе педагогического эксперимента предполагала участие социальных партнеров. Так, компания ЕВРАЗ совместно с администрацией Междуреченска и Фондом социальных инвестиций (г. Москва) организовала проект «Детский форсайт». В мероприятии приняли участие более 50 обучающихся 8-х и 10-х классов общеобразовательных учреждений Междуреченска, которые разрабатывали образ будущего родного города. Главная задача данной программы – научить подростков не только разрабатывать проекты, но и реализовывать их: собирать команду, самостоятельно находить ресурсы, обеспечивать продвижение в местном сообществе. Практика показала, что подростки могут предлагать интересные и нестандартные решения: для привлечения ресурсов нужна краска – обратимся к жителям города и соберем строительные материалы, оставшиеся от ремонта квартир; хотим озеленить город – проведем общегородской конкурс клумб, организуем флешмоб – обратимся в учреждения культуры и к предпринимателям. Итогом проекта «Детский форсайт» стало представление

школьниками собственных инициатив на бирже социальных проектов, где они смогли найти социальных партнеров для реализации своих проектов¹.

На деятельностном этапе экспериментальной работы на базе шести образовательных организаций открыты ресурсные центры, которые реализуют образовательные программы профориентационной направленности для школьников города: инженерный класс, педагогический, креативный, юнармейский, медицинский, академический. Так, в МБОУ «Гимназия № 6 имени С. Ф. Вензелева» в 2020 г. была открыта Школа инженерных практик «Hit-инженеры» (далее – Школа) как учебный полигон для отработки основ инженерной деятельности, профориентации и профессионального самоопределения школьников моногорода. Основа Школы – инженерно-техническое моделирование, обогащение школьников общетехническими инженерными знаниями и умениями, развитие их творческих способностей в области техники. Ежегодно количество участников Школы увеличивается: в 2020–2021 учебном году – 31 человек, в 2021–2022 – 43 человека, в 2022–2023 – 52 человека.

Программа школы имеет ряд особенностей:

- обучение осуществляется непрерывно: в каникулярное время – с погружением в практическую деятельность, а в межканикулярное время – на занятиях по внеурочной деятельности; школьники получают знания в предметных областях математики, физики, химии, биологии, технологии, информатики;
- школьники вовлечены в проектную деятельность, разработку и продвижение инженерных и исследовательских проектов в командах под руководством квалифицированных наставников;
- обучающиеся включены в этапы инженерной деятельности: от формирования замысла до конечного продукта;
- школьники получают начальные профессиональные навыки инженерной деятельности;
- программа реализуется в сетевом взаимодействии;
- программа способствует профессиональному росту привлекаемых к ее реализации педагогов естественно-научных и математических дисциплин.

В ходе практики при изучении образовательной программы школьники апробируют различные роли, проверяют достаточность знаний и умений, определяя ориентир дальнейшего собственного развития. Прохождение инженерных практик осуществляется школьниками по шести направлениям инженерной деятельности:

1) VR-технологии: создание продукта виртуальной реальности посредством использования возможностей платформы CoSpaces Edu;

2) программирование микроконтроллера: сборка микроконтроллера на платформе Arduino (школьники овладевают ключевыми навыками в схемотехнике и программировании, сращивания эти два направления);

3) 3D-моделирование: создание объектов при помощи различных средств программы 3ds Max (визуализация позволяет сделать огромный шаг в современную индустрию аддитивных технологий); создание реальной физической модели посредством 3D печати на 3D принтере (это позволяет школьникам связать все предложенные практики, обеспечив конструктивное решение проектов);

4) летающая робототехника: программирование и пилотирование квадрокоптера;

5) работа с манипулятором DOBOT Magician и конструктором MINDSTORMS EV3: знакомство с программным обеспечением, особенностями эксплуатации конструкции манипулятора и с основами промышленной робототехники в целом (решение кейса по созданию собственной мини технологической цепочки *манипулятор – конвейер – транспортировочный узел* позволяет школьникам апробировать основные навыки в работе с современными роботизированными системами: конструирование, программирование, отладка роботизированной системы с целью устранения недочетов системы);

6) наноинженерия: знакомство с работой рефрактометра, спектрофотометра, с рН-метром и лабораторной центрифугой.

В программе Школы инженерных практик «Hit-инженеры» предусмотрены интенсивы и публичные лекции представителей ведущих инженерных профессий и учреждений высшего профессионального образования инженерной направленности Кемеровской области – Кузбасса, дайджест интересных инженерных проектов нашего времени. Работа Школы в каникулярное время рассчитана на три погружения. Каждое погружение – на три дня работы. Участники погружения выбирали направление работы и пробовали себя в разных областях инженерной направленности. Цельность и самодостаточность инженерных практик – возможность интеграции и взаимоподдержки.

Продукт, получаемый учащимися в результате прохождения интенсива инженерных практик, это проект, который они готовили под руководством педагогов и защищали на итоговой сессии. За несколько каникулярных дней ученики из разных школ города, работая в командах, разработали и представили

¹ Рябов А., Юрьева Е. В Междуреченске стартует «Детский форсайт». *Союз горных инженеров*. 20.03.2019. URL: <http://www.mining-portal.ru/publish/v-mejdurechenske-startuet---detskiy-forsayt-/> (дата обращения: 24.01.2022).

собственные инженерные идеи. Так появились проекты «Робототехническая система транспортировки», «Летающий помощник», «Виртуальная реальность на благо человечества: безопасный город», «Умный светофор». В итоговой сессии приняли участие представители вузов инженерных профессий, являющиеся независимыми экспертами представленных школьников проектов.

При ответах на вопросы экспресс-опроса и в частных беседах школьники отмечают, что в процессе работы меняется общение не только со сверстниками, но и с педагогами: оно становится партнерским, а педагог выступает консультантом. В ходе педагогического сопровождения профессионального самоопределения школьников моногорода было организовано взаимодействие педагог – школьник в процессе образовательной деятельности на электронном информационно-образовательном ресурсе «Профбудущее42.рф». На сайте предусмотрен личный кабинет для каждого обучающегося, доступ к которому имеют кураторы по профориентационной работе и классные руководители. Именно они отслеживают изменения уровня сформированности профессионального самоопределения школьников и их профессиональные интересы.

База данных Ресурса включает 4059 активных пользователей (4031 обучающийся, 28 педагогов) и содержит следующие разделы: Главная, Новости, Профессии, Тестирование, Программы, Мероприятия.

В разделе *Главная* сосредоточена информация о профориентации и возможностях трудоустройства на предприятия моногорода, каталог профессий, востребованных в Кузбассе и Междуреченском городском округе, и перечень профориентационных программ общеобразовательных организаций, учреждений дополнительного образования. База данных Ресурса содержит реестр профориентационных программ, в который входит 54 программы дополнительного образования, 53 программы внеурочной деятельности, 6 программ дополнительного образования ресурсных центров.

Раздел *Тестирование* предполагает прохождение тестов, направленных на самопознание школьников и определение их будущей профессиональной сферы:

- дифференциально-диагностический опросник Е. А. Климова, методики «Определение профессиональных склонностей» и «Тип мышления» в модификации психолога-профконсультанта Г. В. Резапкиной;
- методика «Профиль» по А. Е. Голомштоку;
- диагностика эмоционального интеллекта по Н. Холлу;
- диагностика мотивационных ориентаций в межличностных коммуникациях по И. Д. Ладанову, В. А. Уразаевой;

- диагностика интерактивной направленности личности по Н. Е. Щурковой в модификации Н. П. Фетискина;

- диагностика стилей общения.

В разделе *Профессии* обучающимся предоставляется информация о будущей профессиональной сфере и профессиях, представленных в данной сфере. Непосредственно по результатам тестирования каждый школьник моногорода получает информацию о программах, направленных на формирование знаний, умений, навыков и компетенций, востребованных в конкретной профессии, которые он сможет освоить в своей образовательной организации, в учреждении дополнительного образования детей или в ресурсном центре – образовательной организации моногорода. С этой целью в муниципалитете создана специальная образовательная сеть.

Обучающийся регистрируется в личном кабинете и получает доступ к образовательному контенту. Так каждый школьник может пополнить знания и умения в предметной области на углубленном уровне. В процессе изучения выбранной школьником программы реализуется индивидуальный подход в обучении, меняется парадигма взаимодействия педагог – школьник, а организация сетевого обучения в информационно-образовательной среде обеспечивает реализацию индивидуального образовательного маршрута каждого обучающегося моногорода. Школьники имеют возможность пройти обучение по образовательным программам у педагогов других образовательных организаций, а на каникулярных интенсивах в смешанных группах обсудить со сверстниками актуальные познавательные проблемы. Особый интерес у школьников вызывает форма проведения таких занятий, когда теоретическая часть программы дается онлайн, а практическая отрабатывается на интенсиве. Реализация программы интенсива также предполагает использование инновационных технологий. Занятия проходят в форме лабораторных работ, практикумов, проектных кейсов, веб-квестов, конференций, форсайт-сессий, хакатонов, митапов и др.

Использование инновационных технологий в образовательном процессе предполагает изменение характера взаимодействия педагогов и школьников, когда они становятся полноправными субъектами познавательной деятельности. Экспресс-опрос обучающихся показал рост их интереса и мотивации к познавательной деятельности. В частных беседах они отмечали удобный формат обучения на электронном информационно-образовательном ресурсе «Профбудущее42.рф», а также заинтересованность педагогов ресурсных центров в активизации их деятельности. Кроме этого, школьники обращали внимание на неформальные взаимоотношения педагогов и обучающихся, а также обучающихся между собой в групповой работе.

В рамках единых нормативных муниципальных документов нами был разработан и реализован план по повышению уровня готовности педагогов по педагогическому сопровождению профессионального самоопределения школьников. План включал 8 тем. Семинары для координаторов по профориентационной работе проходили один раз в месяц по 6 часов. В дальнейшем координаторы проводили семинары по данной теме в своих образовательных организациях с классными руководителями. Все занятия были практико-ориентированными и касались разработки профориентационных проектов и дополнительных общеобразовательных общеразвивающих программ и программ внеурочной деятельности, а также организации взаимодействия со школьниками.

Аспекты взаимодействия педагогических работников по педагогическому сопровождению профессионального самоопределения школьников в информационно-образовательной среде моногорода касались вопросов возрастной психологии и педагогики; организации процесса психолого-педагогического сопровождения школьников; изучения областей труда и производства, отражающих предметные знания; направлений развития рынка труда моногорода; современных концепций и подходов к организации профессионального самоопределения личности; инновационных технологий образования. Данные вопросы рассматривались на методических семинарах, заседаниях городских методических объединений, научно-методических и педагогических советах образовательных организаций, встречах с ведущими специалистами в сфере педагогики и психологии, а также на авторских семинарах победителей конкурсов профессионального мастерства.

Педагоги акцентируют внимание на повышении познавательной мотивации школьников в процессе овладения образовательными программами, их желании расширять информационное поле в предметной области, смещении интересов обучающихся в пользу овладения знаниями, умениями и компетенциями, необходимыми в будущей профессии. В частных беседах педагоги также отмечали удобный формат взаимодействия на электронном информационно-образовательном ресурсе «Профбудущее42.рф», когда у учителя имеется возможность координировать деятельность школьников, обеспечивая индивидуальный подход в обучении. У педагогов появилась возможность лоббировать познавательные и профессиональные интересы школьников: предлагать обучающемуся принять участие в вузовской олимпиаде по выбранному им направлению обучения; пройти профессиональные пробы; включить в команду при подготовке муниципального профориентационного события, проекта и т. д. [19].

Электронный информационно-образовательный ресурс «Профбудущее42.рф», как показала экспериментальная работа, является центром сосредоточения научно-методического, информационного и педагогического сопровождения формирования профессионального самоопределения школьников в моногороде. В ходе педагогического эксперимента на деятельностном этапе нашей задачей была организация взаимодействия *педагог – родитель*. Педагоги, участвующие в педагогическом эксперименте, осуществляли систематическую работу с родителями. Задача классных руководителей заключалась в информировании родителей о профессиональных интересах школьников, выборе профессии обучающимися, оказании психолого-педагогической поддержки школьникам в семье на этапе выбора будущей профессии, а также в их привлечении к различным мероприятиям профориентационной направленности. Формами взаимодействия с родителями были консультации, беседы, встречи, деловые игры, тренинги, мастер-классы и т. д.

В частных беседах родители отмечали, что благодаря проведенным мероприятиям они узнали, как построить беседу с ребенком о выборе профессии, рассмотрели запасные варианты получения профессионального образования, получили информацию о востребованных профессиях моногорода и возможности обучения их детей в учреждениях СПО и вузах региона по данным профессиям.

По мнению родителей, эффективным средством обратной связи с педагогами образовательных организаций стал электронный информационно-образовательный ресурс «Профбудущее42.рф». Своевременное получение информации о профессиональных интересах и склонностях детей, изменении этих интересов позволяет корректировать совместно с педагогами индивидуальные образовательные маршруты, способствует созданию условий для развития способностей школьников и вовлечению их в познавательную деятельность. Информация об учреждениях профессионального образования (СПО, вузы) и об условиях поступления в данные организации позволяет, как считают родители, выстроить будущую профессиональную карьеру. Родители отмечают целесообразность организации такой работы с обучающимися начиная с 7 класса, т. к. это дает возможность осознанно подойти к выбору будущей профессии и учреждения для получения профессионального образования.

Немаловажное значение, с точки зрения родителей, имеют встречи с работодателями моногорода, на которых всем субъектам образовательных отношений предоставляется достоверная и объективная информация об условиях труда. Более 50 % родителей в качестве положительного факта называют

возможность для школьников участвовать в олимпиадах, конференциях, конкурсах, организуемых социальными партнерами, которые в дальнейшем оказывают победителям данных мероприятий социальную поддержку в период обучения в учреждениях профессионального образования Кузбасса.

Результаты

На оценочном этапе педагогического эксперимента мы выявили уровень сформированности профессионального самоопределения школьников, отражающий эффективность проделанной работы. Для оценки результативности экспериментальной работы мы использовали педагогическое наблюдение, беседы, опрос, тестирование, экспертную оценку, что позволяло нам отследить динамику уровня сформированности профессионального самоопределения школьников в информационно-образовательной среде моногорода. В целях наблюдения за динамикой мы выбрали критерии и определили показатели по каждому критерию [20–23], а также определили три уровня сформированности профессионального самоопределения школьников.

Установлены три критерия сформированности профессионального самоопределения школьников в информационно-образовательной среде моногорода: познавательный, деятельностно-рефлексивный, эмоциональный.

Показатели познавательного критерия:

- наличие знаний у школьников о рынке труда и умение их анализировать;
- наличие знаний о профессиях и этапах выбора профессии;
- наличие потребности в получении информации о профессии и профессиональной деятельности, а также об учреждениях профессионального образования для дальнейшего обучения.

Показатели деятельностно-рефлексивного критерия:

- умение определять цели и задачи будущей профессиональной деятельности;
- способность к самоорганизации и самообучению в соответствии с предполагаемой профессией и содержанием профессиональной деятельности;
- наличие твердых и гибких компетенций, востребованных в предполагаемой профессиональной деятельности;
- умение анализировать собственные способности и соотносить их с предполагаемой профессией;
- умение оценивать собственные недостающие знания, умения и компетенции для получения будущей профессии.

Показатели эмоционального критерия:

- наличие устойчивого интереса к определенной профессии;

- положительное отношение к будущей профессиональной деятельности;
- наличие нравственных и профессиональных ценностей.

Для анализа сформированности профессионального самоопределения школьников в информационно-образовательной среде моногорода мы выделили три уровня: высокий, средний и низкий.

Высокий уровень характеризуется:

- объективными знаниями о региональном рынке труда и рынке труда моногорода и способностью к их анализу;
- информированностью о востребованных профессиях в регионе и моногороде;
- знаниями об этапах выбора профессии;
- мотивацией к постоянному получению информации о профессиях и будущей профессиональной деятельности;
- умением определять цели и задачи предполагаемой профессиональной деятельности;
- умением к самоорганизации и самообучению в соответствии с выбираемой профессией;
- сформированностью компетенций, востребованных в предполагаемой профессиональной деятельности;
- устойчивым интересом и положительным отношением к выбираемой профессии;
- осознанием профессиональных ценностей;
- умением анализировать собственные способности и соотносить их с выбираемой профессией;
- умением оценивать недостающие знания, умения и компетенции для получения будущей профессии;
- активной позицией в получении дополнительных знаний о будущей профессиональной деятельности.

Средний уровень характеризуется:

- знаниями о региональном рынке труда и рынке труда моногорода и способностью к их анализу;
- частичной информированностью о востребованных профессиях в регионе и моногороде;
- знаниями об этапах выбора профессии;
- недостаточной мотивацией к получению информации о профессиях и будущей профессиональной деятельности;
- умением определять цели и задачи предполагаемой профессиональной деятельности;
- недостаточными умениями к самоорганизации и самообучению в соответствии с выбираемой профессией;
- сформированностью отдельных компетенций, востребованных в предполагаемой профессиональной деятельности;
- интересом и положительным отношением к выбираемой профессии;
- осознанием профессиональных ценностей;

- умением анализировать собственные способности и соотносить их с выбираемой профессией;
- умением оценивать недостающие знания, умения и компетенции для получения будущей профессии;
- проявлением ситуативной активности в получении дополнительных знаний о будущей профессиональной деятельности.

Низкий уровень характеризуется:

- наличием отдельных знаний о региональном рынке труда и рынке труда моногорода;
- неполной информированностью о востребованных профессиях в регионе и моногороде;
- неполными знаниями об этапах выбора профессии;
- недостаточной мотивацией и ситуативным характером получения информации о профессиях;
- недостаточным умением определять цели и задачи профессиональной деятельности;
- отсутствием самоорганизации и самообучения в соответствии с предполагаемой профессией;
- недостаточной сформированностью компетенций, востребованных в предполагаемой профессиональной деятельности;
- недостаточно устойчивым интересом и положительным отношением к предполагаемой профессии;
- недостаточно сформированным умением анализировать собственные способности и соотносить их с предполагаемой профессией;
- отсутствием объективной оценки собственных недостающих знаний, умений и компетенций для получения предполагаемой профессии;
- отсутствием желания в получении дополнительных знаний о будущей профессиональной деятельности.

В ходе апробации сконструированной нами информационно-образовательной среды и осуществления педагогического сопровождения профессионального самоопределения школьников моногорода мы изучали изменения показателей у обучающихся по каждому критерию на подготовительном, деятельностном, оценочном этапах педагогического эксперимента. Использование единых показателей позволило нам:

- отследить уровень сформированности профессионального самоопределения школьников в информационно-образовательной среде моногорода на каждом этапе педагогического эксперимента и спрогнозировать успешность продвижения на последующих этапах;
- своевременно скорректировать и осуществить управление процессом педагогического сопровождения профессионального самоопределения школьников, что отразилось на итоговых результатах эксперимента.

Итоговые результаты педагогического эксперимента представлены в таблице. Увеличение количества школьников с высоким уровнем и снижение количества обучающихся со средним и низким уровнями на оценочном этапе педагогического эксперимента является неопровержимым доказательством того, что для получения стабильного результата, связанного с поддержанием высокого уровня сформированности профессионального самоопределения, необходимо сконструировать информационно-образовательную среду в моногороде и организовать педагогическое сопровождение школьников.

Табл. Распределение школьников по уровням сформированности их профессионального самоопределения, %

Tab. Professional identification in school children: development level, %

Этап эксперимента	Уровень		
	Низкий	Средний	Высокий
Подготовительный	27,6	36,7	35,7
Деятельностный	15,4	33,2	51,4
Оценочный	5,3	22,6	72,1

Заключение

Таким образом, педагогическое сопровождение способствует достижению положительного результата в формировании профессионального самоопределения школьников в информационно-образовательной среде, если учитываются представленные аспекты взаимодействия субъектов образовательных отношений, организаций промышленности и сферы социальных услуг в моногороде. Полученные в ходе экспериментальной работы результаты доказывают, что педагогическое сопровождение формирования профессионального самоопределения школьников в информационно-образовательной среде моногорода – управляемый процесс. Дальнейшего изучения требует проблема педагогического сопровождения формирования профессионального самоопределения школьников с ограниченными возможностями здоровья в информационно-образовательной среде моногорода.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Ненилин С. Н. Формирование профессионального самоопределения обучающихся в муниципальной информационно-образовательной среде. *Вестник Московского университета. Серия 20: Педагогическое образование*. 2023. Т. 21. № 1. С. 68–79. [Nenilin S. N. Formation of students' professional self-determination in the municipal information and educational environment. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 20. Pedagogicheskoe obrazovanie*, 2023, 21(1): 68–79. (In Russ.)] <https://doi.org/10.51314/2073-2635-2023-21-1-68-79>
2. Насрутдинова Б. А., Явбатырова Б. Г., Кормазов А. В. Профессиональная ориентация учащихся как психолого-педагогическая проблема. *Проблемы современного педагогического образования*. 2021. № 70-3. С. 85–88. [Nasrutdinova B. A., Yavbatyrova B. G., Korkmazov A. V. Vocational orientation of students as psychological and pedagogical problem. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniia*, 2021, (70-3): 85–88. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/rbwtrm>
3. Журавлев В. И. Вопросы жизненного самоопределения выпускников средней школы. Ростов н/Д: РГУ, 1972. 199 с. [Zhuravlev V. I. *Life-path identification in high school graduates*. Rostov-on-Don: RSU, 1972, 199. (In Russ.)]
4. Касаткина Н. Э., Пахомова Е. А., Руднева Е. Л. Формирование профессионального самоопределения обучающихся в условиях регионального рынка труда как фактор устойчивой занятости. *Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств*. 2015. № 31. С. 181–188. [Kasatkina N. E., Pakhomova E. A., Rudneva E. L. Formation of students professional self-determination in a regional labor market as a factor of sustainable employment. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, 2015, (31): 181–188. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ujkfnr>
5. Климов Е. А. Психология профессионального самоопределения. 4-е изд., стер. М.: Академия, 2010. 304 с. [Klimov E. A. *Psychology of professional identification*. 4th ed. Moscow: Akademiia, 2010, 304. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qxywqx>
6. Кон И. С. Отношение к труду и выбор профессии. *Психология ранней юности*. М.: Просвещение, 1989. С. 194–205. [Kon I. S. Attitude to work and career choice. *Psychology of early adolescence*. Moscow: Prosveshchenie, 1989, 194–206. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/vxlcuh>
7. Чистякова С. Н. Системная организация педагогического сопровождения профессионального самоопределения обучающихся в условиях социально-экономических перемен. *Казанский педагогический журнал*. 2017. № 1. С. 4–14. [Chistyakova S. N. System organization of pedagogical maintenances professional self-determination of students in conditions social and economic changes. *Kazan Pedagogical Journal*, 2017, (1): 4–14. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/yirkkp>
8. Божович Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте. М.: Просвещение, 1968. 464 с. [Bozhovich L. I. *Personality and its formation in childhood*. Moscow: Prosveshchenie, 1968, 464. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/hajatj>
9. Коротенков Ю. Г. Информационная образовательная среда основной школы. Академия АйТи, 2012. 152 с. [Korotenko Yu. G. *Information and academic environment in primary school*. Akademiia AiTi, 2012, 152. (In Russ.)]
10. Сивоконь Е. Е. Подготовка преподавателей к использованию информационно-образовательной среды в профессиональной деятельности. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Информатизация образования*. 2014. № 1. С. 127–132. [Sivokon E. E. Preparation of teachers to use IOS professional activity. *RUDN Journal of Informatization in Education*, 2014, (1): 127–132. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ruwgep>
11. Магамадов Н. С.-Х. Формирование информационно-технологической компетенции через виртуальное образовательное пространство. *Евразийский научный журнал*. 2017. № 3. С. 114–115. [Magamadov N. S.-Kh. Developing information technology competence through virtual academic space. *Evraziiskii nauchnyi zhurnal*, 2017, (3): 114–115. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yjugcn>
12. Пилипчевская Н. В., Тимофеева Н. Б. Информационно-коммуникационная образовательная среда практики как ресурс формирования и развития профессиональных компетенций бакалавров. *Фундаментальные исследования*. 2014. № 8-3. С. 728–733. [Pilipchevskaya N. V., Timofeeva N. B. Information and communication educational practice environment as a development and formation resource of bachelor's professional competence. *Fundamental research*, 2014, (8-3): 728–733. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sjmnah>
13. Скурихина Ю. А. Информационно-образовательная среда образовательной организации: инновационная педагогическая система. *Синергия Наук*. 2017. № 15. С. 604–613. [Skurikhina Ju. A. Information and educational environment of the educational organization: an innovative pedagogical system. *Synergiia Nauk*, 2017, (15): 604–613. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zhhdyx>
14. Демчук О. В. Инновационная информационно-образовательная среда в современном пространстве вуза. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*. 2016. № 182.

- С. 103–109. [Demchuk O. V. Innovative information learning environment in modern university education. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 2016, (182): 103–109. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/wyggda>
15. Глазова Я. А. Организация работы по педагогическому обеспечению формирования личности в условиях сетевой формы реализации образовательных программ. *Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика*. 2019. Т. 25. № 2. С. 136–140. [Glazova Ya. A. Organization of work on the pedagogic support of the formation of personality in the networked form of the implementation of educational programmes. *Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*, 2019, 25(2): 136–140. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/aucjyw>
16. Лужецкая И. Г., Матина Г. О., Олефир Л. Н., Кузьмин Д. А., Нестерова Т. М. Образовательная практика реализации моделей профильного обучения в условиях сетевого взаимодействия. СПб.: ГБУ ДППО ЦПКС ИМЦ Московского района, 2017. 104 с. [Luzhetskaya I. G., Matina G. O., Olefir L. N., Kuzmin D. A., Nesterova T. M. *Academic practice of implementing models of specialized training in the conditions of network interaction*. St. Petersburg: GBU DPPO CPCS IMC of the Moscow district, 2017, 104. (In Russ.)]
17. Попова Н. А. Образовательный интенсив как новый формат реализации проектного обучения. *Современная высшая школа: инновационный аспект*. 2020. Т. 12. № 1. С. 149–156. [Popova N. A. Educational intensive as a new format of project learning. *Contemporary Higher Education: Innovative Aspects*, 2020, 12(1): 149–156. (In Russ.)] <https://doi.org/10.7442/2071-9620-2020-12-1-149-156>
18. Янькин Д. В. Условия формирования профессионального самоопределения школьников в системе регионального рынка труда. *Сибирский учитель*. 2020. № 3. С. 5–15. [Yankin D. V. Conditions for formation of vocational self-determination of students in the space of labour market. *Sibirskiy uchitel*, 2020, (3): 5–15. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tpaupd>
19. Панькова С. Г. Использование социальных сетей в воспитательном процессе. *Проблемы и перспективы реализации компетентностного подхода к обучению в учреждениях среднего профессионального образования: педагогические чтения*. (Якутск, 25 ноября 2020 г.) Якутск, 2021. С. 58–61. [Pankova S. G. Social networks in education. *Problems and prospects of implementing a competence-based approach to training in institutions of secondary vocational education: Proc. of Pedagogical Readings, Yakutsk, 25 Nov 2020*. Yakutsk, 2021, 58–61. (In Russ.)]
20. Белослудцева Н. В. Педагогическая модель формирования готовности студентов учреждений СПО к профессиональной деятельности в условиях моногорода. *Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал)*. 2017. Т. 8. № 4-1. С. 38–55. [Belosludtseva N. V. Pedagogical model of preparing students of secondary vocational educational institutions for professional activities in single-industry towns. *Sovremennye issledovaniia sotsialnykh problem (elektronnyi nauchnyi zhurnal)*, 2017, 8(4-1): 38–55. (In Russ.)] <https://doi.org/10.12731/2218-7405-2017-4-38-55>
21. Вагайцева Е. С. Факторы, влияющие на формирование гражданской ответственности школьников в условиях информационного общества. *Профессиональное образование в России и за рубежом*. 2017. № 2. С. 98–108. [Vagaytseva E. S. Factors affecting civic consciousness development of schoolchildren in the information society. *Professional Education in Russia and Abroad*, 2017, (2): 98–108. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zcmzaf>
22. Кондаурова И. Г., Игонина Т. Б. Система педагогической деятельности по подготовке студентов вуза к будущей профессиональной деятельности. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2011. № 2. С. 80–84. [Kondaurova I. G., Igonina T. B. System of pedagogical activity for the preparation of high school students to future of professional activities. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2011, (2): 80–84. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nwhbzl>
23. Трайнев В. А., Теплышев В. Ю., Трайнев И. В. Новые информационные коммуникационные технологии в образовании. 2-е изд. М.: Дашков и К°, 2013. 320 с. [Traynev V. A., Teplyshev V. Yu., Traynev I. V. *New information and communication technologies in education*. Moscow: Dashkov i K°, 2013, 320. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tidfyp>

оригинальная статья

Сравнительно-правовой анализ элементов конституционно-правового статуса жителей Донбасса

Аничкин Евгений Сергеевич

Алтайский государственный университет, Россия, Барнаул

<https://orcid.org/0000-0001-5432-8958>

rrd231@rambler.ru

Канакова Анна Евгеньевна

Алтайский государственный университет, Россия, Барнаул

<https://orcid.org/0000-0003-1912-4575>

Поступила 20.03.2023. Принята после рецензирования 09.04.2023. Принята в печать 10.04.2023.

Аннотация: Предмет исследования составляют юридические теоретические конструкции, нормативные правовые акты, касающиеся исследования сущности и содержания элементов конституционно-правового статуса лиц, проживающих на территориях Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики. Цель – выявить общие и особенные черты теоретических и конституционно-правовых основ принципов правового статуса личности, прав, свобод и обязанностей лиц, проживающих на территории Донбасса, посредством сравнительного анализа конституций Украины, Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики и России. Методологическую основу исследования составляют общенаучные методы познания (анализ, синтез) и частно-научные методы познания (ретроспективный, сравнительно-правовой, формально-юридический). Результат исследования заключается в комплексной оценке конституционно-правового статуса лиц, проживающих на территории Донбасса, включая трансформацию содержания принципов правового статуса личности, перечня и наполнения прав, свобод и обязанностей человека и гражданина. Результаты могут быть использованы для дальнейших научных исследований, для преподавания юридических дисциплин и для нормотворческой деятельности по вопросам статуса указанных лиц. Сделан вывод, что конституционно-правовой статус жителей Донбасса за короткий срок подвергся значительным изменениям. Изначально он формировался на основе законодательства Украины, в последующем после образования самостоятельных государств подвергся существенным изменениям, а в дальнейшем дополнительно трансформировался при вхождении самопровозглашенных государств в состав России. Конституирование иных подходов, отличающихся от тех, к которым привыкли жители Донбасса, требует крайне осторожного отношения, поскольку некорректный переход от одной модели правового статуса личности к другой может породить не только непреднамеренное нарушение закона со стороны лиц, испытывающих на себе влияние данных трансформаций, но и отторжение жителями Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики новых правовых реалий.

Ключевые слова: правовой статус, принципы правового статуса, права, свободы, обязанности, Луганская Народная Республика, Донецкая Народная Республика, Донбасс

Цитирование: Аничкин Е. С., Канакова А. Е. Сравнительно-правовой анализ элементов конституционно-правового статуса жителей Донбасса. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2023. Т. 7. № 3. С. 310–323. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-3-310-323>

full article

Constitutional and Legal Status of Donbass Citizens: Comparative Legal Analysis

Evgeniy S. Anichkin

Altai State University, Russia, Barnaul

<https://orcid.org/0000-0001-5432-8958>

rrd231@rambler.ru

Anna E. Kanakova

Altai State University, Russia, Barnaul

<https://orcid.org/0000-0003-1912-4575>

Received 20 Mar 2023. Accepted after peer review 9 Apr 2023. Accepted for publication 10 Apr 2023.

Abstract: The article introduces some legal theories and normative acts behind the constitutional and legal status of people who live in the Donetsk People's Republic and the Lugansk People's Republic. The author conducted a comparative analysis of the theoretical, constitutional, and legal foundations that define the personal legal status, rights, freedoms, and obligations stipulated by the Constitutions of Ukraine, the Donetsk People's Republic, the Luhansk

People's Republic, and the Russian Federation. The research relied on general scientific methods of cognition, i.e., analysis and synthesis, and specific scientific methods, i.e., retrospective, comparative legal, and formal legal analyses. The resulting comprehensive assessment covered the constitutional and legal status of Donbass citizens and highlighted the transformation of their personal legal status, rights, freedoms, and obligations. The results can be used in further scientific research, teaching legal disciplines, and law-making activities connected with the status of Donbass population. Their constitutional and legal status has undergone significant changes in a short period of time. Initially based on the legislation of Ukraine, it was transformed when the self-proclaimed states of Donbass and Lugansk joined the Russian Federation. New approaches, different from the current *legal habits*, have to be introduced with extreme carefulness: if the transition does not run smooth, Donbass and Lugansk citizens may unintentionally violate the law or even reject the new legal realities.

Keywords: legal status, principles of legal status, rights, freedoms, obligations, Lugansk People's Republic, Donetsk People's Republic, Donbass

Citation: Anichkin E. S., Kanakova A. E. Constitutional and Legal Status of Donbass Citizens: Comparative Legal Analysis. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennyye nauki*, 2023, 7(3): 310–323. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-3-310-323>

Введение

Важной характеристикой любого государства является наличие основного правового акта, закрепляющего общие правила организации данного государства, ключевые начала регулирования общественных отношений. Разумеется, конституционная теория содержит уточнения того, какими именно должны быть государство и общество, чтобы можно было говорить о реально существующем конституционном строе в стране. Однако для полноценного функционирования государства, претендующего на статус правового и демократического, недостаточно сформулировать общие правила государственного устройства, распределения власти, установить и обеспечить подчинение праву, предоставить обществу как коллективному субъекту правовые возможности и определить пределы самоорганизации; необходимо четко обозначить положение отдельного индивида в обществе. Отсутствие строго регламентированных правил, позволяющих определить правовой статус конкретного лица, не только создает сложности для осуществления жизнедеятельности обычного человека, но и ставит вопрос о реальности и возможности существования государства, в правовом пространстве которого не присутствует основной субъект права – человек. Следовательно, чтобы дать полноценную и всестороннюю оценку правовой системы государства, необходимо проанализировать нормативные положения, формирующие базу для правового статуса личности.

Несмотря на то что вопрос элементов правового статуса является крайне дискуссионным [1–7], несомненно, первоочередным элементом правового статуса личности, с которого начинается оценивание положения человека в обществе, является гражданство [8, с. 121]. Именно факт наличия гражданства одного или нескольких государств предопределяет использование законодательства соответствующих стран для формирования правового статуса конкретного

лица. Рассматривая вопрос гражданства лиц, проживающих на территории Донецкой Народной Республики (ДНР) и Луганской Народной Республики (ЛНР), можно выявить общую особенность: практически все проживающие на данных территориях лица имели и, вероятно, до сих пор имеют гражданство Украины, при этом фактически не обладая возможностью пользоваться данным статусом из-за позиции Украины по отношению к правам и свободам лиц, проживающих на территории ЛНР и ДНР [9, с. 186; 10, с. 151]. После 2014 г. произошла трансформация правового статуса рассматриваемых лиц в рамках элемента *гражданство*, т. к. подавляющая часть лиц, проживающих на территории ЛНР и ДНР, получила второе или третье гражданство (гражданство ЛНР или ДНР и гражданство России). В большинстве случаев правовой статус жителей Донбасса формировался на основе Конституций ДНР, ЛНР и Конституции РФ. Следовательно, гражданство как элемент правового статуса личности уже обозначило для исследователей вектор проводимой оценки, поэтому представляется более целесообразным в данном исследовании уделить большее внимание иным элементам конституционно-правового статуса лиц, проживающих на территории ЛНР и ДНР: принципам правового статуса личности и правам, свободам, обязанностям человека и гражданина.

Обособленное исследование принципов правового статуса личности и прав, свобод, обязанностей человека и гражданина обусловлено тем, что проживание населения на определенной территории одного государства формирует у людей так называемые правовые привычки, касающиеся обычной жизнедеятельности человека: получение образования и медицинской помощи, осуществление трудовой деятельности и т. п. [11, с. 8]. Смена государственной надстройки может в одночасье поменять правовые положения, но не правовые привычки людей, поэтому особое

внимание требуется уделить именно тому, в какой степени трансформированное законодательство ЛНР и ДНР отступило от ранее существовавшего уклада в сфере возможного и должного поведения индивидов. Провести такую оценку можно путем сопоставления того, как в конституциях Украины, ДНР, ЛНР и России закреплены принципы правового статуса личности и права, свободы и обязанности человека и гражданина.

Методы и материалы

Методологическую основу исследования составляют общенаучные методы познания (анализ, синтез) и частно-научные методы познания (ретроспективный, сравнительно-правовой, формально-юридический), которые способствуют всестороннему и предметному исследованию поставленных вопросов.

Совокупность указанных методов позволяет провести комплексную оценку конституционно-правового статуса лиц, проживающих на территории Донбасса, включая оценку трансформации содержания принципов правового статуса личности, перечня и наполнения прав, свобод и обязанностей человека и гражданина. Применение анализа и синтеза изначально находится в тесной взаимосвязи, т.к. рассмотрение отдельных сторон, свойств, особенностей, проводимое в рамках анализа, не позволяет создать полноценную модель соответствующего правового явления, в то время как установление связей между явлениями, обобщение, происходящее при синтезе, невозможно без изначально проанализированных данных. Наряду с этим использование вышеуказанных методов обуславливает действие особого механизма анализа через синтез, позволяющего включать объект исследования в абсолютно новые связи. При этом посредством анализа осуществляется не механическое разделение принципов правового статуса личности, конституционных прав, свобод и обязанностей на составные части, а воссоздание данных явлений в конкретных условиях, что позволяет обосновать, каким изменениям подверглись элементы правового статуса личности и правовые привычки жителей Донбасса в условиях изменения надгосударственной надстройки.

Несмотря на то что вопросы государственного и общественного устройства на территории Донбасса – это явления, характеризующие современный исторический период, полноценное исследование обозначенных вопросов невозможно без использования ретроспективного метода научного познания. Становление правового статуса личности жителей Донбасса имело несколько периодов, каждый из которых отличался не только собственной нормативной базой, но и соответствующими исследованиями. На сегодня не все проведенные ранее исследования остаются актуальными в силу того, что рассматриваемые и анализируемые тогда акты уже утратили свою юридическую силу, однако подобные

научные материалы помогают понять особенности соответствующего этапа: что было заимствовано или отвергнуто из прошлого периода, а что оказало влияние на новую веху развития изучаемого явления.

Для достижения поставленных задач необходимо применение сравнительно-правового метода. Правовой статус лиц, проживающих на территории ЛНР и ДНР, менялся вслед за сменой государственной надстройки и, как следствие, новой правовой системой. Однако недостаточно изучить данные периоды обособленно и изолированно, необходимо сопоставить их между собой, отследив историческое развитие нормативных правовых актов по необходимому вопросу и оценив данные изменения на предмет их позитивного или негативного влияния на правовую действительность.

Проведение настоящего исследования невозможно без применения формально-юридического метода, т.к. исследование правового статуса личности предполагает изучение правовых категорий, дефиниций, юридических конструкций и приемов законодательной техники.

Результаты

Первый рассматриваемый элемент конституционно-правового статуса личности – это принципы **правового статуса личности**. Учет принципов правового статуса личности обусловлен тем, что в любой юридической конструкции необходимо смысловое ядро, стержень, пронизывающий смежные и построенные на данном явлении правовые положения. Казалось бы, принципы как основополагающие начала, на основании которых происходит использование прав и свобод человека и гражданина, а также выполняются их обязанности [12, с. 23], должны носить статичный характер и не меняться в зависимости от того, конституционно-правовой статус какого конкретного лица подлежит рассмотрению. Разумеется, данное умозаключение является истинным, однако не стоит забывать о том, что, во-первых, в каждом государстве предусматривается собственный перечень принципов правового статуса личности, который не обязательно должен совпадать с подходом иного государства, и, во-вторых, любой принцип находит отражение в субъективных правах и свободах, следовательно, содержание, заложенное в соответствующий принцип, непосредственно влияет на объем и степень реальности возможностей, в дальнейшем реализуемых человеком.

Трансформацию конституционно-правового статуса личности в отношении лиц, проживающих на территории ДНР и ЛНР, следует рассматривать через призму трех разных этапов: этап нахождения в составе Украины, этап самостоятельных государств и этап нахождения в составе Российской Федерации.

Первый принцип правового статуса личности можно сформулировать как **принцип приоритета ценностей**. Несомненно, в правовой сфере существует множество

ценностей, однако невозможно предоставить всем ценностям одинаково важный статус, в любом случае государству необходимо установить общие правила иерархии правовых ценностей.

Одна из особенностей стран постсоветского пространства – переход к системе ценностей, которая противоположна существовавшей во времена СССР: отказ от иерархии ценностей *государство – общество – человек* и утверждение ценностного подхода по принципу *человек – общество – государство* [13]. Следовательно, основная идея данного принципа должна быть схожа в Украине и в России (приоритет прав и свобод человека), но детали закрепления и реализации могут отличаться.

Так, согласно ст. 3 Конституции Украины, «человек, его жизнь и здоровье, честь и достоинство, неприкосновенность и безопасность признаются в Украине наивысшей социальной ценностью»¹. Хотя данная формулировка отражает основную концепцию признания человека высшей ценностью, представленная правовая конструкция вызывает ряд вопросов. Во-первых, нет четкости понимания в вопросе соотношения наивысших ценностей между собой: предусматривает ли последовательность перечисления в ст. 3 аналогичную иерархичность обозначенных ценностей или их приоритетность является ситуативной, когда, например, вопрос безопасности может оказаться важнее, чем жизнь. Во-вторых, нельзя обойти вниманием уточнение о социальном характере ценностей, т. к. отсутствует уточнение по оценке иных видов ценностей (духовных, материальных и т. п.).

Конституция ДНР от 14.05.2014² (далее – Конституция ДНР 2014 г.) и Конституция ЛНР от 18.05.2014³ (далее – Конституция ЛНР 2014 г.) отказались от заимствования формулировки приоритетности ценностей из Конституции Украины, изначально сориентировавшись на ст. 2 Конституции РФ⁴. Так, в ст. 3 Конституций ДНР и ЛНР 2014 г. указано, что человек, а также права и свободы людей являются высшей ценностью. Заимствование устоявшейся в рамках российской правовой модели конструкции не вызывает вопросов, т. к. используемая в РФ формулировка в большей мере соотносится с сутью такой

категории, как принцип, который должен очерчивать основные границы, предоставлять четкое сущностное понимание правового явления, а не порождать необходимость уточнения деталей.

Казалось бы, на этом этапе рассмотрение принципа приоритета человека, его прав и свобод можно было бы завершить, т. к. использование подхода России в вопросе иерархичности ценностей создает самую благоприятную почву для дальнейшего применения этого же установления после вхождения ЛНР и ДНР в состав РФ. Отдельный интерес вызывает ст. 4 Конституций ДНР и ЛНР 2014 г. Данные статьи посвящены социальной политике этих государств, обозначив ее направленность «на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, народное благосостояние, доступность основных материальных, моральных и духовных благ» (или «основных материальных и духовных благ»), согласно Конституции ДНР 2014 г.).

Комплексное рассмотрение ст. 3 и 4 Конституций ДНР и ЛНР 2014 г. обозначает неточности в смысловом соотношении этих положений. В частности, использование в конституционных текстах ЛНР и ДНР разновидностей ценностей подчеркивает преемственность определенных моделей регулирования из Конституции Украины, при этом заставляя задаться вопросом отсутствия конституционного упоминания социальных ценностей, фигурирующих в Конституции Украины и являющихся логичными в контексте вопроса о социальной политике. Вместе с этим используемое в ст. 4 Конституций ДНР и ЛНР 2014 г. уточнение про «народное благосостояние» побуждает поставить вопрос о наличии или отсутствии противоречия между признанием человека, его прав и свобод высшей ценностью и направленностью социальной политики государств не только на благо отдельного человека, но и общества в целом.

Обозначенная ситуация осложняется тем, что Конституция ДНР от 30.12.2022⁵ (далее – Конституция ДНР 2022 г.) и Конституция ЛНР от 30.12.2022⁶ (далее – Конституция ЛНР 2022 г.), принятые ДНР и ЛНР уже как субъектами РФ, воспроизвели аналогичные положения о социальной политике,

¹ Конституция Украины № 254к/96-ВР от 28.06.1996 (принята на пятой сессии Верховной Рады Украины) (с изм. и доп. по состоянию на 03.09.2019). *ИС Параграф «Юрист»*. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30391155&pos=7;-106#pos=7;-106 (дата обращения: 28.03.2023).

² Конституция ДНР. *Правительство Донецкой Народной Республики*. URL: <https://pravdnr.ru/npa/konstitucziya-doneczkoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения: 28.03.2023).

³ Конституция ЛНР. *Народный Совет Луганской Народной Республики*. URL: <https://www.nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/591/> (дата обращения: 28.03.2023).

⁴ Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020). *ИПП Гарант*.

⁵ Конституция ДНР (принята Постановлением Народного Совета 30.12.2022). *Денис Пушилин | официальный сайт*. URL: <https://glavadnr.ru/wp-content/uploads/2022/12/Konstituciya.pdf> (дата обращения: 28.03.2023).

⁶ Конституция ЛНР (принята Народным Советом ЛНР 30.12.2022). *Глава Луганской Народной Республики. Леонид Пасечник*. URL: <https://главлнр.рф/constitution.pdf> (дата обращения: 28.03.2023).

предусматривающие создание условий, обеспечивающих народное благосостояние (ст. 4). Разумеется, ни один только что принятый акт не может обойтись без неточностей и неясностей, однако представляется правильным осуществить проверку соответствия ст. 4 Конституций ДНР и ЛНР 2022 г. и статей 2 и 7 Конституции РФ.

Второй принцип конституционно-правового статуса личности касается **равенства и равноправия**. Категории *равенство* и *равноправие*, несмотря на похожесть формулировок, имеют отличающееся содержание и предоставляют разные возможности. Так, равенство предполагает процедуру уравнивания кого-то (всех) по отношению к чему-то, в то время как равноправие допускает закрепление разного перечня прав и свобод за разными субъектами, но не допускает дискриминацию в случае, когда разным субъектам были предоставлены одинаковые права [14, с. 121]. Использование в актах дословных формулировок (равенство и равноправие) не является обязательным критерием установления той или иной категории, определение учрежденных категорий должно проводиться посредством сущностного анализа конституционных положений.

Так, ст. 21 Конституции Украины закрепила положение о том, что «все люди свободны и равны в своем достоинстве и правах». Такая формулировка свидетельствует об установлении принципа равенства, т. к. происходит уравнивание всех граждан по критерию достоинства и прав. Однако ст. 21 является не единственной, затрагивающей вопрос равенства и равноправия. Положения ст. 24 Конституции Украины содержат более объемные по содержанию сущностные характеристики данных институтов. Во-первых, утверждается равноправие конституционных прав и свобод граждан и равенство граждан перед законом. Во-вторых, устанавливается запрет дискриминации (привилегий или ограничений) «по признакам расы, цвета кожи, политических, религиозных и иных убеждений, пола, этнического и социального происхождения, имущественного положения, места жительства, по языковым или иным признакам». Запрет дискриминации представляет собой негативное проявление принципа равенства, когда установление данного принципа происходит не посредством позитивного правила (что нужно делать, кого к чему уравнивать), а через прописывание запрета на различное отношение к людям, не обусловленное объективными причинами. В-третьих, закрепляется равноправие между мужчиной и женщиной, в рамках которого уже на конституционном уровне проводится уравнивание мужчин и женщин в изначально одинаковых правах и свободах и подтверждается возможность отраслевой дифференциации количества прав и свобод, доступных либо мужчине, либо женщине.

Конституции ДНР и ЛНР 2014 г. и в дальнейшем Конституции ДНР и ЛНР 2022 г. не заимствовали юридические формулировки и конструкции из Конституции Украины, изначально взяв ориентир на Конституцию РФ и дословно воспроизведя положения ст. 19 Конституции РФ. Тем не менее важно отметить, что конституционные положения Украины и России не имеют существенных и существенных различий по вопросу равенства и равноправия. Указанная ст. 19 Конституции РФ аналогично, во-первых, уравнивает всех перед законом, при этом добавляя равенство и перед судом. Во-вторых, устанавливает запрет дискриминации, т. е. иным образом учреждая ту же категорию – равенство. И, в-третьих, аналогично рассматривает мужчин и женщин в контексте не равенства, а равноправия.

Таким образом, можно утверждать, что сам принцип равенства и равноправия не подвергся существенной трансформации. Его суть не менялась в зависимости от того, рассматриваются ли лица, проживающие на территории ДНР и ЛНР, в качестве граждан Украины или России. Дифференциация между данными странами происходит уже на уровне конкретных, субъективных прав и свобод, закрепленных в различных отраслях права, в частности в отношении перечня прав, свобод и обязанностей для мужчин и женщин.

Третий принцип конституционно-правового статуса личности касается вопросов **изъятия и ограничения прав и свобод человека и гражданина**. Дифференциация данного принципа возможна по линии выбранной государством позиции в отношении юридической природы прав и свобод: признание естественных прав и свобод с добавлением к ним позитивных прав и свобод или ориентир исключительно на волю государства и закрепление прав и свобод через позитивные права и свободы. Разумеется, когда речь идет о государстве, претендующем на статус правового, демократического, допустимым является только первый формат регулирования. Поэтому по линии общего закрепления данного принципа расхождения в рамках конституций всех рассматриваемых государств практически нет, однако отличия есть в конкретном способе закрепления и, конечно, в определенных правилах поведения.

Ключевая идея данного принципа сводится к постулатам о невозможности отчуждения основных прав и свобод и о введении ограничений прав и свобод только по определенной процедуре и в предусмотренных случаях. Согласно статьям 21 и 22 Конституции Украины, «права и свободы человека неотчуждаемы и ненарушимы», «конституционные права и свободы гарантируются и не могут быть упразднены», что четко свидетельствует о фактическом закреплении принципа неотчуждаемости прав и свобод. Данный принцип нашел свое развитие в обязанности

доводить до сведения населения (в установленном законом порядке) законы и иные нормативно-правовые акты, определяющие права и обязанности граждан (ст. 57 Конституции Украины), а также в обусловленности содержания и направленности деятельности государства правами, свободами человека и их гарантиями (ст. 3 Конституции Украины).

Большой интерес вызывает иное положение ст. 22 Конституции Украины, устанавливающее, что «при принятии новых законов или внесении изменений в действующие законы не допускается сужение содержания и объема существующих прав и свобод». Данная формулировка может толковаться двояко: с одной стороны, как запрет отчуждения даже части прав и свобод, которые уже когда-то были предоставлены индивиду, с другой – как запрет на введение даже временных ограничений, т.к. любое ограничение – это сужение объема прав и свобод. На первый взгляд, более подходящим по сочетанию формулировок и юридических конструкций является второй вариант. Однако, во-первых, такой вариант идет вразрез с общим пониманием института прав и свобод. В случае запрета на введение ограничений законодатель мог оказаться в ситуации, когда он сам не смог бы, например, внести изменения в Уголовный кодекс данной страны, добавляя новый вид преступления, ибо применение к лицу принудительных мер и наказания аналогично является вариантом ограничения прав и свобод индивида. Во-вторых, анализ иных статей Конституции Украины подтвердил наличие конституционной возможности ограничений прав и свобод личности. Так, ст. 64 устанавливает, что конституционные права и свободы человека не могут быть ограничены, кроме случаев, предусмотренных Конституцией Украины. Указание на подобные ограничения действительно обнаруживаются в различных статьях Конституции Украины, например, ст. 29 предусматривает возможность ареста человека по решению суда, ст. 30 закрепляет ограничения права на неприкосновенность жилища по суду и в рамках неотложных случаев, ст. 34 передает полномочия по ограничению свободы мысли и слова на уровень отдельного закона, конституционно определяя цели такого ограничения. В ст. 64 Конституции Украины устанавливаются особые правила в условиях военного или чрезвычайного положения: ограничения прав и свобод предусматриваются с указанием срока действия этих ограничений; не могут быть ограничены права и свободы, предусмотренные статьями 24, 25, 27, 28, 29, 40, 47, 51, 52, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63.

Следовательно, в рамках Конституции Украины можно вести речь и о принципе неотчуждаемости, и о законных способах ограничения прав и свобод, но не в рамках единого правила для всех прав и свобод, а в условиях наличия прямого указания на возможность подобного ограничения в отношении

конкретного права или конкретной свободы. Образно можно обозначить, что ограничение прав и свобод в Украине происходит не по принципу *разрешено то ограничение прав и свобод, которое не запрещено*, а по принципу *допустимо только то ограничение, которое прямо разрешено*.

Власти ДНР и ЛНР в 2014 г. закрепили общее положение о неотчуждаемости прав и свобод человека, однако, как и в рассмотренных выше случаях, обозначили развитие собственной правовой системы в направлении гармонизации с законодательством РФ, воспроизведя нормативные формулировки правил ограничения прав и свобод человека и гражданина в том же виде, как установлено в ч. 2 ст. 17 Конституции РФ.

Согласно ч. 2 ст. 12 Конституций ДНР и ЛНР 2014 г., «основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения». Развивая данный принцип, ДНР и ЛНР аналогично воспроизвели формулировки, используемые в законодательстве РФ, в частности данный принцип нашел свое продолжение не в абстрактной формулировке *доведение до сведений*, а в обязательности опубликования нормативных правовых актов, затрагивающих права, свободы и обязанности человека и гражданина (ч. 2 ст. 7 Конституций ДНР и ЛНР 2014 г., ч. 3 ст. 15 Конституции РФ), а также в признании прав и свобод непосредственно действующими (ч. 3 ст. 12 Конституций ДНР и ЛНР 2014 г., ст. 18 Конституции РФ).

Несмотря на очевидное заимствование положений из Конституции РФ, в Конституции ДНР и ЛНР 2014 г. были перенесены не все положения в рамках неотчуждаемости прав и свобод, в частности ЛНР и ДНР не закрепили в своих Конституциях дополнительное положение с запретом на издание законов, умаляющих и отменяющих права и свободы человека и гражданина, которое установлено в ч. 2 ст. 55 Конституции РФ. Отсутствие данного положения в Конституциях ЛНР и ДНР, разумеется, не создает иного смыслового содержания принципа неотчуждаемости, но вынуждает дополнительно выявлять соответствующие запреты из сути данного принципа вместо того, чтобы иметь возможность напрямую сослаться на нужное конституционное положение.

Правила и порядок законного ограничения прав и свобод были установлены в новом для ЛНР и ДНР формате, т.к. ими не были аналогично воспроизведены положения из Конституции Украины, а были приняты конституционные положения РФ, а именно правило, согласно которому ограничение прав и свобод производится только законом и «только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц,

обеспечения обороны страны и безопасности государства» (ч. 2 ст. 48 Конституций ДНР и ЛНР 2014 г., ч. 3 ст. 55 Конституции РФ). Возможно, в силу сложной обстановки, вызванной противостоянием Украины с одной стороны и ЛНР и ДНР с другой, Конституции ЛНР и ДНР 2014 г. не заимствовали из Конституции РФ особые правила ограничения прав и свобод в условиях режима чрезвычайной ситуации.

Принятие ЛНР и ДНР в состав России в качестве ее субъектов обусловило отказ от использования представленных формулировок в текстах новых Конституций ЛНР и ДНР 2022 г., потому что ч. 3 ст. 55 Конституции РФ предусматривает возможность ограничения прав и свобод только на основании федерального закона, а не закона субъекта. Дополнительно подчеркивая данные изменения, в Конституциях ЛНР и ДНР 2022 г. прописали указание на то, что законы и другие нормативно-правовые акты данных Республик не могут ограничивать права и свободы человека и гражданина, которые гарантируются Конституцией РФ (ч. 2 ст. 39 Конституций ЛНР и ДНР 2022 г.).

Трансформация конституционно-правового статуса лиц, проживающих на территории ЛНР и ДНР, прошла в рамках данного принципа от подчиняющейся модели к самостоятельности и вновь вернулась к изначальному варианту (подчиненному состоянию), но в отношении другого государства и с отличающимися правилами установления ограничений на федеральном уровне. Несмотря на то что после вхождения ЛНР и ДНР в состав России они фактически лишились права единолично принимать решения об ограничении прав и свобод, порядок и, самое главное, цели ограничений успели прижиться в правовой действительности ЛНР и ДНР, а также в рамках правосознания людей, что обеспечивает более комфортный режим встраивания в правовую реальность России.

Четвертый принцип конституционно-правового статуса личности – **гарантированность прав и свобод человека и гражданина**. Некоторые ученые предлагают рассматривать гарантированность прав и свобод человека и гражданина в качестве отдельного элемента правового статуса личности [15, с. 68; 16, с. 31], однако более правильным представляется отнесение данных положений именно к принципам [17, с. 26], т. к. гарантированность прав и свобод является тем самым основополагающим началом, на базе которого строится все законодательство и без которого невозможно представить себе уточнение конституционных прав и свобод в отраслевом законодательстве. Установление гарантий в отношении прав и свобод является обязательным, потому что отсутствие таковых порождает логичный вопрос о фиктивности таких прав и свобод: обещание возможностей, не обеспеченное механизмами их реализации, нельзя считать реальным.

Рассматривая вопрос гарантированности, необходимо разделять гарантии на общие (обеспечивающие реализацию всех конституционных прав и свобод) и специальные (обеспечивающие реализацию отдельного конституционного права или отдельной конституционной свободы). Именно в рамках такого разделения гарантий обнаруживается особенность конституционного регулирования Украины, являющаяся фактически противоположной той модели, которая применяется в России. Так, Конституция Украины содержит общие гарантии, предусматривая гарантированность судебной защиты прав и свобод (ст. 8), в том числе гарантированность международной защиты (ст. 55). Однако основная часть гарантий в Конституции Украины относится к разряду специальных, потому что в большинстве случаев конституционный текст содержит не привычную для российских правоведов конструкцию *каждый имеет право*, а формулу *каждому гарантируется право*. Например, ст. 30 Конституции Украины предусматривает то, что «каждому гарантируется неприкосновенность жилища», в то время как в ст. 25 Конституции РФ устанавливается само правило, что «жилище неприкосновенно». В ст. 31 Конституции Украины «каждому гарантируется тайна переписки, телефонных переговоров, телеграфной и иной корреспонденции», а в ч. 2 ст. 23 Конституции РФ учреждается: «Каждый имеет право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений». Одновременно с этим подобный переворот происходит в иной сфере: то, что для нас привычно воспринимается как «конституционные гарантии правосудия» (статьи 47–54 Конституции РФ), в конституционных положениях Украины может фиксироваться в качестве «права»: в ч. 1 ст. 48 Конституции РФ прописано: «Каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи», а в ст. 59 Конституции Украины закреплено положение о том, что «каждый имеет право на профессиональную юридическую помощь».

Не ставя целью сравнить подходы по гарантированности каждого права или свободы в контексте их конституционного закрепления в Конституциях Украины и России, важно подчеркнуть общую тенденцию в рамках принципа конституционно-правового статуса лиц, проживающих на территориях ЛНР и ДНР: анализ Конституций ЛНР и ДНР 2014 г. в очередной раз подтвердил, что в качестве основы и образца для создания собственных Конституций ЛНР и ДНР была взята Конституция РФ, т. к. в рамках приведенных выше примеров Конституции ЛНР и ДНР 2014 г. воспроизводили формулировки, применяемые в российской Конституции. Конституции ЛНР и ДНР 2022 г. значительно чаще используют конструкцию *каждому гарантируется право*, однако в данном

случае не стоит оценивать это как разворот в сторону украинского подхода к закреплению гарантий. Это связано с тем, что конституционные положения ЛНР и ДНР базируются на положениях Конституции РФ: логичнее не предоставлять право на мирные собрания, которое уже учреждено на федеральном уровне, а именно гарантировать право на них (ст. 20 Конституций ДНР и ЛНР 2022 г.). Вместе с этим на региональном уровне ЛНР и ДНР возлагают на себя дополнительные (не установленные Конституцией РФ и федеральными законами) гарантии обеспечения прав и свобод человека и гражданина, реализация которых должна производиться за счет финансовых, материальных и прочих средств этих регионов (ст. 43 Конституций ДНР и ЛНР 2022 г.).

Отчасти расхождение между правилами и форматом закрепления гарантий прав и свобод в Украине и России можно объяснить через теоретическую призму. Как было указано ранее, элементный состав правового статуса личности является дискуссионным вопросом, например, в части того, является ли гарантированность отдельным элементом состава или принципом. Следовательно, разные подходы должны иметь в своей основе не только субъективную оценку учебного, но и практическую составляющую. Поэтому представляется верным оценить модель, применяемую в Украине, как ту, в рамках которой гарантированность является отдельным элементом правового статуса личности, в то время как в России установлена модель, где гарантированность воспринимается как принцип правового статуса личности: прямое указание в праве на его гарантированность не является обязательным, т.к., будучи принципом, гарантированность прав и свобод приобретает обязательный характер.

Разумеется, в юридической теории можно встретить и иные принципы правового статуса личности (например, принцип единства прав и обязанностей), однако видится правильным не выносить их в качестве отдельных частей данного исследования, т.к. их анализ сведется к рассмотрению общих теоретических подходов или к техническому сравнению перечней корреспондирующих друг другу прав и обязанностей в Украине, ДНР, ЛНР и России.

Таким образом, ЛНР и ДНР уже в 2014 г. совершили разворот в сторону российской модели правового регулирования положения личности и отношений между человеком и государством, что позволило провести интеграцию ЛНР и ДНР в состав РФ в более упрощенном варианте.

Вторым элементом конституционно-правового статуса личности являются **права, свободы и обязанности человека и гражданина**. Несомненно, рассмотрение института прав, свобод и обязанностей, тем более в сравнительном и историческом аспектах, требует масштабной и глубокой проработки

трансформаций в рамках каждого права и каждой свободы, поэтому для целей данного исследования представляется правильным дать общую оценку конституционных изменений, произошедших в рамках перечня и объема прав, свобод и обязанностей лиц, проживающих на территории ЛНР и ДНР.

Первая особенность прав, свобод и обязанностей человека как элементов правового статуса личности связана с **наименованием главы, посвященной правам, свободам и обязанностям**. Так, в Конституции Украины и Конституции РФ использовали стандартный подход, указав на содержательную составляющую без дополнительных уточнений: «Права, свободы и обязанности человека и гражданина» (раздел II Конституции Украины) и «Права и свободы человека и гражданина» (гл. 2 Конституции РФ). В то время как в Конституциях ЛНР и ДНР 2014 г. акцент был смещен на дополнительную составляющую: «Защита прав и свобод человека и гражданина» (гл. 2). В таком отличии видится важная смысловая нагрузка: перенос внимания с самого факта закрепления прав и свобод на указание, что для них обязательно предусмотрена защита. В условиях сложной политической, правовой и социальной ситуации подобное подчеркивание ценности и важности защиты прав и свобод имеет принципиальное значение.

В качестве второй особенности прав, свобод и обязанностей человека и гражданина выделим **различия в перечне прав, свобод, обязанностей и их конституционных формулировках**. Анализ перечней прав, свобод и обязанностей человека и гражданина в конституциях Украины, ДНР, ЛНР и России позволил сделать вывод, что линию частичного несоответствия можно проводить между Украиной с одной стороны и ДНР, ЛНР и Россией с другой. В частности, Конституция Украины содержит ряд конституционных возможностей и обязанностей, которые не были учтены ДНР и ЛНР в 2014 г. и изначально не получали конституционного закрепления в России.

Например, конституционные положения ДНР и ЛНР 2014 г. (ст. 4), а также России (ст. 7) рассматривают свободное развитие человека как явление, предоставление права на которое является излишним, т.к. оно связано с самой сутью человека как социального существа. Украина же отдельно определила, что «каждый человек имеет право на свободное развитие своей личности, если при этом не нарушаются права и свободы других людей, и имеет обязанности перед обществом, в котором обеспечивается свободное и всестороннее развитие его личности» (ст. 23).

Пример дифференциации перечня прав, свобод и обязанностей коснулся и семейной сферы, т.к. ст. 51 Конституции Украины устанавливает исключительно обязанность родителей содержать детей до их совершеннолетия. В то время как Конституция РФ

(ч. 2 ст. 38) и вместе с ней Конституции ЛНР и ДНР 2014 г. (ч. 2 ст. 31) не уведут данные положения исключительно в плоскость должного поведения, предусматривая, что «забота о детях, их воспитание – равное право и обязанность родителей» (ч. 2 ст. 31 Конституции ЛНР 2014 г. дополнительно возлагает эту обязанность и на органы социальной опеки), тем самым подчеркивая неподчиненный статус родителей в отношении детей.

Отметим, что Конституция Украины содержит ряд статей, которые в принципе не были воспроизведены в Конституциях ЛНР и ДНР 2014 г. Например, ст. 57 Конституции Украины закрепляет, что «каждому гарантируется право знать свои права и обязанности», а ст. 60, что «никто не обязан исполнять явно преступные распоряжения или приказы», «за отдачу и исполнение явно преступного распоряжения или приказа наступает юридическая ответственность». Представляется, что отсутствие данных формулировок в конституционных положениях ЛНР и ДНР 2014 г. не означает отказа от данных гарантий или разрешения совершать преступления, а вызвано нежеланием предоставлять отдельный статус положениям, вытекающим из самой сути иных конституционных норм об обязательности опубликования актов и подчинения им.

Интересным является правовое решение вопроса собственности на землю, установленное в Конституции ЛНР 2014 г. Как известно, земля и другие природные ресурсы всегда являлись и являются для государств важной и требующей особого внимания темой. Государства стараются проводить свою политику с учетом бережного и бережливого отношения к природным ресурсам, не допуская их передачи иностранным субъектам. В таких случаях базовая возможность обладания правом частной собственности на землю предоставляется именно гражданам, при этом допускается дальнейшее расширение этих полномочий на иностранных лиц, но строго в случаях и рамках закона. Украина, ДНР и Россия реализовали именно такой подход, в то время как в ч. 4 ст. 5 Конституции ЛНР 2014 г. указан запрет на продажу земли. При этом отсутствуют какие-либо конституционные уточнения в отношении перечня субъектов, владеющих правом собственности на землю.

Следующее отличие между конституционными положениями Украины и ЛНР, ДНР, России можно обнаружить в рамках права на свободу и личную неприкосновенность. Характеристики данного права в каждом из перечисленных государств соотносимы с международными стандартами, поэтому содержательно не имеют принципиальных противоречий, в то время как уточняющие положения закрепили разный срок, на который человек может быть арестован без решения суда. Согласно ст. 29 Конституции Украины, до судебного решения человек не может быть подвергнут аресту на срок более 72 часов, в то время

как Конституции ДНР и ЛНР 2014 г. (ч. 2 ст. 15) провели синхронизацию по данному вопросу с законодательством РФ (ч. 2 ст. 22), сократив соответствующий срок до 48 часов.

В качестве еще одного отличия в части применяемых формулировок укажем положения, регулирующие моральную и духовную сферу. Так, Конституция Украины (ст. 35) устанавливает, что «каждый имеет право на свободу мировоззрения и вероисповедания», а Конституции ДНР и ЛНР 2014 г. (ст. 21), а также Конституция РФ (ст. 28) вместо свободы мировоззрения отдают предпочтение «свободе совести».

Право на публичные мероприятия аналогично содержит неидентичные формулировки в конституционных положениях Украины и ДНР, ЛНР, России. Согласно ст. 39 Конституции Украины, «граждане имеют право собираться мирно, без оружия и проводить собрания, митинги, шествия и демонстрации», в то время как Конституции ДНР и ЛНР 2014 г. (ст. 24) и Конституция РФ (ст. 31), наряду с правом граждан собираться мирно и без оружия, устанавливают большее количество форм публичных мероприятий, добавляя к вышеуказанному списку пикетирование.

Отличающиеся формулировки обнаруживаются в контексте установлений, касающихся окружающей среды. В ст. 50 Конституции Украины установлено, что «каждый имеет право на безопасную для жизни и здоровья окружающую среду и на возмещение причиненного нарушением этого права вреда». В то время как конституционные положения России (ст. 42), которые в очередной раз были взяты Конституциями ЛНР и ДНР 2014 г. за основу (ст. 35 Конституций ЛНР и ДНР 2014 г.), смещают акцент на иную сферу: «Каждый имеет право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением». Замена категории *безопасная* на *благоприятная* несет изменение содержательного вектора данной категории, т. к. в рамках безопасных характеристик рассматривается негативное проявление, когда подчеркивается важность ненарушения и сохранения имеющегося уровня, в то время как характеристика *благоприятная* предопределяет рассмотрение вопросов окружающей среды через призму позитивного влияния, качества окружающей среды, которое должно обеспечивать устойчивое функционирование соответствующих систем и объектов.

Третья особенность прав, свобод и обязанностей человека заключается не просто в отличающейся формулировке, а в **различающемся наполнении, которое чаще всего обусловлено не юридическими, а иными (политическими, социальными, экономическими) причинами**. Ввиду сложных политических отношений между Украиной и ЛНР, ДНР, а в дальнейшем

и Россией крайне затруднительно говорить о правах, свободах и обязанностях, связанных с наличием и признанием государственной границы. Любое государство рассматривает свободу передвижения в двух аспектах: внутреннем и внешнем. Внутренний аспект касается перемещения человека по территории соответствующего государства, в том числе для выбора места жительства и пребывания, внешний – предоставляет индивиду право покинуть территорию страны, а для граждан еще и гарантируется право беспрепятственного возвращения. В Конституции Украины (ст. 33) и Конституции РФ (ст. 27) установлены оба аспекта свободы передвижения, что объяснимо суверенным статусом данных государств. Несмотря на то что в 2014 г. ЛНР и ДНР объявили о суверенитете, формулировки конституционных текстов данных государств обнажили внутреннее осознание проблемности их суверенного статуса, т. к. Конституции ЛНР и ДНР 2014 г. (ст. 20) установили только внутренней аспект свободы передвижения.

С одной стороны, отсутствие внешнего аспекта свободы передвижения объяснимо самим фактом отсутствия линии разграничения, признанной государственной границей. Вместе с этим в соответствии с Комплексом мер по выполнению Минских соглашений от 12.02.2015⁷ лица, проживающие на территории ДНР и ЛНР, рассматривались мировым сообществом как граждане Украины, что подразумевает действия свободы передвижения в отношении лиц, проживающих в ЛНР и ДНР, на основе положений Конституции Украины. С другой стороны, Украина в нарушение норм международного и национального законодательства ввела для данной категории своих граждан специальный режим перемещения по территории государства, регламентированный Временным порядком въезда на неконтролируемую территорию и выезда с нее граждан Украины и иностранцев (лиц без гражданства) [18, с. 40].

Усугубление ситуации между противостоящими сторонами предопределило принятие Главой ДНР Указа № 42 от 27.02.2017 «О линии соприкосновения»⁸. Согласно данному Указу, линия соприкосновения является государственной границей. Документ был подписан для того, чтобы правоохранительные органы ДНР могли на законных основаниях арестовывать людей, которым запрещен въезд на территорию этого государства. То есть в рамках иных нормативных правовых актов ДНР начала фактическое регулирование внешней свободы передвижения посредством установления ограничения этой

свободы в целях обеспечения безопасности граждан Республики от незаконных действий лиц, которым запрещен въезд на территорию ДНР. При этом в случае изменений на линии фронта государственная граница Республики автоматически будет перенесена.

Другое различие, затронувшее сущностный уровень сопоставляемых категорий, находится в сфере права на объединение. В статьях 36, 37 Конституции Украины предоставляется право на объединение в общественные организации и отдельно уделяется внимание объединению в политические партии. Российская Федерация аналогично предоставила право на объединение (ст. 30), однако особо подчеркнула право на создание профессионального союза для защиты своих интересов. Следовательно, Украина рассматривает право на объединение в контексте распределения власти, в то время как Россия воспринимает его как естественную часть гражданского общества, необходимую для реализации интересов индивида и защиты его прав и свобод. Как было продемонстрировано практически во всех рассмотренных примерах, ДНР и ЛНР восприняли в качестве образца российский подход к регулированию права на объединение.

Различные подходы к экономическому устройству в Украине и России породили отличающееся конституционное регулирование экономических прав и свобод человека. Согласно ст. 13 Конституции Украины, «государство обеспечивает... социальную направленность экономики», что означает учреждение в стране социально ориентированной рыночной экономики. Для обеспечения социальной направленности экономики требуется вмешательство государства, т. к. рыночная система саморегулирования не учитывает социальные потребности общества и не встраивает их в правила функционирования закона спроса и предложения. Следовательно, рассматривая экономические права и свободы граждан Украины нужно учитывать, что их закрепление и функционирование осуществляется в условиях смешанного типа экономики. Именно типом экономической системы обусловлено то, что в профессиональной и трудовой сферах не устанавливается свобода человеческого усмотрения: ст. 42 Конституции Украины закрепляет право каждого на предпринимательскую деятельность, которая не запрещена законом, а ст. 43 учреждает «право на труд, что включает возможность зарабатывать себе на жизнь трудом, который он (человек – прим. наше) свободно избирает или на который свободно соглашается». То есть конституционные установления прямо не прописывают иные способы получения прибыли

⁷ Комплекс мер по выполнению Минских соглашений. *Президент России*. 12.02.2015. URL: <http://kremlin.ru/supplement/4804> (дата обращения: 28.03.2023).

⁸ О линии соприкосновения. Указ Главы ДНР № 42 от 27.02.2017. *Официальный сайт ДНР*. URL: <http://npa.dnronline.su/2017-02-27/ukaz-glavy-donetskoj-narodnoj-respubliki-42-ot-27-02-2017-goda-o-linii-soprikosnoveniya.html> (дата обращения: 28.03.2023).

и дохода, которые человек придумает и разработает, разумеется, с учетом требований закона. Тип экономики, установленный в Украине, предопределяет заинтересованность государства в контроле рыночной сферы для возможности обеспечения ее социальной направленности, что было бы невозможно реализовать в рамках предоставления большей степени свободы в профессиональной и трудовой сферах.

Тип экономического устройства в России является предметом дискуссий [19–24], но представляется правильным учесть как нормативные положения, так и практическую составляющую этого вопроса. Конституцией РФ не закреплено наименование экономической системы, функционирующей в России, однако сформулированы принципы экономического устройства (ст. 8), которые характеризуют рыночное устройство. Разумеется, экономические, политические, социальные реалии вносят собственные коррективы в экономическое устройство, вынуждая Россию на более длительный период задерживаться на переходной стадии – стадии смешанной экономики. В итоге нормативно в России закреплен рыночный тип экономики, в то время как фактически еще продолжается переходный период, когда функционирует смешанная экономика, стремящаяся к построению рыночной системы.

В рамках рыночного экономического устройства Конституция РФ не могла не закрепить свободы, применимые к профессиональной сфере. Статья 34 устанавливает, что «каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности». То есть указанное конституционное положение позволяет человеку самостоятельно определять способ получения дохода, придумывать новые, ранее не существующие продукты, услуги, предприятия, требуя лишь соблюдения существующего законодательства. Наряду с этим ст. 37 Конституции РФ закрепляет две категории в сфере труда: свободу труда и право на труд. В рамках свободы труда человеку вновь предоставляется максимально возможная степень усмотрения, начиная от права выбора, реализовывать ли свои способности в профессиональной сфере, и заканчивая выбором конкретного направления и вида экономической деятельности (трудовой договор, гражданско-правовой договор, инвестиции, творчество и т. д.). Право на труд, закрепленное в России, акцентирует внимание на реализации трудовых способностей в рамках трудового договора.

Следовательно, содержание основополагающих экономических прав и свобод в Украине и в России существенно различается, что отразилось на конституционном устройстве ЛНР и ДНР. Конституции ЛНР и ДНР 2014 г. не закрепили базовых экономических принципов, что является объяснимым с позиции

непростой обстановки в регионе и невозможности обеспечить полноценное экономическое устройство новых государств, но учредили экономические положения в профессиональной и трудовой сферах, вновь заимствовав российский подход к регулированию данной области (статьи 27, 30 Конституций ЛНР и ДНР).

Несомненно, восприятие рыночных основ, произошедшее еще в 2014 г., позволит ЛНР и ДНР в более упрощенном варианте встроиться в экономическую систему России после присоединения к ней в качестве субъектов Федерации, однако необходимо понимать, что для индивидов переход от социально ориентированной экономики к рыночной может пройти достаточно ощутимо. Например, Е. А. Грессевой отмечена необходимость закрепить в Конституции ДНР некоторые положения, которые не были заимствованы из Конституции Украины [25, с. 31], в частности ст. 48 Конституции Украины, устанавливающую, что «каждый имеет право на достаточный жизненный уровень для себя и своей семьи, включающий достаточное питание, одежду, жилище». Данное положение является крайне привлекательным с точки зрения отдельного индивида, однако необходимо понимать, что оно происходит именно из смешанного типа экономического устройства и закрепление указанной формулировки в контексте рыночной системы невозможно, т. к. обуславливает активное государственное вмешательство для обеспечения достаточного жизненного уровня. Рыночное устройство предполагает использование иных конструкций в отношении социальной сферы, как, например, указано в ст. 7 Конституции РФ: «создание условий, обеспечивающих достойную жизнь».

Подводя итог анализа трансформации такого элемента конституционно-правового статуса лиц, проживающих на территории ЛНР и ДНР, как права, свободы и обязанности, можно сделать вывод, что уже в 2014 г. ЛНР и ДНР совершили стремительный разворот в сторону российской правовой системы, отказавшись от формулировок и подходов, реализуемых в Конституции Украины. Причины такого существенного изменения можно усмотреть как в стремлении властей ЛНР, ДНР и населения этих территорий обособиться от Украины по всем доступным направлениям жизнедеятельности и правового регулирования, так и в изначально заложенном понимании необходимости построения системы, которая либо будет функционировать обособленно, но гармонично с системой России, либо будет в дальнейшем встроена в систему России. Необходимость и обоснованность переориентации ЛНР и ДНР в сторону России подтвердилась в контексте того, как в дальнейшем развивались события. Так, 10.06.2015 Украина направила официальное обращение в Совет Европы, в котором уведомила о приостановлении выполнения ряда статей Европейской конвенции по правам

человека на территории ЛНР и ДНР⁹. В частности, заявление касалось статей 5, 6, 8 и 13 Конвенции, гарантирующих права на свободу и личную неприкосновенность, право на справедливое судебное разбирательство, право на уважение частной и семейной жизни, право на эффективное средство правовой защиты. В то время как Украина отказывалась в правовой поддержке и защите лицам, проживающим на территории ЛНР и ДНР, Россия предпринимала дополнительные меры для улучшения и облегчения процесса реализации прав и свобод данных индивидов. Даже незадолго до принятия ЛНР и ДНР в состав России продолжались приниматься акты, влияющие на права и свободы лиц, проживающих на территории ЛНР и ДНР. Например, Указ Президента РФ № 585 от 27.08.2022 «О временных мерах по урегулированию правового положения граждан Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики и Украины в Российской Федерации»¹⁰, в рамках которого уточнялись правила для граждан ДНР, ЛНР и Украины по вопросам их пребывания и трудовой деятельности.

Заключение

Анализ правовых взглядов на трансформацию конституционно-правового статуса человека и гражданина на территории ДНР и ЛНР позволяет сделать ряд выводов.

1. Конституционно-правовой статус личности лиц, проживающих на территории ЛНР и ДНР, подвергся значительным изменениям, т.к. трансформация надгосударственной надстройки отразилась на всех составных элементах конституционно-правового статуса личности: гражданстве, принципах правового статуса личности, правах, свободах и обязанностях человека и гражданина. Изначально конституционно-правовой статус жителей Донбасса основывался на Конституции Украины, затем – на Конституциях ЛНР или ДНР как конституционно независимых государств, а после – на базе Конституции РФ.

2. Несмотря на очевидную смену государственной надстройки, необходимо учитывать, что изменение государственной принадлежности конкретной территории не всегда автоматически решает вопрос гражданства. Следовательно, у разных лиц возможно наличие разного количества гражданств, что оказывает влияние на содержание иных элементов каждого из конституционно-правовых статусов личности.

3. Такой элемент конституционно-правового статуса личности, как гражданство, является

предопределяющим, т.к. именно наличие устойчивой правовой связи между человеком и конкретным государством позволяет данному лицу осуществлять свою жизнедеятельность в рамках заложенных в законодательстве правовых идей и пользоваться возможностями, предоставляемыми и гарантированными государством. Таким образом, гражданство очерчивает внешнюю границу, определяет «форму» правового статуса личности, а принципы правового статуса личности, права, свободы, обязанности человека и гражданина – правовое содержание, выражающееся в вариантах возможного и должного поведения лица.

4. Трансформация принципов правового статуса личности больше коснулась не общих подходов, а специфики их закрепления и регулирования, в то время как в контексте прав, свобод и обязанностей лиц, проживающих на территории ЛНР и ДНР, предстоит столкнуться со значительными изменениями. Несмотря на то что ЛНР и ДНР при создании собственной правовой системы во многом ориентировались на Россию, они все же не отказались полностью от законодательства Украины, особенно в рамках отраслевого регулирования. При этом оценка и сопоставление конституционных положений Украины и России демонстрирует то, что подходы государств к правам, свободам и обязанностям значительно отличаются. Следовательно, сформировавшиеся правовые привычки жителей ЛНР и ДНР подверглись и подвергаются до сих пор значительным изменениям, что требует особенно деликатного отношения к данному вопросу, поскольку значительное расхождение между поведением людей и правовыми нормами может иметь негативные последствия (увеличение числа непреднамеренных нарушений, прямой отказ населения принимать новые правовые положения и подчиняться им и т.п.).

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

⁹ Украина отступает от Европейской конвенции о правах человека. *Совет Европы*. 10.06.2015. URL: https://www.coe.int/ru/web/portal/news-2015/-/asset_publisher/9k8wkRrYhB8C/content/ukraine-derogation-from-european-convention-on-human-rights (дата обращения: 28.03.2023).

¹⁰ О временных мерах по урегулированию правового положения граждан Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики и Украины в Российской Федерации. Указ Президента РФ № 585 от 27.08.2022. *СЗ РФ*. 29.08.2022. № 35. ст. 6071.

Финансирование: Исследование выполнено в рамках гранта РФФ, проект № 23-28-00138 «Системы права признанных республик Донбасса: проблемы переходного состояния и пути достижения самодостаточности».

Funding: The research was supported by the Russian Science Foundation, project No. 22-18-00230: Legal Systems of the Recognized Republics of Donbass: Transition Issues and Self-Sufficiency Prospects.

Литература

1. Демидов А. В. Правовой статус личности: теоретико-правовой аспект. *Новая наука: проблемы и перспективы*: Междунар. науч.-практ. конф. (Стерлитамак, 4 мая 2016 г.) Стерлитамак: АМИ, 2016. Ч. 3. С. 168–169. [Demidov A. V. Personal legal status: theoretical and legal aspect. *New Science: Problems and Prospects*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Sterlitamak, 4 May 2016. Sterlitamak: AMI, 2016, pt. 3, 168–169. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xdwvyb>
2. Стороженко А. А. Правовой статус личности: законный интерес и гарантии. *Вестник студенческого научного общества ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*. 2020. Т. 4. № 12-2. С. 166–169. [Storozhenko A. A. Legal interest as an element of guaranteeing the legal status of an individual. *Vestnik studencheskogo nauchnogo obshchestva GOU VPO "Donetskii natsionalnyi universitet"*, 2020, 4(12-2): 166–169. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/didoxc>
3. Рахматуллин А. Ф. Особенности правового статуса личности в современном обществе. *Юридическая наука и практика: Вестник нижегородской академии МВД России*. 2013. № 23. С. 198–202. [Rahmatullin A. F. Peculiarities of the legal status of an individual in modern society. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2013, (23): 198–202. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/raxbqh>
4. Гаджиакаева А. Я. Правовой статус личности. *Инновации. Наука. Образование*. 2021. № 33. С. 170–181. [Gadziakaeva A. Ya. Personal legal status. *Innovatsii. Nauka. Obrazovanie*, 2021, (33): 170–181. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qtyuut>
5. Самарина Е. С. Категория «правовой статус личности» в теоретико-правовой науке. *Ленинградский юридический журнал*. 2013. № 2. С. 24–30. [Samarina E. S. The category "legal status of the personality" in theoretical and legal science. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal*, 2013, (2): 24–30. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qavblp>
6. Верин А. Ю. К вопросу о структуре правового статуса личности. *Вестник экономики, права и социологии*. 2012. № 2. С. 113–116. [Verin A. Yu. Some aspects of personal legal status structure. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii*, 2012, (2): 113–116. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/stvtyx>
7. Капитонова Е. А. К вопросу о структуре конституционно-правового статуса личности. *Вестник Пензенского государственного университета*. 2019. № 4. С. 9–13. [Kapitonova E. A. Structure of personal constitutional and legal status. *Vestnik Penzenskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, (4): 9–13. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/dbctyp>
8. Курганова А. С. Гражданство как один из основополагающих элементов конституционно-правового статуса личности в Российской Федерации. *Ученые записки*. 2019. № 1. С. 119–122. [Kurganova A. S. Citizenship as one of the main elements of the constitutional and legal status of the individual in the Russian Federation. *Uchenye zapiski*, 2019, (1): 119–122. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zfcubn>
9. Одегова Л. Ю. К вопросу о признании гражданства Донецкой Народной Республики за отдельными категориями лиц. *Вестник Института экономических исследований*. 2018. № 4. С. 184–191. [Odegova L. Yu. Revisiting the issue of recognizing the citizenship of the Donetsk People's Republic for certain categories of persons. *Vestnik of Institute of Economic Research*, 2018, (4): 184–191. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/bvjoqd>
10. Одегова Л. Ю. К вопросу об условиях признания гражданства Донецкой Народной Республики. *Сборник научных работ серии «Право»*. 2019. № 1. С. 143–154. [Odegova L. Yu. The Donetsk People's Republic: conditions of recognition of citizenship. *Sbornik nauchnykh rabot serii "Pravo"*, 2019, (1): 143–154. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qjuvez>
11. Введенская В. В. Признаки государства Донецкая Народная Республика. *Вопросы российского и международного права*. 2018. Т. 8. № 5А. С. 5–16. [Vvedenskaya V. V. The features of the state Donetsk People's Republic. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava*, 2018, 8(5A): 5–16. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uynfad>
12. Бялт В. С., Демидов А. В. Правовой статус личности: теоретико-правовая характеристика. *Ленинградский юридический журнал*. 2018. № 3. С. 19–25. [Byalt V. S., Demidov A. V. Legal status of personality: theoretical and legal characteristic. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal*, 2018, (3): 19–25. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ytevrz>
13. Лихолетова С. В. «Человек, его права и свободы – высшая ценность» как конституционная основа правового статуса личности. *Вестник ЮУрГУ. Серия «Право»*. 2007. № 4. С. 20–21. [Likholetova S. V. People with their rights and freedoms are the highest value: constitutional basis of personal legal status. *Bulletin of the South Ural State University. Series "Law"*, 2007, (4): 20–21. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kxyzuh>

14. Канакова А. Е. Конституционное право Российской Федерации (общая часть). Барнаул: АлтГУ, 2021. 436 с. [Kanakova A. E. *Constitutional law of the Russian Federation: general part*. Barnaul: ASU, 2021, 436. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/btwgoy>
15. Игнатьев А. Ю. Понятие конституционно-правового статуса личности в Российской Федерации. *Правовестник*. 2018. № 1. С. 67–69. [Ignatev A. Yu. Concept of personal constitutional and legal status in the Russian Federation. *Pravovestnik*, 2018, (1): 67–69. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/tjiyxb>
16. Карасев А. Т., Федоров Р. В. К вопросу о гарантиях как составных элементах конституционно-правового статуса личности. *Российский юридический журнал*. 2004. № 2. С. 30–32. [Karasev A. T., Fedorov R. V. Guarantees as constituent elements of personal constitutional and legal status. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*, 2004, (2): 30–32. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/rdemvr>
17. Акимов А. Н., Петрович Д. В. Оптимизация правового статуса личности в современной России. *Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы*. 2008. № 4. С. 25–27. [Akimov A. N., Petrovich D. V. The optimization of the legal status of the individual in modern Russia. *Representative Power – 21st Century: Legislation, Commentary, Problems*, 2008, (4): 25–27. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/kuivwn>
18. Мельников И. Е. Право на свободу передвижения жителей Донецкой Народной Республики. *Право Донецкой Народной Республики*. 2016. № 3. С. 38–43. [Mel'nikov I. E. Freedom of movement of the citizens of the Donetsk People's Republic. *Pravo Donetskoï Narodnoï Respubliki*, 2016, (3): 38–43. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/yuinyp>
19. Бикмаева А. Д. Динамика структуры экономики Российской Федерации: с начала рыночных реформ до современности. *Экономика и управление: научно-практический журнал*. 2023. № 1. С. 14–19. [Bikmaeva A. D. Dynamics of the structure of the economy of the Russian Federation since the beginning of market reforms to the present. *Economics and Management: Scientific and Practical Journal*, 2023, (1): 14–19. (In Russ.)] <https://doi.org/10.34773/EU.2023.1.2>
20. Алиева А. В. Исторический аспект рыночных реформ в экономике Российской Федерации. *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2012. Т. 8. № 24. С. 61–64. [Alieva A. V. Historical aspect of market reforms in economy of the Russian Federation. *National Interests: Priorities and Security*, 2012, 8(24): 61–64. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ozbzn1>
21. Тарасов М. Е., Тарасова-Сивцева О. М. Конституция Российской Федерации о демократических ценностях, рыночной экономике и предпринимательстве. *Академический вестник Якутской государственной сельскохозяйственной академии*. 2021. № 8. С. 45–49. [Tarasov M. E., Tarasova-Sivtseva O. M. The Constitution of the Russian Federation on democratic values, market economy and entrepreneurship. *Akademicheskii vestnik Yakutskoi gosudarstvennoi selskokhoziaistvennoi akademii*, 2021, (8): 45–49. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/wjwxuz>
22. Игнатьева С. В. Теоретико-правовые аспекты взаимодействия государства, права и экономики в условиях рыночных преобразований в Российской Федерации. *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2014. № 2. С. 19–24. [Ignatieva S. V. Theoretical and legal aspects of the interaction between the state, law and economics in terms of market reforms in the Russian Federation. *Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2014, (2): 19–24. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/sgmadf>
23. Татаркин А. И. Теоретико-методологические предпосылки формирования смешанной экономики Российской Федерации. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2016. № 1. С. 39–65. [Tatarkin A. I. Theoretical-methodological preconditions for the formation of mixed economy in the Russian Federation. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2016, (1): 39–65. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15838/esc/2016.1.43.3>
24. Зельднер А. Г. Смешанная экономика на базе механизма ГЧП – основа национальной модели развития России. *Интеллект. Инновации. Инвестиции*. 2017. № 3. С. 4–11. [Zeldner A. G. Mixed economy based on the Public Private Partnership is a foundation for national model of Russia development. *Intellekt. Innovacii. Investicii*, 2017, (3): 4–11. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ynuhih>
25. Гресева Е. А. Особенности конституций переходного периода на примере Конституции Донецкой Народной Республики. *Право Донецкой Народной Республики*. 2016. № 4. С. 27–33. [Greseva E. A. Peculiarities of constitutions of transition period on the Donetsk People's Republic Constitution example. *Pravo Donetskoï Narodnoï Respubliki*, 2016, (4): 27–33. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/zcmwcl>

оригинальная статья

Роль культурно-исторических особенностей и духовно-нравственных ценностей в современном конституционализме

Бабурин Сергей Николаевич

Институт государства и права Российской академии наук, Россия, Москва

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

Scopus Author ID: 57224856284

1357343@mail.ru

Поступила 25.05.2023. Принята после рецензирования 23.06.2023. Принята в печать 23.06.2023.

Аннотация: Рассматривается важность расширения официального перечня традиционных российских духовно-нравственных ценностей, в число первоочередных традиционных духовно-нравственных ценностей предлагается включить веру, святые, свободу, спасение души, покаяние. Раскрывается роль ценностей любви и свободы в православной культурно-исторической традиционной культуре, ключевая характеристика которых – существование в гармоничном единстве. Приводятся примеры конституционной опоры на традиционные ценности в Исламской Республике Иран и Республике Куба. Аргументируется тезис, что закрепление в конституциях тех или иных ценностей и их конституирование является прямым способом реформирования объективной реальности. Поскольку речь идет о закреплении в конституциях духовных приоритетов, то и сам способ реформирования общественных отношений следует полагать нравственным. На примере роли семейных и трудовых ценностей обосновывается влияние традиции на конституционное развитие России. Укрепление традиционных духовно-нравственных ценностей является ныне активной фазой борьбы за сохранение в человеке его духовной сущности. Наличие души есть главная характеристика человека, поэтому исповедуемые Западом киборгизация человеческого общества и упор на искусственный интеллект в противовес человеческому сознанию выступают цивилизационной угрозой миру. Утверждается необходимость в ходе конституционного развития России и ее партнеров по евразийской интеграции решения таких стратегических политико-правовых задач, как синхронизация конституционной реформы; закрепление в национальных конституциях норм интеграционного конституционализма; перевод народного хозяйства на мобилизационный тип развития.

Ключевые слова: конституция, нравственное государство, культурно-исторические особенности, традиция, духовно-нравственные ценности, любовь, свобода, интеграционный конституционализм, национальное самосознание

Цитирование: Бабурин С. Н. Роль культурно-исторических особенностей и духовно-нравственных ценностей в современном конституционализме. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки*. 2023. Т. 7. № 3. С. 324–331. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-3-324-331>

full article

Historic Cultural Features and Spiritual and Moral Values in Modern Constitutionalism

Sergey N. Baburin

Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences, Russia, Moscow

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

Scopus Author ID: 57224856284

1357343@mail.ru

Received 25 May 2023. Accepted after peer review 23 Jun 2023. Accepted for publication 23 Jun 2023.

Abstract: The author believes that the core traditional Russian spiritual and moral values should include faith, relics, freedom, salvation of the soul, and repentance. Love and freedom are the key values of the Orthodox cultural and historic culture. Traditional values are a harmonious unity. In countries like Iran and Cuba, traditional values have a constitutional support. Constitutional legalization allows traditional values to reform the objective reality. Since traditional values enshrine spiritual priorities in the constitution, the way they reform social relations should

be considered moral. Family and labor values are an excellent example of the influence of tradition on the constitutional development in Russia. Constitutionalizing traditional spiritual and moral values is an active phase in the struggle for human spiritual essence, i.e., human soul. The author sees the current cyborgization of human society and the artificial intelligence professed by the West as a threat to human consciousness and global civilization. Russia and its Eurasian partners should synchronize their constitutional development to resolve a number of important political and legal tasks, e.g., to legalize the norms of integrational constitutionalism in national constitutions, to transfer national economies to the mobilization type of development, etc.

Keywords: constitution, moral state, cultural and historical features, tradition, spiritual and moral values, love, freedom, integration constitutionalism, national identity

Citation: Baburin S. N. Historic Cultural Features and Spiritual and Moral Values in Modern Constitutionalism. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2023, 7(3): 324–331. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-3-324-331>

Введение

В настоящей статье продолжается рассмотрение вопроса конституционного развития современных государств через призму культурно-исторического и духовно-нравственного факторов. Конституционное развитие современных государств, происходившее последние два века на основе универсализма, все больше начинает учитывать культурно-исторические особенности каждого народа, архетипы его национального самосознания. Такие архетипы – врожденные универсальные предсознательные психические предрасположенности, компоненты коллективного бессознательного – являются средой формирования традиционных ценностей каждого общества.

Именно традиционные духовно-нравственные ценности лежат в основе правосознания, определяют направления и характер государственного развития, а при многих социальных и даже межгосударственных конфликтах приводят к конкуренции культурных идентичностей. Культурная (цивилизационная) идентичность определяется языком, историей, общей духовной настроенностью (ментальными структурами), способом производства, образом жизни, биосоциальными организациями и религией [1, с. 91]. Отсюда следует важная роль нравственной основы любого политического решения. В связи с этим и возрастает необходимость при оценке конституционного развития современных государств выявлять значение культурно-исторического и духовно-нравственного фактора такого развития.

Культурный смысл традиционных духовно-нравственных ценностей

В настоящее время, когда человечество переживает мировоззренческий цивилизационный кризис, особый смысл обретают защита и укрепление культурных основ общества. Защита традиционных российских

духовно-нравственных ценностей, предусмотренная «Основами государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (далее – Основы)¹, объявлена стратегическим национальным приоритетом в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. Неслучайно либеральному идеологическому концепту противопоставляют в отечественной истории государственного права России ценности совершенно иного порядка: соборность, общинность, симфонию властей [2, с. 464]. Отсюда – роль национальной природы, менталитета, традиций в преемственности, например, моделей правосудия на постсоветском пространстве [3]. В указанных Основах предпринята попытка показать место ценностей в человеческой культуре, дать определение традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Согласно Основам, «традиционные ценности – это нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России. К традиционным ценностям относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России»².

¹ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Указ Президента РФ № 809 от 09.11.2022. *Президент России*. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 17.04.2023).

² Там же.

При определенной претензии Основ на законченность перечня традиционных ценностей этот перечень эклектичен и далеко не полон. Справедливо отмечается, что концепция прав человека неизбежно входит и будет входить в конфликт с автохтонными идеологиями, имеющими собственные, обусловленные традицией и религией представления о свободе и достоинстве человека [4, с. 89]. Более того, в русской цивилизационной культурной традиции открывать этот перечень следует понятием любви. Любовь в Русском (восточно-христианском) мире – не просто духовно-нравственная ценность, она является важнейшей социальной ценностью, «совокупностью совершенства»³, наивысшей и величайшей из христианских добродетелей. Как подчеркивает патриарх Московский и всея Руси Кирилл, любовь – «это совершенно удивительный Божий дар, потому что любовь сама по себе способна соединять людей. <...> ...это одновременно и направление человеческой воли, воли к добру»⁴. Без любви невозможны религия (любовь к Богу), общество (любовь к ближнему), государство (любовь к Родине), семья (любовь супружеская и родительская). Любовь всесильна, она способна быть даже превыше закона и справедливости. Нравственное государство призвано иметь в своем основании любовь.

В числе первоочередных традиционных духовно-нравственных ценностей следует указать также веру, святых, свободу, спасение души, покаяние. Традиционные ценности тем и характерны, что существуют в гармоничном единстве.

Современный Запад отождествил свободу с вседозволенностью, что есть извращение свободы, ее фальсификация. Высокий смысл традиционного понимания свободы иной. Западный богослов Т. Шпидлик аргументированно подчеркивает, что в русском понимании любовь предполагает свободу, не разрушающую рациональную логику и мировой порядок, а превосходящую их, т. к. она богочеловечна [5, с. 367–368]. Чешский кардинал, ссылаясь на идеи Ф. М. Достоевского, отметил, что для русских сокровенная суть человека скрывается в свободе. В русском традиционном понимании свобода безгранична: каждое ущемление свободы ощущается как оскорбление достоинства личности. Человеческая же личность не сводится к природе и способна любить до самопожертвования [5, с. 33–34].

Таким образом, свобода богочеловечна и кенотична, созидательна и преобразовательна, а единство свободы и необходимости является органичным только в традиционной духовно-нравственной культуре. Поэтому личность, живущая в системе традиционных духовно-нравственных координат, стремится к достойной жизни ради спасения своей души. Во имя чести и спасения души человек готов жертвовать жизнью. И наконец, святитель Игнатий Брянчанинов напоминал, что «первая заповедь, данная вочеловечившимся Господом человечеству, есть заповедь о покаянии. ...покаяние должно быть и началом благочестивой жизни, и душою ее... Без покаяния невозможно... пребывать в исповедании Искупителя»⁵. Покаяние – это не только деятельное осознание личностью грехов перед Богом, основанное на вере. Это осмысленное принятие человеком своей миссии на земле, духовное понимание цели и смысла своего земного существования.

Из этого представляется непреходящая важность традиционных духовно-нравственных ценностей многонационального русского народа⁶, пусть в Основах некоторые из них и не упомянуты. Аналогичен подход к духовно-нравственной основе социального развития других народов, опирающихся на культурно-историческую традицию: в основе жизни личности лежат долг, бескорыстие, опора на веру, семейные ценности, забота о своем народе [6, с. 198–204]⁷.

Культурно-исторические особенности конституционализма современных государств

Российский конституционализм ныне основывается на понятии любви, что закреплено в Преамбуле Конституции РФ (любовь к Отечеству), ст. 67.1 (ч. 2: сохранение памяти предков, которые передали русскому народу идеалы, веру в Бога; ч. 3: почитание памяти защитников Отечества; ч. 4: воспитание патриотизма и уважения к старшим), ст. 72 (п. ж. 1 ч. 1: защита института семьи, материнства, отцовства, детства; защита брака – союза мужчины и женщины), ст. 75.1 (социальное партнерство, экономическая, политическая, социальная солидарность).

К сожалению, фактор любви пока отсутствует в главах 1 и 2 Конституции РФ, даже детализация прав и свобод человека и гражданина (статьи 17–62) делается отстраненно индивидуалистически, в присутствии

³ Послание Апостола Павла к Колоссянам. Гл. 3. Стих: 14.

⁴ Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси. О смыслах. М.: МП РПЦ, 2018. С. 196–197.

⁵ Брянчанинов И., святитель. Полное собрание творений. 2-е изд., испр. и доп. М.: Паломник, 2014. Т. 1. С. 508.

⁶ Бабури С. Н. «Россия, как всегда, – и щит, и меч, и знамя!». Славянские народы в битве цивилизаций. *Русский Вестник*. 11.08.2023. URL: <http://www.rv.ru/content.php3?id=14720>

⁷ Достижения – это пример сопротивления. Информационный блок офиса Великого Лидера Исламской революции его светлости аятоллы Сейида Али Хаменеи. 21.02.2017. URL: <https://www.leader.ir/ru/content/17553/VI-Международная-конференция-по-защите-палестинской-интифады> (дата обращения: 17.04.2023).

западной мировоззренческой парадигме ключе, что, конечно, необходимо менять. «Конституция Российской Федерации 1993 года – это Основной закон отечественного постмодерна, эпохи, в которую обществу навязывается чуждая ему матрица существования» [7, с. 5].

Опора в конституционном развитии современных государств на культурно-исторический и духовно-нравственный факторы не только позволяет государствам сохранить свою цивилизационную идентичность, но и придает социальному развитию стабильную поступательность. В качестве образца можно привести Исламскую Республику Иран, которая построила всю свою политическую систему на религиозной традиции Ислама, дав миру пример уже 45-летнего успешного развития теократического государства [8]. Менее заметен, но, на наш взгляд, не менее потрясающ конституционно-мировоззренческий пример Республики Куба, которая в своем культурно-историческом и духовно-нравственном подходе сумела соединить идеологию марксизма-ленинизма, национально-освободительные принципы Хосе Марти и христианскую религиозную традицию – теологию освобождения. Социалистической Кубе удалось в своем конституционном развитии создать стабильное общество и эффективное государство, чего не получилось у Советского Союза.

Именно поэтому опыт формирования кубинских мировоззренческих основ конституционного развития очень поучителен и важен. Для марксизма экономика является базисом общественной жизни, задающим ключевые параметры развитию надстройки – политической, правовой и собственно социальной подсистем общества. Для кубинского социализма, как верно отмечает современный исследователь А. Л. Сергеев, экономика – лишь строительный материал, помогающий достигнуть целей заявленного ментально-культурного строительства нации. Если марксизму свойственен жесткий антирелигиозный пафос, то кубинский социализм исходит из необходимости стратегического союза коммунистов и христиан, основанного на общей фундаментальной системе ценностей [9, с. 128].

Идее диктатуры пролетариата в кубинском социализме изначально противопоставлена власть трудящихся, при этом структурными элементами понятия *трудящиеся*, наравне с рабочим классом, являются крестьянство, интеллигенция, иные социальные прослойки и группы. Кубинский социалистический проект тяготеет к замене пролетариата как движущей силы в осуществлении революции когнитариатом – творческой революционной интеллигенцией, служащей народу и стремящейся решать поставленные перед ним задачи. В политико-правовой доктрине кубинского социализма революция есть

целенаправленный качественный эволюционизм, процесс, растянутый во времени, сущность которого состоит в многолетнем, глубинном, системном и целенаправленном изменении различных сторон социальной реальности.

Если марксизм исходит из принципов коллективизма, классовой солидарности, то в кубинском социализме одно из краеугольных доктринальных положений – развитие человека. Анализируя этико-правовую основу партизанской и революционной борьбы, среди ее принципов можно увидеть императив революционного гуманизма и великодушия победившей революции, императив бескорыстной международной солидарности, императив опоры на духовное единство нации и категорическое отрицание любого террора (индивидуального террора в частности) как метода политической борьбы. Марксистское учение изначально отнеслось к государству и праву как к продуктам и одновременно инструментам классовой эксплуатации, которые с наступлением коммунизма должны отмереть, уступив место общественному самоуправлению. В кубинском социализме имел и имеет место культ государства и права. Кубинский социализм в отличие от марксистской трактовки, делал упор на общесоциальную, а не классовую сущность государства. Именно в государственном суверенитете, укрепляющем завоевания революции, Ф. Кастро видел средство и способ базовой и стратегической социальной трансформации [9, с. 126–127].

На указанных выше принципах построена Конституция Республики Куба 2019 г. Новые институциональные и мировоззренческие решения не должны противопоставляться культурно-исторической традиции, они успешны, когда на такую традицию опираются, когда они пронизаны традиционными духовно-нравственными ценностями.

Духовно-нравственный фактор конституционного развития

Ключевой культурно-исторической особенностью России было и остается имперское самосознание ее населения, когда русский человек, независимо от того, славянин он, тюрк или кавказец, чувствует свою личную ответственность за благополучие всего огромного пространства, на котором осмысляет жизнь своего многонационального народа. Неслучайно государство воспринимается им как большая семья. Отсюда, как подчеркивал еще митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн, «понимание общенародного единства как духовного родства, как величайшей драгоценности, столь характерное для русской истории. Отсюда же – стремление русского человека заменить, где только возможно, бездушные правовые нормы нравственными ценностями, теплом сердечных

человеческих отношений»⁸, приоритет справедливости над законом. Поэтому эффективность деятельности созидającego государства и заключается не в строгой регламентации, а в обеспечении направленности развития общества на основе его собственной правовой активности [10, с. 30].

Русская политическая и правовая традиция, внешне напоминающая патримониализм с его персонификацией верховной власти и восприятием страны и ее населения как собственности правителя, внутренне совершенно противоположна. Даже крепостное право в России сохраняло обязательства крепостников в виде пожизненных выплат престарелым и больным дворовым людям, а первоначальное право свободного выбора крестьянами помещика, у которого работать и жить, ограниченное лишь Юрьевым днем по Судебнику 1497 г. и отмененное Соборным уложением 1649 г., подтверждает патриархальность русского представления о государстве.

Обратимся к анализу аспектов, которые остаются вне зоны внимания, либо лишь подразумеваются, являясь главной задачей законодателя. Мы имеем в виду тот ключевой факт, что закрепление в конституциях тех или иных ценностей, их конституирование, является прямым способом реформирования объективной реальности. Поскольку речь идет о закреплении в конституциях духовных приоритетов, то и сам способ реформирования общественных отношений следует полагать нравственным.

Нет необходимости уходить в глубины философии, исследуя объективную реальность. Даже при религиозном мироощущении человек живет в мире, существующем независимо от него и его сознания, от его позиции и восприятия. При сугубо юридическом анализе конституционализма играет роль особенность архетипов соответствующего народа. Культурно-историческая основа государственного развития просто невозможна без учета духовно-нравственного фактора, определяющего правосознание.

Вполне материальный мир – весь мир вокруг нас – мы реально реформируем публично провозглашаемыми конституционными ценностными принципами. Приведем показательные примеры. В ст. 18 первой советской Конституции РСФСР было провозглашено: «РСФСР признает труд обязанностью всех граждан Республики и провозглашает лозунг: «Не трудящийся, да не ест!»⁹. Лозунг, восходящий к новозаветной заповеди Святого апостола Павла «Кто не хочет

трудиться, тот и не ешь»¹⁰, стал ключевым принципом социализма вплоть до Конституции СССР 1977 г., в которой ст. 14 гласила: «Источником роста общественного богатства, благосостояния народа и каждого советского человека является свободный от эксплуатации труд советских людей. В соответствии с принципом социализма "От каждого – по способностям, каждому – по труду"»¹¹. Главным героем общества стал человек труда, на нем и его интересах строились все социальные отношения.

Повседневную жизнь России изменила Конституция РФ 1993 г., закрепив в ст. 37: «Труд свободен. Каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию. Принудительный труд запрещен»¹². В центре общественных забот оказались закрепленные удовлетворение потребительских интересов индивида, культ его эгоизма. Произошло выхолащивание духовного смысла труда, превращение его в работу как сугубо экономическую цель хозяйствования. Труд в отличие от работы социален. Освобождая человека от труда, его лишают важной части человеческой сущности. Но никакая правовая норма не отменит правоты библейской заповеди.

Лишь после конституционной реформы 2020 г. осуществлялись попытки вернуть в общество социальную роль труда и людей труда, опираясь на закрепленную на высшем правовом уровне норму, что Российская Федерация уважает труд граждан (ст. 75 Конституции РФ), гарантирует защиту человека труда и именно в силу этого рассчитывает на взаимное доверие государства и общества, на социальное партнерство, экономическую, политическую и социальную солидарность (ст. 75.1). В России предпринимается попытка возвращения к пониманию экономики как хозяйства и духовно-нравственной категории [11, с. 162–166].

Приведем другой исключительный значимый для общественных отношений пример. В ст. 38 Конституции РФ конституированы, сделаны конституционно-правовыми важные нравственные принципы человеческой жизни: «Забота о детях, их воспитание – равное право и обязанность родителей» (ч. 2); «Трудоспособные дети, достигшие 18 лет, должны заботиться о нетрудоспособных родителях» (ч. 3). Этими нормами государство попыталось в неолиберальной парадигме избавить себя от забот о семье. Но это цивилизационно порочно, это выхолащивает

⁸ Снычев И., митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский. Самодержавие духа: очерки русского самосознания. 2-е изд. М.: Институт русской цивилизации; Родная страна, 2017. С. 494.

⁹ Конституция (Основной Закон) РСФСР (принята V Всероссийским Съездом Советов от 10.07.1918) (прекратила действие). ИППП Гарант.

¹⁰ 2-е Послание Апостола Павла к Фессалоникийцам. Гл. 3. Стих: 10.

¹¹ Конституция (Основной закон) СССР (принята на внеочередной седьмой сессии ВС СССР девятого созыва 07.10.1977). ИППП Гарант.

¹² Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020). ИППП Гарант.

социальную функцию государства. Ситуация поправлена (но не исправлена полностью) в 2020 г. включением в Конституцию РФ нормы о том, что дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России, что государство создает условия, способствующие всестороннему духовному развитию детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим (ч. 4 ст. 67.1). Российское государство по Конституции обеспечивает приоритет семейного воспитания. Ювенальной юстиции не суждено подмять под себя семьи народов России.

Укрепление традиционных духовно-нравственных ценностей является активной фазой борьбы за сохранение в человеке его духовной сущности. Наличие души есть главная характеристика человека, потому исповедуемые Западом киборгизация человеческого общества и упор на искусственный интеллект в противовес человеческому сознанию выступают цивилизационной угрозой миру. Победа трансгуманистического развития будет концом человечества [12, с. 382–384]. Поэтому так важно конституционно закрепить не только культурно-историческую традицию, но и фундаментальные традиционные духовно-нравственные ценности.

Актуальные задачи конституционного развития современных государств евразийского пространства

Стремительно возрастает роль опоры современных государств на культурно-исторические и духовно-нравственные особенности их конституционного развития. Актуализируется соединение традиции с новейшими социальными и иными технологиями. Если конституционное развитие Европейского союза, например, давно строится на принципе интеграционного конституционализма, когда правовые нормы и институты легализуются в национальных конституциях, то на постсоветском пространстве аналогичный процесс отсутствует, преобладает эгоистическая имитация евразийской интеграции.

Ныне основные задачи конституционного развития России и ее партнеров по евразийской интеграции должны быть обусловлены решением нескольких стратегических политико-правовых задач.

Во-первых, необходима синхронизация конституционных реформ, призванная укрепить во всех государствах Евразийского экономического союза (ЕАЭС) традиционные духовно-нравственные ценности. В РФ такая реформа началась в 2020 г. и еще не завершилась.

Во-вторых, пришло время закрепить в национальных конституциях нормы интеграционного конституционализма, позволяющие переходить к углублению межгосударственной интеграции на надежной правовой основе (см. [13, с. 78–100, 118–185]).

В-третьих, важна согласованность конституционного обеспечения социально-экономического развития всех участвующих в интеграции государств, особенно при переводе народного хозяйства на мобилизационный тип организации. Россия в целях борьбы с европейским неонацизмом и русофобией, с бездуховным Западом, превратившим холодную войну цивилизаций в прямой военный конфликт, переводит свою экономику на мобилизационную модель развития, отсюда прямо вытекает и необходимость перевода экономики ЕАЭС на принципы корпоративного (внутрисоюзного) протекционизма. Формально экономические меры нуждаются в конституционной опоре.

Важно устранить из текстов конституций нигилистические положения, ведущие к космополитическому отрицанию самой возможности независимой суверенности (ч. 2 ст. 13, ч. 4 ст. 15 Конституции РФ); убрать нормы, закрепляющие неолиберальную парадигму развития (прежде всего исправить ст. 2 и ч. 2 ст. 9 Конституции РФ). Аналогичной должна быть направленность конституционных реформ государств, желающих оставаться в культурном и цивилизационном единстве с Россией.

Конечно, важно изначально определиться с соответствием интеграционных процессов национальным интересам каждого участника процесса. Принуждение народов недопустимо. Но и двусмысленность сотрудничества взаимно вредна. Каждому участнику необходимо решить, желает ли он войти в ЕАЭС как славяно-тюркскую конфедерацию суверенных государств при лидирующей роли России, или готов вместе с Российской Федерацией формировать Российский Союз как единое союзное государство. Если не готов ни к первому, ни ко второму, а хотел бы только таможенных льгот и привилегий, то можно найти взаимоприемлемые формы и такого паразитирования, но не надо называть это интеграцией.

Необходимы ревизия уже существующих конституционных норм государств – членов ЕАЭС, переналадка конституционализма с наполнением иным нормативным содержанием.

Изменение акцентов в цели социально-экономического развития ведет к изменению экономической и социальной функций государства: с примитивного повышения уровня благосостояния – на обеспечение гармоничного духовного развития человека в его единстве с природой и на улучшение условий его жизни.

Экономическая функция современных государств постсоветского пространства не может не учитывать необходимость российской реинтеграции. На сегодняшний день разноуровневость интеграции переросла в аморфный процесс многостороннего сотрудничества, когда все равняются по хроному верблюду общего каравана. Это отражается

в пестроте конституционного развития государств даже общего культурно-исторического типа.

В заключение отметим назревшую необходимость конституционно закрепить в полномочиях современного российского государства и в конституционных полномочиях других членов ЕАЭС усиление кооперативного начала общественной жизни. Хотя на современном этапе развития государства нет принципиальной разницы по объектам между различными видами собственности¹³, а может быть, и с учетом этого приоритет частной собственности должен конституционно уступить первенство коллективной и равной долевой собственности граждан.

Заключение

В момент обострения глобального цивилизационного кризиса человечества Российской Федерации удалось через конституционную реформу 2020 г. принять меры по обеспечению своей культурной идентичности и защите своих национальных интересов. Благодаря укреплению на конституционном уровне традиционных духовно-нравственных ценностей многонационального народа России решающее значение получили культурно-исторический и духовно-нравственный факторы конституционного развития государства. Для России, взявшей на себя неформальное лидерство среди народов, исповедующих традиционные духовно-нравственные ценности, эта черта конституционализма стала с 2020 г. ключевой.

Дальнейший прогресс человечества на принципах свободы и справедливости прямо соотносится с успешным соединением цивилизационной модели равной долевой собственности граждан, предложенной В. С. Нерсисянцем, когда идея гражданской собственности характеризуется как главный вывод из всего предшествующего социализма [1, с. 334–339;

14, с. 400–425; 15; 16, с. 72], с традиционными духовно-нравственными ценностями соответствующего общества и гармоничными результатами его культурно-исторического развития.

Российскому обществу, прошедшему через двухвековые испытания секуляризмом и нигилизмом, непросто вернуть традиционным ценностям авторитет и доверие. Потребуется значительные и по настойчивости, и по времени совместные усилия государства и гражданского общества. И такие усилия уже стали формироваться.

Потребуется и согласованные шаги по конституционному развитию государств, участвующих в евразийской интеграции, включающие синхронизацию национальных конституционных реформ и возвращение традиционных экономических укладов, основанных на солидарности и коллективизме.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Благодарности: Статья выполнена на основе доклада автора на VI Всероссийской с международным участием научно-практической конференции «Тенденции развития юридической науки на современном этапе» (Кемерово, 12–13 мая 2023 г.).

Acknowledgment: This study was reported at the VI All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation "Current Trends in the Development of Legal Science", Kemerovo, 12–13 May, 2023.

Литература / References

1. Бабури́н С. Н. Нравственное государство: русский взгляд на ценности конституционализма. М.: Норма, 2023. 536 с. [Baburin S. N. The moral state: Russian view on the values of constitutionalism. Moscow: Norma, 2023, 536. (In Russ.)]
2. Традиционное государство и право, под ред. А. А. Васильева, Ю. А. Зеленина. М.: Юрлитинформ, 2020. 552 с. [*The traditional state and law*, eds. Vasiliev A. A., Zelenin Yu. A. Moscow: Iurlitinform, 2020, 552. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/mdbgur>
3. Гаврилова А. В. Феномен советской модели правосудия и ее преемственности на постсоветском пространстве. *Тенденции развития юридической науки на современном этапе: IV Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. уч.* (Кемерово, 18 октября 2019 г.) М.: Проспект, 2020. С. 81–93. [Gavrilova A. V. The phenomenon of the Soviet model of justice and its continuity in the Post-Soviet space. *Trends in the development of legal science at the present stage: Proc. IV All-Russian Sci.-Prac. Conf. with Intern. Participation*, Kemerovo, 18 Oct 2019. Moscow: Prospekt, 2020, 81–93. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/lnhpmz>
4. Осветимская И. И. Права человека vs. традиционные ценности: причины конфликта. *Правовая теология и государственно-конфессиональные отношения в современной России: Всерос. науч.-практ. конф.*

¹³ Собственность. Авакьян С. А. *Конституционный лексикон: государственно-правовой терминологический словарь*. М.: Юстицинформ, 2015. С. 582.

- «Современная Россия и инерция советского атеизма в государственно-конфессиональных отношениях (к 50-летию Поместного Собора 1971 года)»; Всерос. науч. конф. «Правовая теология в контексте междисциплинарных научных исследований: методология, основные проблемы и направления». (Ростов-на-Дону, 19 мая – 20 октября 2021 г.) М.: РГ-Пресс, 2022. С. 88–96. [Osvetimskaya I. I. Human rights vs. traditional values: basis of conflict. *Legal ideology and State-confessional Relations in Modern Russia: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf. Modern Russia and the Inertia of Soviet Atheism in State-Confessional Relations: the 50th Anniversary of the 1971 Local Council; All-Russian Sci. Conf. Legal Theology in the Context of Interdisciplinary Scientific Research: Methodology, Main Problems, and Directions, Rostov-on-Don, 19 May – 20 Oct 2021. Moscow: RG-Press, 2022, 88–96. (In Russ.)*] <https://www.elibrary.ru/mvgnnq>
5. Шпидлик Т. Русская идея: иное видение человека. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2006. 464 с. [Špidlík T. *The Russian Idea: an alternative vision of a human being*. St. Petersburg: Izd-vo Olega Abyshko, 2006, 464. (In Russ.)]
 6. Баранов А. В. Концепция «Исламского пробуждения» аятоллы Али Хаменеи. *История и историческая память*. 2014. № 9. С. 190–204. [Baranov A. V. The concept of "Islamic awakening" of Ayatollah Ali Khamenei. *Istoriia i istoricheskaia pamiat*, 2014, (9): 190–204. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/saqjjg>
 7. Бабурин С. Н. Действующая Конституция России как основа неразрешимости противоречий современной России. *Человеческий капитал*. 2013. № 11. С. 4–7. [Baburin S. N. Russian Constitution as the basis for the insolubility of contradictions in modern Russia. *Chelovecheskii kapital*, 2013, (11): 4–7. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/rtppxf>
 8. Садеги Нешат А. Конституционный строй Исламской Республики Иран. М.: Садра, 2019. 192 с. [Sadeghi Neshat A. *The Constitutional system of the Islamic Republic of Iran*. Moscow: Sadra, 192. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/zmmvme>
 9. Сергеев А. Л. Политические принципы кубинской доктрины социализма: к истории появления и развития. *Lex Russica*. Т. 74. № 12. 2021. С. 122–133. [Sergeev A. L. Political principles of the Cuban socialism doctrine: towards the history of emergence and development. *Lex Russica*, 2021, 74(12): 122–133. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2021.181.12.122-133>
 10. Тонков Е. Е. Государство созидающее как вектор развития современной России. М.: Юрлитинформ, 2019. 392 с. [Tonkov E. E. *The state of creation as a vector of development of modern Russia*. Moscow: Iurlitinform, 2019, 392. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/vsfcnv>
 11. Компаниец В. В. Нравственные основы экономики, или Осмысление экономики сквозь призму православного мировоззрения. Воронеж: Научная книга, 2021. 576 с. [Kompaniets V. V. *The moral foundations of economics, or Economy from the Orthodox angle*. Voronezh: Nauchnaia kniga, 2021, 576. (In Russ.)]
 12. Багдасарян В. Э. Матрицы общественного сознания. М.: Наше завтра, 2021. 416 с. [Baghdasaryan V. E. *Matrices of public consciousness*. Moscow: Nashe zavtra, 2021, 416. (In Russ.)]
 13. Бабурин С. Н. Интеграционный конституционализм. М.: Норма; ИНФРА-М, 2020. 264 с. [Baburin S. N. *Integration constitutionalism*. Moscow: Norma; INFRA-M, 2020, 264. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/irkrra>
 14. Нерсесянц В. С. Философия права. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма; ИНФРА-М, 2017. 848 с. [Nersesyants V. S. *Philosophy of law*. 2nd ed. Moscow: Norma; INFRA-M, 2017, 848. (In Russ.)]
 15. Лапаева В. В. Социализм как закономерный этап всемирно-исторического процесса: с позиций концепции цивилизма В. С. Нерсесянца. *Вопросы философии*. 2018. № 7. С. 44–56. [Lapaeva V. V. Socialism as a regular stage of the world-historical process: from the standpoint of the concept of civilism of V. Nersesyants. *Voprosy filosofii*, 2018, (7): 44–56. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31857/S004287440000222-9>
 16. Бляхман Б. Я. Гражданское общество: основные критерии формирования и функционирования. Кемерово: Кузбасс, 2005. 552 с. [Blyakhman B. Ya. *Civil society: the main criteria for the formation and functioning*. Kemerovo: Kuzbass, 2005, 552. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qoefdr>

оригинальная статья

Демократическая традиция, выборы и референдум в России: вчера, сегодня, завтра

Ким Юрий Владимирович

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

<https://orcid.org/0000-0001-7389-7670>

Yu_kim@mail.ru

Поступила 07.07.2023. Принята после рецензирования 05.08.2023. Принята в печать 07.08.2023.

Аннотация: Понятия демократии и демократической традиции тесно соприкасаются, но их соотношение ранее специально не рассматривалось. Содержание понятия *демократия* охватывает не только вопросы функционирования политического режима и реализации политических прав граждан. Парадокс заключается в том, что при множестве дефиниций и наблюдаемых моделей демократии нет ее эталона. Также нет универсальных, имеющих общеобязательный характер стандартов «подлинной» демократии. Зачастую демократия соотносится не только с политическими, но и всеми иными правами граждан, состав которых имеет тенденцию к постоянному расширению. В этих условиях многие подходы, используемые для раскрытия постоянно ускользающего смысла демократии, представляются неоперациональными, не способствующими продуктивному исследованию прикладных проблем совершенствования демократического режима правления. В представляемом исследовании конкретизация смысла демократии производится посредством уточнения содержания понятия *демократическая традиция*. Под ней автор подразумевает передаваемые из поколения в поколение подходы к организации социального управления, основанные на началах выборности; представительности органов и лиц, наделяемых публично-властными полномочиями; коллегиальности при обсуждении и принятии значимых для сообщества решений; принципах большинства (мажоритаризм); подотчетности и ответственности выборных органов и лиц перед сообществом. Под соответствующим углом зрения рассмотрены современные проблемы избирательного права, референдумного права. Отмечены характерные тенденции эволюции демократической традиции и возникающие на этом фоне проблемы в контексте вопроса о современном состоянии избирательного права России как ее ведущего компонента: 1. Нестабильность избирательного законодательства и избирательной системы, подверженность частым изменениям и трансформации. 2. Избирательное законодательство объемно и рассредоточено во множестве законодательных актов, содержащих нормы избирательного права. 3. Избирательное законодательство нуждается в основательной систематизации – желательно, в форме кодификации. 4. Для отечественного избирательного законодательства характерна тесная интеграция с законодательством о референдумах, что не вполне оправдано и в доктринальном, и в практическом отношениях.

Ключевые слова: демократия, демократическая традиция, избирательное право, выборы, референдум, общероссийское голосование, избирательные права

Цитирование: Ким Ю. В. Демократическая традиция, выборы и референдум в России: вчера, сегодня, завтра. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2023. Т. 7. № 3. С. 332–341. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-3-332-341>

full article

Democratic Tradition, Elections, and Referendum in Russia: Yesterday, Today, and Tomorrow

Yuriy V. Kim

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

<https://orcid.org/0000-0001-7389-7670>

Yu_kim@mail.ru

Received 7 Jul 2023. Accepted after peer review 5 Aug 2023. Accepted for publication 7 Aug 2023.

Abstract: The concept of democracy borders on that of democratic tradition. However, the degree to which these two concepts overlap still remains an understudied issue. Democracy is an ambiguous and expanding notion that covers much more than political regime and political rights. In fact, democracy is associated with a mechanism for

realizing the totality of human rights. The paradox is that, with its numerous definitions and patterns, democracy has neither ideal model nor universal standards. As a result, most approaches to the ever-elusive meaning of democracy appear inefficient. The present study specified the meaning of democracy by clarifying the content of democratic tradition, i.e., socially-inherited forms of social management that are based on the principles of electability, public representativeness, collegial decision-making, majority, accountability and responsibility of elected representatives to the community, etc. The author applied this approach to the current problems of suffrage and referendum law.

Keywords: democracy, democratic tradition, suffrage, elections, referendum, all-Russian voting, voting rights

Citation: Kim Yu. V. Democratic Tradition, Elections, and Referendum in Russia: Yesterday, Today, and Tomorrow. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2023, 7(3): 332–341. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-3-332-341>

Введение

В текущем 2023 г. Центральная избирательная комиссия (ЦИК) и избирательные комиссии субъектов Российской Федерации широко анонсировали мероприятия, посвященные 30-летию юбилею избирательной системы РФ. Начальные вехи запуска ее в работу увязываются по времени с моментом утверждения первого состава ЦИК для организации и проведения выборов депутатов в Государственную Думу Федерального Собрания (24.09.1993), с конституционным референдумом (12.12.1993).

На самом деле исторический возраст российской избирательной системы существенно старше. С недавнего времени исследования, посвященные истории отечественного избирательного права, некоторым образом активизировались [1–3]. Как показывают государственноведческие (включая историко-правовые) исследования, формирование избирательного права как институционального образования не происходит в отрыве от иных процессов, сопровождающих генезис и эволюцию государства. Категорией, которой традиционно охватываются функционирование избирательного права и избирательной системы, является демократия.

Постановка проблемы

В государственноведении демократия рассматривается в качестве отдельной разновидности государственного (политического) режима, известным образом обеспечивающего участие народа в управлении государством. Ведущими инструментами, посредством которых это достигается, являются выборы и референдумы. Вместе с тем названными институтами содержание понятия *демократия* не исчерпывается. В общественном знании, философии и государственноведении демократия является, пожалуй, одной из наиболее многозначных в смысловом отношении категорий. Соответственно и теоретических представлений о моделях демократии неисчислимо множество. Среди них наиболее популярными являются: традиционно-либеральная, элитарная, экономическая, критическая, социалистическая, системная теории демократии, плюралистическая концепция, концепция партиципации

(соучастия) и др. [4]. Отсюда и другая проблема теоретико-методологического плана – невозможность диагностировать и идентифицировать эталонную модель демократии. Проще говоря, о демократии рассуждают многие, а что такое «подлинная» демократия не знает никто.

При этом наблюдается устойчивая тенденция к расширению круга социальных процессов и явлений, охватываемых понятием демократии. Она имеет всеобщий характер. В современном понимании демократия все больше ассоциируется с такой политико-правовой системой, которая создает наилучшие условия для полнокровного осуществления прав человека, причем не только прав политических. При этом и каталог прав человека со временем неуклонно расширяется. Складывается парадоксальная ситуация: если в недавнем прошлом понятие демократии соотносилось с политическим или государственно-управленческим процессами, механизмом формирования и функционирования органов публичной власти, то ныне в орбиту демократии вовлекается потенциально неограниченный круг явлений и процессов, так или иначе способных влиять на качество жизни людей. Таковы подходы Европейского союза и ООН. Нечто похожее наблюдается и в России. И в этом нет ничего плохого. Ведь разговор касается в конечном счете улучшения условий жизни людей, которых не очень заботит то, как будет именоваться политическая система, сносно решающая эти вопросы.

Так что проблемы, о которых идет речь, имеют главным образом гносеологический характер. Но от уровня их разрешения зависит многое, в том числе в сфере правового обеспечения демократического процесса. С точки зрения формальной логики с понятием демократии складывается тупиковая ситуация: ведь если рассуждения о ней – это разговор «обо всем», то он, стало быть, «ни о чем». Такой подход в познавательном отношении неоперационален. Есть много иных моментов, в силу которых складывающийся вокруг темы демократии дискурс приобретает неоперациональный характер. Например, демократия – это цель или же инструмент развития?

Демократия и ее исходные начала способны обрести зримые очертания, если они станут рассматриваться в качестве устойчивых традиций и институтов, показавших свою эффективность при решении управленческих задач в конкретном социуме (общине, обществе, государстве). Демократия не может быть целью сама по себе. Й. А. Шумпетер прав, когда трактует демократию как «метод, ...определенный тип институционального устройства для достижения законодательных и административных политических решений» [5, с. 637].

Понятие демократической традиции: материалы

В современных интерпретациях демократия не исчерпывается выборным и плебисцитарным началами. Понятие демократии оказывается шире совокупности ее институциональных форм (прямой и представительной), закрепляемых в конституциях, в частности в Конституции РФ (ч. 3 ст. 3). При этом, как бы ни трактовалось понятие демократии, в фокусе внимания остаются непреходящие в историческом преломлении традиции и механизмы, сложившиеся естественно и способствовавшие становлению различных форм человеческой коллективности посредством самоорганизации и самоуправления, формирования баланса интересов и общественного согласия, укоренения управленческих традиций (коллегиальность при принятии решений, выборность публичных органов и должностных лиц, принцип большинства и пр.).

Некоторым образом заузить контекст, складывающийся при освещении проблем избирательного права и избирательной системы, референдумного права, предполагается посредством уточнения смыслового значения термина *демократическая традиция*, также имеющего широкое употребление. С общефилософской точки зрения традиции представляют собой «элементы социального и культурного наследия, передающиеся от поколения к поколению и сохраняющиеся в определенных обществах, классах и социальных группах в течение длительного времени»¹. Помимо прочего, в качестве традиций выступает самостоятельная разновидность социальных норм, несущих в себе целеполагающее и смысловое начало.

Демократическая традиция в самом общем виде может быть определена как зародившиеся одновременно с возникновением человеческого общества, задолго до появления государства, и передаваемые из поколения в поколение подходы к организации социального управления, основанные на началах выборности; представительности органов и лиц, наделенных публично-властными полномочиями; коллегиальности при обсуждении и принятии значимых

для сообщества решений; принципе большинства (мажоритаризм); подотчетности и ответственности выборных органов и лиц перед сообществом.

Первым фундаментальным исследованием, осветившим особенности генезиса демократической традиции в догосударственный и раннегосударственный периоды, является получившее мировую известность сочинение «Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации» (1877 г.) американского историка и этнолога Л. Г. Моргана. В русском переводе оно впервые опубликовано в 1935 г. По Л. Г. Моргану, родовая организация стала «универсальной основой социального строя древнего общества, азиатского, европейского, африканского, американского и австралийского» [5, с. 38]. Ученый подметил: «Строй этих народов был глубоко демократическим, так как принципы, на которых были организованы род, фратрия и племя, были демократическими» [6, с. 40–41].

Наиболее выдающейся чертой древнего общества было наличие совета – органа верховной власти и управления в роде, племени, конфедерации. Первичной и наиболее простой его формой был совет рода – демократическое собрание, в котором каждый взрослый член рода – и мужчина, и женщина – имел право решающего голоса по всем рассматриваемым вопросам: выборы или смещение сахема и вождей, «хранителей веры», прощение или месть за убийство сородича, принятие в род чужих и т. д. [6, с. 44]. Подчеркнем, что описанные формы самоорганизации и самоуправления древнего общества – демократическая традиция – были обнаружены Л. Г. Морганом практически повсеместно. Добавим, что демократическая традиция сопутствует цивилизации на всем протяжении ее развития, имманентна ей, регулярно воспроизводится во все более развитых институциональных формах, и имеет характер универсальной закономерности.

Характер родоплеменных отношений древних славян, описанный в различных литературных источниках (сочинениях древних византийских писателей V–VII вв. Маврикия и Прокопия, Н. М. Карамзина [7], С. М. Соловьева [8], летописях), подтверждает закономерность, установленную Л. Г. Морганом. Здесь демократическая традиция получила воплощение в вечевом строе, выборности старшин родов, вождей, князей [9, с. 14].

Как видим, выборное начало и лежащий в его основе принцип большинства сопутствуют человеческой коллективности во всем многообразии ее проявлений, на всем протяжении ее эволюции. Институционно-нормативное оформление этих начал происходит значительно позднее, с возникновением государства, на относительно высоких этапах развития его механизма,

¹ Традиция. *Философский энциклопедический словарь*. М.: Сов. энцикл., 1983. С. 692.

не одновременно. Момент зарождения избирательного права следует увязывать с появлением соответствующих нормативных установлений, представленных в правовых актах. В историко-правовых литературных источниках имеются упоминания о правовых памятниках Древнего Рима VI в. до н. э., регулирующих проведение народных собраний, законотворческий процесс и порядок выборов магистратов (должностных лиц), ответственность за нарушения порядка проведения выборов, включая подкуп избирателей [1, с. 56–68; 10, с. 93–100].

Периодизация зарубежной истории избирательного права выстраивается в примерном соответствии с хронологическими этапами и эпохами в развитии человечества (Древний мир, Средние века, Новое время, Новейшая история), в рамках которого высвечиваются особенности эволюции демократической традиции в отдельных государствах. Например, в эпоху Древнего мира наивысшего расцвета избирательное право достигло в Древнем Риме и полисах Древней Греции (Афины, Спарта, Ахейя), в эпоху Средних веков заметные достижения в развитии избирательного права зафиксированы в городах-республиках Италии (Венеция, Флоренция).

Появление первых письменных документов, имеющих отношение к формированию выборных учреждений в России, фиксируется в конце XV в. К их числу можно отнести Белозерскую уставную грамоту 1488 г. Ивана III, в которой содержалось указание о создании в уезде выборного органа из 3–4 боярских детей, «которые бы грамоте умели и которые пригожи»; речь шла о наиболее зажиточных и благонадежных людях («добрых людях», приводимых к присяге), при обязательном участии которых наместники и тиуны должны были выполнять судебные функции [2, с. 191–200].

Надо полагать, что именно с рассматриваемого периода времени можно отсчитывать официальную историю избирательного права России и ключевые вехи его развития:

- формирование сословного представительства и выборных учреждений в России в XV–XVII вв.;
- выборное представительство в условиях реформирования государственно-территориального устройства России в XVIII в.;
- развитие земского и городского избирательного законодательства во второй половине XIX – начале XX в.;
- становление конституционной монархии и зарождение парламентаризма в России в начале XX в., устройство и формирование Государственного Совета и Государственной Думы;
- становление и развитие советского избирательного права в период с 1917 по 1993 г.;
- развитие избирательной системы и избирательного права России в постсоветский период [11, с. 91–125].

Результаты

Переходя к вопросу о современном состоянии избирательного права России как ведущего компонента демократической традиции, отметим: несмотря на достаточно продолжительную историю, развитие отечественной избирательной системы нельзя считать динамичным и полнокровным. Она еще надлежащим образом не устоялась. Среди характерных тенденций ее эволюции и возникающих на этом фоне проблем можно выделить следующие.

1. Нестабильность избирательного законодательства и избирательной системы, подверженность частым изменениям и трансформации. Подтверждением являются нескончаемые изменения избирательного законодательства, в частности законодательства о выборах депутатов Государственной Думы РФ. Так, со времени учреждения нижней палаты Федерального Собрания РФ Федеральный закон о выборах депутатов Государственной Думы принимался заново 5 раз (1995, 1999, 2002, 2005, 2014). При этом действующий избирательный закон (№ 20-ФЗ от 22.02.2014 «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ») за истекшее время изменялся уже свыше 31 раза. Одновременно с серьезным изменением подходов к организации выборов периодически пересматривалась избирательная система: выборы в 1993, 1995, 1999, 2003 гг. проводились по смешанной системе, в 2007, 2011 – по пропорциональной системе, в 2016 г. вновь вернулись к смешанной системе. Другой системообразующий ФЗ № 67-ФЗ от 12.06.2002 «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (далее – Закон № 67-ФЗ) подвергался изменениям свыше 130 раз. При этом десять изменений внесены на основе постановлений Конституционного Суда РФ.

В ходе последней по времени масштабной новеллизации избирательного законодательства, проведенной в 2020 г., внесены изменения практически во все федеральные избирательные законы. В частности, предусмотрена возможность отложения голосования при введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации; разрешено изменять схему избирательных округов внутри 10-летнего периода; расширены полномочия комиссий (право определять места голосования; право устанавливать число дней голосования; право нормотворчества, дополняющего избирательные законы); введено дистанционное электронное голосование (см. [12–14]); упразднена обязанность СМИ публиковать поступившие из избирательной комиссии сведения о поступлении и расходовании средств избирательных фондов и др., что специалистами по конституционному праву воспринято весьма неоднозначно ввиду их несогласованности с принципами избирательного права [15; 16].

Неуклонная тенденция сужения избирательных прав наблюдается по другим направлениям. С принятием Федерального закона № 414-ФЗ от 21.12.2021 «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» норма о праве на самовыдвижение кандидатов при выборах глав субъектов РФ перестала быть обязательной (ч. 3 ст. 22), чем законодатели субфедерального уровня незамедлительно воспользовались, упразднив этот институт. Так, на прямых губернаторских выборах 11 сентября 2022 г., проводившихся в 14 субъектах РФ (республиках Бурятия, Карелия, Марий Эл, Удмуртия, Владимирской, Калининградской, Кировской, Новгородской, Рязанской, Саратовской, Свердловской, Тамбовской, Томской и Ярославской областях), самовыдвижение разрешалось только в одном субъекте – Ярославской области².

Упразднен институт отзыва выборных органов публичной власти субъектов РФ, в частности высшего должного лица и депутатов законодательных органов.

Неоднозначно воспринимается специалистами расширяющаяся цифровизация избирательной системы и процедуры выборов, которая таит в себе серьезные риски для их исправного функционирования, в частности возникновение предпосылок для манипуляции с инструментами и программными средствами дистанционного голосования, искажения результатов выборов и др.³ [12–14].

2. Избирательное законодательство объемно и рассредоточено во множестве законодательных актов, содержащих нормы избирательного права. Этим обусловлено наличие в них большого количества взаимно дублирующих нормативных положений. Законам присуща несвойственная для этого уровня правового регулирования детализация, что целесообразнее осуществлять в порядке подзаконного нормотворчества. Правовые предписания, адресованные участникам избирательного процесса (избирательным объединениям, кандидатам, избирательным комиссиям др.), избыточны и отягощены нормоположениями ограничительного, процедурного, делопроизводственного, технического характера и в целом затрудняют осуществление субъективных избирательных прав.

3. Избирательное законодательство нуждается в основательной систематизации – желательно, в форме кодификации. Проблема кодификации избирательного законодательства обсуждается с начала 1990-х гг. Разработка проекта Избирательного кодекса РФ неоднократно инициировалась ЦИК России (2004, 2007), но безрезультатно. Дважды разработанные законопроекты вносились в Государственную

Думу (2010, 2023). В начале 2023 г. депутатами Г. А. Зюгановым, И. И. Мельниковым, Ю. В. Афониним, Н. В. Коломейцевым и другими был внесен очередной проект Избирательного кодекса РФ и включен в примерную программу законопроектной работы для рассмотрения на весенней сессии в мае 2023 г. Но в апреле 2023 г. он возвращен его инициаторам для устранения отступлений от требований Конституции РФ (ч. 3 ст. 104) и Регламента Государственной Думы (ст. 105).

Между тем на уровне субъектов РФ процесс кодификации избирательного законодательства протекает более динамично. На сегодняшний день избирательные кодексы приняты более чем в 16 субъектах РФ: Владимирской области (2003), Приморском крае (2003), Свердловской области (2003), Тверской области (2003), Тюменской области (2003), Хабаровском крае (2003), Белгородской области (2005), г. Москва (2005), Республике Татарстан (2007) и др.

4. Для отечественного избирательного законодательства характерна тесная интеграция с законодательством о референдумах, что не вполне оправдано и в доктринальном, и в практическом отношениях. Институт выборов, равно как и институт референдума, при близости исходных начал имеют разные цели, задачи, процедуры и действия. Как итог, неоправданно усложняется законодательство, недифференцированно регламентируются разные государственно-правовые мероприятия.

Специалисты-правоведы по преимуществу критично относятся к тенденции унификации законодательства о выборах и референдумах. Симптоматично, что избирательные кодексы большинства субъектов РФ не включают регламентацию референдумов (Воронежская область, Костромская область, г. Москва, Приморский край, Псковская область, Свердловская область, Республика Татарстан, Тверская область, Тюменская область, Хабаровский край). Исключение составляют Белгородская и Владимирская области.

Вслед за выборами наиболее распространенной формой непосредственного народовластия является референдум, который также охватывается термином *демократическая традиция*. В России референдумы не получили широкого распространения: для их проведения отсутствуют благоприятные правовые условия. Возможность выдвинуть инициативу проведения референдума в соответствии с Федеральным конституционным законом № 5-ФКЗ от 28.06.2004 «О референдуме РФ» (Закон № 5-ФКЗ) крайне ограничена. Речь идет не только о громоздкости процедуры выдвижения и реализации инициативы проведения референдума.

² Прах А. Самовыдвиженцы уходят в прошлое. *Коммерсантъ*. 27.05.2022. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5369438> (дата обращения: 23.06.2023).

³ Честное онлайн-голосование: миф или реальность? *Хабр*. 28.05.2021. URL: https://habr.com/ru/companies/web3_tech/articles/559358/ (дата обращения: 23.06.2023).

По Закону № 5-ФКЗ на референдум могут выноситься вопросы, отнесенные Конституцией РФ к ведению Российской Федерации, а также к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов (ч. 4 ст. 6). Однако среди вопросов, которые не могут выноситься на референдум, названы такие, которые отнесены Конституцией РФ и федеральными конституционными законами к исключительной компетенции федеральных органов государственной власти (п. 10 ч. 5 ст. 6). Эта норма, введенная в 2008 г. и создающая непреодолимые барьеры для корректной формулировки, вызвала серьезный резонанс и критические оценки в профессиональном сообществе [17–19]. Так что институт референдума в РФ, во всяком случае на федеральном уровне, прилюдно «умерщвлен».

Последний общероссийский референдум проводился 30 лет назад – 12 декабря 1993 г., когда принималась Конституция РФ, причем на иной правовой основе. Весьма специфична правовая природа общероссийского голосования, проведенного в 2020 г. в связи с внесением поправок к Конституции РФ. Это референдум или же плебисцит? Кстати говоря, вопрос об отличительных признаках этих форм народного голосования поныне остается открытым. Высказано множество мнений, критический обзор которых представлен в публикациях по конституционному праву [20; 21]. В одном случае эти институты отождествляются, в другом – разграничиваются по форме, предмету, целям, правовому результату. Спектр выраженных мнений на этот счет настолько широк, что вряд ли можно предложить нечто принципиально новое. Ведь и мировая практика законодательного регулирования в этой области чрезвычайно разнообразна. И все же, когда исчерпаны и уже многократно повторены доводы, стоит иногда обращаться к семантике, к выявлению исходного значения терминов и категорий, что бесполезно и в правовых изысканиях. Слово *плебисцит* (лат. *plebiscitum*) означает «решение народа»⁴. В свою очередь лексема *референдум* (лат. *referendum*) переводится буквально как «то, что должно быть сообщено»⁵. Как известно, по характеру выносимого решения народные голосования бывают консультативные (способствующие выявлению мнения участников, которое учитывается либо не учитывается при принятии значимых решений государственного, местного значения) и императивные (когда решение по поставленным на голосование вопросам принимается непосредственно и окончательно). С этимологической

точки зрения термин *референдум* больше подходит к народному голосованию консультативному, тогда как термин *плебисцит* – к голосованию императивному.

Между тем по Конституции РФ высшим непосредственным выражением власти народа, наряду со свободными выборами, является референдум (ч. 3 ст. 3). По смыслу Закона № 5-ФКЗ всенародное голосование граждан России имеет императивный характер. Аналогичное юридическое значение придается и общероссийскому голосованию. Согласно ч. 5 ст. 3 Закона РФ о поправке к Конституции РФ № 1-ФКЗ от 14.03.2020 «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» (далее – Закон № 1-ФКЗ), изменения в Конституцию РФ, предусмотренные ст. 1 данного Закона, считаются одобренными, если за них проголосовало более половины граждан РФ – участников в общероссийском голосовании. Если за эти изменения проголосовало менее половины граждан РФ, которые участвовали в общероссийском голосовании, такие изменения не считаются одобренными и ст. 1 Закона № 1-ФКЗ не вступает в силу.

С государственно-правовой точки зрения общероссийское голосование есть не что иное, как референдум Российской Федерации, но по принятию поправок к Конституции РФ. Отвечая на вопрос о том, какова его правовая природа, полагаем правомерным относить его к квазиконституционным феноменам. Голосование проводилось на конституционной основе с приданием этому мероприятию качеств легальности и легитимности, но при этом были допущены существенные юридические погрешности.

Согласно процедуре принятия и введения в действие Закона № 1-ФКЗ, он подлежал направлению в Конституционный Суд РФ для проверки на предмет соответствия (несоответствия) положениям глав 1, 2 и 9 Конституции РФ. Конституционный Суд РФ не усмотрел каких-либо отступлений от требований в части, затрагивающей организацию и проведение общероссийского голосования. Согласно ЗаклЮчению Конституционного Суда РФ № 1-3 от 16.03.2020, конституционный законодатель, руководствуясь принципом народовластия, в целях конституционной легитимации своего решения был вправе обратиться к общероссийскому голосованию, прямо не предусмотренному действующим правовым регулированием для принятия конституционной поправки⁶. Выводы Венецианской комиссии (март 2021 г.) расходятся

⁴ Плебисцит. Егорова Т. В. *Словарь иностранных слов современного русского языка*. М.: Аделант, 2014. С. 513.

⁵ Референдум. Там же. С. 579.

⁶ О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции РФ не вступивших в силу положений Закона РФ о поправке к Конституции РФ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции РФ порядка вступления в силу ст. 1 данного Закона в связи с запросом Президента РФ. ЗаклЮчение КС РФ № 1-3 от 16.03.2020. СЗ РФ. 2020. № 12. Ст. 1855.

с правовой позицией Конституционного Суда РФ и представляются более весомыми⁷. Среди существенных отклонений, на которые обратила внимание комиссия, отмечены следующие:

1. Поспешность, проявленная при организации общероссийского голосования (примерно 3 месяца), неуместна при столь масштабных изменениях основного закона, хотя сама по себе она не может считаться незаконной. Использованная процедура не предоставила представителям гражданского общества возможности сформулировать и выразить значимым образом свои возражения против поправок к Конституции.

2. В соответствии со ст. 136 Конституции РФ получение Заключения Конституционного Суда не требовалось. Тем более что на тот момент Конституционный Суд не располагал надлежащей компетенцией. Поправки об этом в Конституцию РФ, Федеральный конституционный закон № 1-ФКЗ от 21.07.1994 «О Конституционном Суде Российской Федерации» были внесены позднее. Причем Заключение нового типа составлялось Конституционным Судом по запросу в сжатые сроки, вне устоявшихся процедур подготовки и проведения судебных заседаний по аналогичным делам, что могло негативно сказаться на качестве оценки столь широкомасштабных изменений Конституции РФ.

3. Общероссийское голосование отличается более слабой продуманностью и детализацией правил в сравнении с референдумом, что привело к значительному сокращению процедурных гарантий, ориентированных на повышение легитимности результатов голосования.

4. Закон о поправке по форме содержит отступления от ч. 2 ст. 3 Федерального закона № 33-ФЗ от 04.03.1998, позволяющей внесение нескольких изменений одним законом Российской Федерации о поправке к Конституции РФ (при условии, что они взаимосвязаны). Для сведения: поправками затронуты 6 глав Конституции РФ (с 3 по 8 включительно); общее количество поправок превысило 110, в том числе новые статьи, части и пункты статей, включая редакционные изменения прочих нормоположений, по большей части никак взаимно не связанных.

Венецианской комиссией не замечены иные существенные отступления от требований Конституции РФ.

Институт общероссийского голосования имеет внеконституционный характер и выступает альтернативой референдуму Российской Федерации, который, как уже отмечалось, является формой высшего непосредственного выражения власти

народа (ч. 3 ст. 3 Конституции РФ). Он был введен (учрежден) распоряжением Президента РФ № 32-рп от 14.02.2020 «Об обеспечении участия граждан Российской Федерации в решении вопросов о внесении изменений в Конституцию РФ».

Можно ли рассматривать данный акт в качестве надлежащего правового акта в неэкстремальной ситуации: а) учреждающего дополнительный по отношению к конституционно установленному институт непосредственной демократии; б) обязывающего государственные органы к выполнению соответствующих организационных мероприятий в условиях, когда такое не предусмотрено ни конституцией, ни текущим законодательством?

Несмотря на то что в конституционном законодательстве отсутствует подробная регламентация поводов и оснований для издания Президентом РФ указов и распоряжений, сложилось обыкновение, когда указы имеют нормативную силу и посредством их издания глава государства реализует свои конституционные полномочия. Распоряжения обычно издаются для решения вопросов организационно-оперативного или локального значения.

Несомненно, рассматриваемые решения нуждались в законодательном оформлении. Президент РФ имеет полномочия по восполнению пробелов в правовом регулировании вопросов, требующих законодательного решения, что допускается, как признал Конституционный Суд РФ, на основе указов, которые не должны противоречить Конституции РФ и федеральным законам⁸.

Кроме того, вряд ли можно считать правомерным возложение на ЦИК России (п. 1 ч. 15 ст. 2 Закона № 1-ФКЗ) полномочий по утверждению порядка общероссийского голосования. Если рассматривать эту ситуацию по аналогии с Законом № 5-ФКЗ, то здесь исходную нормативно-правовую основу референдума составляют общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры РФ, данный Федеральный конституционный закон, другие федеральные конституционные законы, Закон № 67-ФЗ, другие федеральные законы (ч. 1 ст. 3). ЦИК России может принимать нормативные правовые акты, имеющие отношение к порядку проведения референдума, но в пределах тех полномочий, которые установлены указанным Федеральным конституционным законом и избирательным законодательством (ч. 2 ст. 3). Нормативные акты ЦИК России принимаются в целях единообразного

⁷ On constitutional amendments and the procedure for their adoption. Interim opinion No. 992/2020 dated 23 Mar 2021. Adopted by the Venice Commission at its 126th Plenary Session (online, 19–20 March 2021). *Venice Commission: Council of Europe*. URL: [https://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD\(2021\)005-e](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD(2021)005-e) (accessed 23 Jun 2023).

⁸ По делу о проверке конституционности п. 2 Указа Президента РФ от 3 октября 1994 г. № 1969 «О мерах по укреплению единой системы исполнительной власти в РФ» и п. 2.3 Положения о главе администрации края, области, города федерального значения, автономной области, автономного округа, утвержденного названным Указом. Постановление КС РФ № 11-П от 30.04.1996. *Вестник КС РФ*. 1996. № 3.

применения настоящего Федерального конституционного закона, федеральных законов при подготовке и проведении референдума (ч. 3 ст. 3). В порядке уяснения возникающей смысловой неопределенности относительно пределов нормотворческой компетенции ЦИК России обратимся к тексту Закона № 67-ФЗ. В сфере избирательного права этот орган компетентен издавать инструкции по вопросам единообразного применения данного Закона, обязательные для исполнения (п. 13 ст. 21).

В отсутствие конституционных и иных законодательных нормоположений о государственно-правовом статусе института общероссийского голосования и базовых правоустанавливающих норм первичного уровня ЦИК России не правомочен был устанавливать порядок проведения голосования, а соответствующий нормативный правовой акт⁹ подлежал признанию юридически ничтожным с момента его принятия. Здесь следует поддержать позицию тех авторов, которые возражали против расширительной интерпретации правотворческих полномочий ЦИК России, т. к. это противоречит Конституции РФ, допускающей решение всех вопросов референдума не иначе как законами [18].

Апеллирование к мнению народа при принятии решений государственной значимости находится в русле прогрессивных демократических традиций, но только при том, что соблюдены приемлемые условия для надлежащего и осмысленного участия граждан в процедуре референдума, с отчетливым пониманием общественной значимости принимаемого решения. Незадолго до проведения общероссийского голосования были проведены социологические исследования относительно того, насколько россияне знакомы с содержанием Конституции РФ. Одно из них проводил ВЦИОМ (декабрь 2018 г.)¹⁰. Другое – «Левада-Центр»¹¹ (февраль 2020 г.)¹². Несмотря на расхождение конкретных количественных показателей, основные параметры примерно совпадают. Согласно данным ВЦИОМ, информированными себя считают 69 % опрошенных, тогда как знакомы с текстом Конституции РФ 59 % респондентов «Левада-Центра». Удручает тот факт, что количество лиц, заявивших о хорошем знании Конституции РФ, незначительно – всего лишь 6 и 8 % соответственно. Закономерен вопрос: в чем смысл общероссийского голосования?

Заключение

Безусловно, охарактеризованные проблемы избирательного права и интегрированного в него референдумного права нуждаются в деятельном осмыслении и энергичном разрешении. Направления совершенствования законодательства о референдуме очевидны. Требуется корректировка нормативных положений, создающих избыточные ограничения для осуществления гражданами права на инициирование референдума и реального участия во всенародном голосовании.

Назревает тема коренного реформирования избирательного права и уточнения направлений его эволюции в обозримой перспективе. Информационные поводы и сигналы для этого более чем достаточны. Они проистекают не только от осознания того, что действующие модели избирательных систем (не только России) обнаруживают глубочайшие внутренние противоречия и нередко демонстрируют исчерпанность своего демократического потенциала.

Направление преобразовательного процесса обозначено в документах стратегического планирования. Речь идет о многократно высказывавшихся суждениях Президента Российской Федерации В. В. Путина о желательном идеологическом и политическом векторах дальнейшего развития российского государства и общества в русле российского консерватизма с опорой на патриотизм, общую историческую память, духовные, культурные и государственные традиции¹³. Послания Президента РФ являются, как известно, документами стратегического планирования. Следовательно, имеют место не сентенции рекомендательного характера, а директивные положения, требующие надлежащего осмысления и системной реализации, в том числе и при уточнении направлений реформирования избирательного права. В публичных выступлениях на эту тему В. В. Путин часто приводил мысли таких выдающихся представителей консервативного крыла российской философской и государствоведческой мысли, как Н. Н. Алексеев, Н. А. Бердяев, И. А. Ильин. Обратим особое внимание на аксиоматическое суждение И. А. Ильина, которое является опорным для понимания исконного смысла и сущности выборов: «Государственная власть всегда должна осуществляться *лучшими* людьми, удовлетворяющими этическому и политическому цензу» [22, с. 137–138].

⁹ О Порядке общероссийского голосования по вопросу одобрения изменений в Конституцию Российской Федерации. Постановление ЦИК России № 244/1804-7 от 20.03.2020. *Вестник ЦИК России*. 2020. № 3.

¹⁰ Конституция РФ: наши права и свободы. ВЦИОМ. *Новости*. 04.12.2018. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor-konstitucziya-nashi-prava-i-svobody> (дата обращения: 23.06.2023).

¹¹ АНО «Левада-Центр» внесена Минюстом в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента. "Levada Center" is included by the Ministry of Justice in the register of non-profit organizations performing the functions of a foreign agent.

¹² Общественное мнение – 2020. М.: Левада-Центр, 2021. С. 97. Табл. 11.1.

¹³ Какую Россию мы строим. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 08.07.2000. *Российская газета*. 2000. № 133; Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 26.04.2007. *Российская газета*. 2007. № 90.

Парадоксально, но ни одна из современных избирательных систем в мире не выполняет функцию положительной селекции носителей публичной власти и политической элиты. Если положительный отбор системой не программируется, то будет срабатывать обратный и пока что непреодолимый закон отрицательной селекции руководителей. Действие этой закономерности мы наблюдаем повсеместно и повседневно.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Веденеев Ю. А., Зайцев И. В., Кораблин В. Е., Луговой В. В., Тылкин В. В. Очерки по истории выборов и избирательного права. Калуга: Символ, 2002. 692 с. [Vedeneev Ju. A., Zaytsev I. V., Korablin V. E., Lugovoy V. V., Tytkin V. V. *The lectures on history of elections and suffrage*. Kaluga: Simvol, 2002, 692. (In Russ.)]
2. Российское законодательство X–XX веков. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства, отв. ред. А.Д. Горский. М.: Юрид. лит., 1985. 520 с. [*Russian legislation of the X–XX centuries. Vol. 2: Legislation of the period of formation and strengthening of the Russian centralized state*, ed. Gorski A. D. Moscow: Iurid. lit., 1985, 520. (In Russ.)]
3. Веденеев Ю. А., Зайцев И. В., Луговой В. В. Институт выборов в истории России. Источники, свидетельства современников. Взгляды исследователей XIX – начала XX вв. М.: НОРМА, 2001. 784 с. [Vedeneev Ju. A., Zaysev I. V., Lugovoy V. V. *Institute of elections in the history of Russia. Sources and testimonies of contemporaries. Views of researchers of the XIX – early XX centuries*. Moscow: NORMA, 2001, 784. (In Russ.)]
4. Гуггенбергер Б. Теория демократии (Словарь политических понятий) Предисловие А. А. Френкина. *Полис. Политические исследования*. 1991. № 4. С. 136–148. [Huggenberger B. *Theory of democracy (dictionary of political notions)*. Foreword by A. Frenkin. *Polis. Political Studies*, 1994, (4): 136–148. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/eqvotx>
5. Шумпетер Й. А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М.: Эксмо, 2008. 864 с. [Schumpeter J. A. *The theory of economic development. Capitalism, socialism and democracy*. Moscow: Eksmo, 2008, 864. (In Russ.)]
6. Морган Л. Г. Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. Л.: Изд-во Ин-та Народов Севера ЦИК СССР, 1935. XVI, 351 с. [Morgan L. H. *Ancient society or researches in the lines of human progress from savagery, through barbarism to civilization*. Leningrad: Institute of the peoples of North under the Central Executive Committee of USSR, 1935, XVI, 351. (In Russ.)]
7. Карамзин Н. М. О славянах и других народах, составивших государство Российское. In: Карамзин Н. М. *История государства российского*. 5-е изд. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1842. Кн. 1. Т. I. Стб. 17–68. [Karamzin N. M. *About the Slavs and other peoples who made up the Russian state*. In: Karamzin N. M. *History of the Russian State*. 5th ed. St. Petersburg: Tip. Eduarda Pratsa, 1842, book 1, vol. 1, 17–68. (In Russ.)]
8. Соловьев С. М. Сочинения. Кн. I. История России с древнейших времен. М.: Мысль, 1988. Т. 1–2. 797 с. [Solovyev S. M. *Essays. Book I. The History of Russia since ancient times*. Moscow: Mysl, 1988, vol. 1–2, 797. (In Russ.)]
9. Исаев И. А. История государства и права России. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 2004. 797 с. [Isaev I. A. *History of Russian state and law*. 3th ed. Moscow: Iurist, 2004, 797. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qvsujf>
10. Омельченко О. А. Всеобщая история государства и права. 3-е изд., испр. М.: ТОН-Остожье, 2000. Т. 1. 528 с. [Omelchenko O. A. *General history of state and law*. 3th ed. Moscow: TON-Ostozhe, 2000, Vol. 1, 528. (In Russ.)]
11. Ким Ю. В. Избирательное право. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2023. 388 с. [Kim Yu. V. *Electoral law*. 2nd ed. Moscow: Iurait, 2023, 388. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/atvwsf>
12. Шушания Ш. С. Цифровизация избирательного процесса и избирательного права в цифровую эпоху. *Юрист*. 2022. № 1. С. 55–61. [Shushania Sh. S. *Digitalization of the electoral procedure and electoral rights in the digital era*. *Iurist*, 2022, (1): 55–61. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ipxipk>
13. Гришин Н. В., Попова О. В. Потенциал и перспективы движения за ограничение интернет-голосования: оценка российской ситуации в контексте мирового опыта. *Государство и граждане в электронной среде*. 2022. № 6. С. 24–33. [Grishin N. V., Popova O. V. *The potential and prospects of the movement against Internet voting: an assessment of the Russian situation in the context of world experience*. *The State and Citizens in the Electronic Environment*, 2022, (6): 24–33. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17586/2541-979X-2022-6-24-33>
14. Либанова С. Э., Былинкина Е. В. Технология блокчейн: возможности и риски применения в избирательном процессе. *Конституционное и муниципальное право*. 2021. № 2. С. 34–38. [Libanova S. E., Bylinkina E. V. *The blockchain*

- technology: opportunities and risks of application in the electoral process. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo*, 2021, (2): 34–38. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/rvcgbj>
15. Колюшин Е. И. Избирательная реформа 2020 года в свете принципов избирательного права. *Конституционное и муниципальное право*. 2020. № 12. С. 55–61. [Kolyushin E. I. The 2020 electoral reform in view of electoral law principles. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo*, 2020, (12): 55–61. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/rueafm>
 16. Колюшин Е. И. Проблема квазиверховенства закона в избирательном праве. *Конституционное и муниципальное право*. 2022. № 6. С. 51–56. [Kolyushin E. I. The problem of quasi-supremacy of law in electoral law. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo*, 2022, (6): 51–56. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/bscvwm>
 17. Авакьян С. А. Конституция Российской Федерации: итоги развития. *Конституционное и муниципальное право*. 2008. № 23. С. 3–10. [Avakyan S. A. The Constitution of the Russian Federation: results of development. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo*, 2008, (23): 3–10. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/kdylwt>
 18. Лучин В. О., Мазуров А. В. Новый Закон о референдуме. *Право и политика*. 2004. № 8. С. 4–9. [Luchin V. O., Mazurov A. V. New Law on the Referendum. *Pravo i politika*, 2004, (8): 4–9. (In Russ.)]
 19. Сергеев А. А. Об ограничении предмета референдума Российской Федерации. *Конституционное и муниципальное право*. 2008. № 19. С. 7–12. [Sergeev A. A. On limiting the subject of the referendum in the Russian Federation. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo*, 2008, (19): 7–12. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/jtlnskh>
 20. Комарова В. В. Референдум и сходные формы непосредственного народовластия (соотношение и проблемы). *Конституционное и муниципальное право*. 2005. № 9. С. 16–18. [Komarova V. V. Referendum and similar forms of direct democracy: correlation and problems. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo*, 2005, (9): 16–18. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/oixmnb>
 21. Кочев В. А., Ромашов П. А. Конституционно-правовая природа института референдума. *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. 2019. № 45. С. 386–417. [Kochev V. A., Romashov P. A. Constitutional legal nature of the referendum institution. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki*, 2019, (45): 386–417. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2019-45-386-417>
 22. Ильин И. А. О сущности правосознания. М.: Рарогъ, 1993. 235 с. [Ilyin I. A. *On the essence of justice*. Moscow: Rarog, 1993, 235. (In Russ.)]

оригинальная статья

О некоторых проблемах межмуниципального взаимодействия в процессе развития агломераций в Российской Федерации

Лисина Наталья Леонидовна

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

<https://orcid.org/0000-0001-8707-2274>

lisina_nl@mail.ru

Баев Вячеслав Джурович

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

Поступила 23.01.2023. Принята после рецензирования 13.02.2023. Принята в печать 13.02.2023.

Аннотация: Развитие агломераций является актуальным вопросом территориального развития Российской Федерации. Процесс функционирования агломераций неизбежно влечет за собой необходимость межмуниципального сотрудничества. На основании анализа существующих моделей межмуниципального сотрудничества определены проблемы межмуниципального взаимодействия в условиях развития агломераций. Модели взаимодействия должны соответствовать требованиям федерального законодательства, нельзя однозначно утверждать о наличии идеальной формы межмуниципального сотрудничества. В субъектах Российской Федерации существуют примеры ассоциативного, договорного и хозяйственного сотрудничества, сочетание указанных форм межмуниципального сотрудничества. Устойчивый экологический и социально-экономический рост агломераций возможен только в условиях наличия организационного механизма управления агломерацией. Межмуниципальное сотрудничество выступает правовым средством, необходимым для реализации агломерационных проектов, объединения финансовых, трудовых и иных ресурсов отдельных муниципальных образований, решения вопросов территориального планирования агломерации. Отмечено, что цели и задачи создания агломераций должны служить ориентиром при выборе формы межмуниципального взаимодействия, что будет в большей степени соответствовать стандартам пространственного развития Российской Федерации. Автономность муниципальных образований в межмуниципальном сотрудничестве ограничена императивными нормами закона. Процесс межмуниципального сотрудничества, необходимого для развития агломерации, должен полностью соответствовать правовым предписаниям и запретам.

Ключевые слова: агломерация, муниципальное образование, ассоциация муниципальных образований, межмуниципальное сотрудничество, хозяйственное общество, передача полномочий

Цитирование: Лисина Н. Л., Баев В. Д. О некоторых проблемах межмуниципального взаимодействия в процессе развития агломераций в Российской Федерации. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2023. Т. 7. № 3. С. 342–349. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-3-342-349>

full article

Inter-Municipal Interaction in the Process of Metropolitan Agglomeration Development in the Russian Federation

Natalia L. Lisina

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

<https://orcid.org/0000-0001-8707-2274>

lisina_nl@mail.ru

Vyacheslav D. Baev

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

Received 23 Jan 2023. Accepted after peer review 13 Feb 2023. Accepted for publication 13 Feb 2023.

Abstract: The development of metropolitan agglomerations is an urgent issue in the Russian Federation because urban clusters depend on inter-municipal cooperation. The authors analyzed the existing models of inter-municipal cooperation to define the most relevant issues of metropolitan development. Since interaction models must comply with the federal legislation, an ideal form of inter-municipal cooperation does not exist. Subjects of the Russian Federation maintain associative, contractual, and economic cooperation, or a combination of these forms. Sustainable ecological and socio-economic growth of metropolitan agglomerations needs an effective governance arrangement. Inter-municipal cooperation is a legal tool that makes it possible to implement agglomeration projects, to combine financial and labor resources, to solve issues of territorial planning, etc. The form of inter-municipal interaction

should be selected in line with the goals and objectives of a particular agglomeration in order to meet the standards of spatial development of the Russian Federation. Municipalities are limited in their autonomy and inter-municipal cooperation by imperative norms of the law. Therefore, inter-municipal cooperation in the sphere of metropolitan development must fully comply with legal regulations and prohibitions.

Keywords: metropolitan agglomeration, municipal formation, association of municipal formations, inter-municipal cooperation, economic society, transfer of powers

Citation: Lisina N. L., Baev V. D. Inter-Municipal Interaction in the Process of Metropolitan Agglomeration Development in the Russian Federation. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2023, 7(3): 342–349. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-3-342-349>

Введение

Актуальной тенденцией в развитии территорий является формирование нормативной правовой базы, регулирующей отношения по функционированию агломераций. В отдельных субъектах Российской Федерации приняты законодательные и иные нормативные правовые акты, регламентирующие процессы создания агломераций, реализации агломерационных проектов. Отсутствие федерального закона об агломерациях привело к формированию различных моделей агломерационного устройства территории в зависимости от потребностей и возможностей, имеющихся в субъекте РФ.

Правовой режим агломерации должен быть основан на отраслевом федеральном законодательстве. При этом федеральные законы не адаптированы под современные проблемы агломераций. Регулирование правоотношений в области развития агломераций происходит в границах императивных предписаний и запретов. Существует действительная потребность поиска оптимальных путей развития агломераций при условии соблюдения действующего законодательства.

Организационным механизмом развития агломерации является межмуниципальное сотрудничество. В юридической науке межмуниципальное сотрудничество рассматривается как взаимодействие публично-правовых образований без территориального объединения [1]. Взаимодействие должно учитывать социальные, политические и экономические интересы муниципальных образований для эффективного управления территориями.

Межмуниципальное сотрудничество в условиях развития агломерации может быть основой для согласования интересов, объединения экономических и трудовых ресурсов с целью решения необходимых вопросов [2–5]. Межтерриториальная интеграция и кооперация предоставляют реальную возможность минимизации последствий дефицита ресурсов на отдельных территориях [6]. Межмуниципальное сотрудничество рассматривают как элемент повышения социально-экономического развития РФ в целом [7].

При этом в рамках стратегического планирования межмуниципальному сотрудничеству уделяется мало

внимания [8]. Именно тенденция развития агломераций может дать начало новому этапу совершенствования законодательства о межмуниципальном сотрудничестве.

Необходимо учитывать, что межмуниципальное сотрудничество не может подменять собой компетенцию органов местного самоуправления. Организации, которые создаются в ходе межмуниципального сотрудничества, не могут решать вопросы местного значения [9].

Формирование агломераций создает условия для развития межмуниципального сотрудничества. Объединение муниципальных образований в агломерации невозможно без взаимодействия органов местного самоуправления в сфере развития территории. Организационный механизм агломерации, безусловно, является одним из элементов, обеспечивающих устойчивый рост агломерации.

Результаты

Компетенция субъекта РФ

в области развития агломераций

Конституция РФ¹ (статьи 71, 72) закрепляет предметы ведения РФ и совместного ведения РФ и субъектов РФ. Вне пределов ведения и полномочий РФ по предметам совместного ведения РФ и субъектов РФ субъекты России обладают всей полнотой государственной власти (ст. 73).

При определении полномочий субъектов РФ в области нормативного правового регулирования вопросов развития агломераций необходимо учитывать исключительную компетенцию России. Такой подход позволит исключить вторжение в компетенцию федерального законодателя и обеспечить соответствие нормативных правовых актов субъекта РФ принципам федеративного устройства. Вопросы развития агломерационных процессов могут затронуть устройство и территорию России, организацию публичной власти, федеральную собственность и управление ею, федеральные энергетические системы, федеральный транспорт, пути сообщения и др.

¹ Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020). ИПП Гарант.

Статья 76 Конституции РФ определяет систему нормативных правовых актов с позиции компетенции РФ и субъектов РФ. По предметам совместного ведения РФ и субъектов РФ издаются федеральные законы и принимаемые в соответствии с ними законы и иные нормативные правовые акты субъектов РФ. Вне пределов ведения РФ, совместного ведения РФ и ее субъектов республики, края, области, города федерального значения, автономные округа и автономная область осуществляют собственное правовое регулирование, включая принятие законов и иных нормативных правовых актов.

Любой нормативный правовой акт регулирует определенный круг общественных отношений, составляющий предмет правового регулирования, который в сфере развития агломераций может включать в себя следующие блоки: а) общие положения: понятия, цели, задачи, принципы; б) управленческая деятельность (создание агломераций, полномочия органов государственной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления в сфере развития агломераций); в) финансирование агломерационных проектов, территориальное планирование части субъекта Российской Федерации.

Отдельные нормы нормативных правовых актов, регулирующих вопросы развития агломераций, могут охватывать такие вопросы, как комплексное развитие территории агломерации, развитие конкурентных преимуществ агломераций, формирование благоприятной среды для развития предпринимательства в агломерации, решение вопросов социальной направленности, жилищно-коммунального хозяйства, градостроительства, архитектурного планирования в агломерациях; развитие объектов энергетической и информационно-телекоммуникационной инфраструктуры; охрана окружающей среды; оптимизация транспортного сообщения в границах агломераций; развитие жилищного строительства; формирование единого культурного пространства; развитие туризма.

При этом указанные отрасли общественных отношений регулируются также и нормативными правовыми актами РФ. Очевидно, что развитие территории невозможно без применения норм земельного, градостроительного, экологического, транспортного, энергетического законодательства. На федеральном уровне действует широкий круг источников права, которые регулируют в том числе вопросы, возникающие при развитии агломераций. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что органы государственной власти субъектов РФ и органы местного самоуправления при оказании поддержки агломерациям по многим вопросам руководствуются также и федеральным законодательством. Развитие агломераций носит комплексный характер и учитывает отдельные вопросы отраслевого законодательства.

Исходя из предметов совместного ведения РФ и субъектов РФ, необходимо признать, что вопросы развития агломераций не могут быть решены только на уровне субъектов РФ. Данная проблема непосредственно связана с применением федерального законодательства. Кроме того, нужно учитывать, что на территории городской агломерации может находиться федеральная государственная собственность, федеральные энергетические системы, федеральный транспорт, пути сообщения. Определение правового режима таких объектов находится в ведении РФ. С учетом того, что развитие агломераций носит комплексный характер, законодательство в области агломераций должно соответствовать принципам отраслевого федерального законодательства. Отметим, что в случае принятия федерального закона, который будет определять правовой режим агломераций, законодательство субъектов РФ подлежит приведению в соответствие с принятым федеральным законом.

Развитие городских агломераций непосредственно будет затрагивать вопросы застройки территории. Вопросы территориального планирования и градостроительного зонирования имеют существенное значение для развития городских агломераций в условиях межмуниципального сотрудничества. Застройка агломерации может сопровождаться подготовкой документов территориального планирования части субъекта РФ. Комплексное и устойчивое развитие территории агломерации может быть обеспечено подготовкой схемы территориального планирования части территории субъекта РФ. Такая ситуация будет являться реализацией комплексного подхода к социально-экономическому развитию агломераций и, безусловно, требовать учета принципов градостроительного законодательства.

Промышленные предприятия могут стать одним из механизмов развития агломераций (например, путем создания трудовых миграций на территории агломерации). В то же время нужно учитывать, что деятельность таких предприятий сопряжена с негативным воздействием на окружающую среду. Развитие промышленности, деятельность промышленных предприятий должны происходить исключительно при соблюдении правовых предписаний законодательства, регулирующего вопросы охраны окружающей среды. Развитие агломераций не должно приводить к повышению уровня негативного воздействия на компоненты окружающей среды. Следование принципам экологического законодательства позволит обеспечить соблюдение права на благоприятную окружающую среду, а также создание благоприятных условий для жизни населения на территории агломерации.

Действующее земельное законодательство подчеркивает важность охраны земли. Развитие городских агломераций не должно приводить к ухудшению

качественного состояния земель. Развитие агломераций должно происходить в контексте принципа рационального природопользования. Решение социально-экономических задач не должно приводить к сокращению значимости вопросов охраны земли как компонента окружающей среды и средства производства в сельском и лесном хозяйстве. Застройка территории агломерации не должна приводить к необоснованному сокращению сельскохозяйственных и лесных земель.

Транспорт и энергетика являются связующими элементами между населенными пунктами, находящимися внутри территории агломерации. Развитие агломерации включает в себя строительство, реконструкцию объектов транспортной и энергетической инфраструктуры. Через развитие транспорта и энергетике возможна реализация комплексного подхода к социально-экономическому развитию агломераций. Строительство и реконструкция энергетической [10] и транспортной инфраструктуры [11] не должны причинять вред окружающей среде [12].

Таким образом, справедливо утверждать, что правовой режим агломерации, в том числе по вопросам межмуниципального сотрудничества, определяется субъектами РФ в пределах действующих федеральных законов. Для развития агломерации, реализации агломерационных проектов необходим организационный механизм, основанный на межмуниципальном сотрудничестве муниципальных образований, входящих в состав агломерации.

Формы межмуниципального сотрудничества

Анализ межмуниципального взаимодействия позволяет выделить ассоциативную, договорную и хозяйственную формы сотрудничества, которые могут быть адаптированы для удовлетворения потребностей агломераций [13–15].

Сотрудничество муниципальных образований обусловлено целями и задачами развития связей (хозяйственных, трудовых, транспортных, научно-образовательных, культурных, рекреационных и иных) между отдельными публично-правовыми образованиями [16]. Межмуниципальное взаимодействие позволяет повышать качество жизни населения, улучшать условия ведения хозяйственной деятельности, реализовывать крупные инфраструктурные проекты. Создание агломераций направлено на обеспечение устойчивого экономического роста, инвестиционной привлекательности и улучшения качества жизни населения соответствующей территории за счет сбалансированного социально-экономического и пространственного развития.

Отдельно выделяют формы межмуниципального сотрудничества в инвестиционной сфере: синхронизированный выпуск долговых обязательств, долевого финансирования объектов, реализация многосторонних концессий [17].

Выбор формы межмуниципального сотрудничества должен способствовать реализации цели создания агломерации и достижению поставленных задач. Форма межмуниципального сотрудничества должна быть наиболее адаптирована под решение социально-экономических вопросов [18]. Реализация стратегии межмуниципального сотрудничества должна привести к оперативному решению вопросов, возникающих в хозяйственной деятельности городской агломерации.

1. Ассоциативная форма

В силу частей 1 и 2 ст. 8 ФЗ № 131-ФЗ от 06.10.2003 «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» (далее – Закон № 131-ФЗ)² муниципальные образования могут формировать советы муниципальных образований, иные объединения. Правовой статус таких объединений определяется нормами ФЗ № 7-ФЗ от 12.01.1996 «О некоммерческих организациях» (далее – Закон № 7-ФЗ)³.

Создание ассоциации без конкретных направлений ее деятельности недопустимо. Такой подход приведет к отсутствию эффективности в деятельности ассоциации, необоснованному расходованию бюджетных средств. Объединение муниципальных образований в ассоциацию по признаку вхождения в агломерацию будет соответствовать юридической природе ассоциации как организационно-правовой формы юридического лица. Цели создания самой агломерации могут быть положены и в основу деятельности ассоциации как некоммерческой организации (ст. 11 Закона № 7-ФЗ). Однако данное утверждение не может исчерпываться только ст. 11, которая содержит указание на цель ассоциации в максимально общем виде. Цели могут быть детализованы в учредительных документах ассоциации. Практика объединения муниципальных образований широко распространена в РФ. Например, объединения муниципальных образований – такие организации, как «Союз городов воинской славы», «Союз шахтерских городов», «Союз закрытых административно-территориальных образований» и др.

Ассоциация может быть основана на концепции объединения муниципальных образований и субъекта РФ. Сотрудничество муниципальной и региональной власти содействует более эффективному обеспечению процесса развития агломераций. Сотрудничество ассоциации муниципальных образований и субъекта РФ возможно путем создания автономной некоммерческой организации.

² Об общих принципах местного самоуправления в Российской Федерации. ФЗ № 131-ФЗ от 06.10.2003. СЗ РФ. 06.10.2003. № 40. Ст. 3822.

³ О некоммерческих организациях. ФЗ № 7-ФЗ от 12.01.1996. СЗ РФ. 15.01.1996. № 3. Ст. 145.

С учетом практики деятельности ассоциаций муниципальных образований на территории России, которая заключается в решении, как правило, организационно-политических вопросов, такая форма сотрудничества малоэффективна для достижения социально-экономических целей и задач развития агломерации.

2. Договорная форма

Юридическое значение договорной формы межмуниципального сотрудничества заключается в возможности передачи части полномочий органов местного самоуправления поселений на уровень муниципального района. Такая возможность прямо следует из ч. 4 ст. 15 Закона № 131-ФЗ. Процедура передачи полномочий в обязательном порядке предусматривает необходимость заключения соглашения между органами местного самоуправления муниципального района и органами местного самоуправления отдельных поселений.

Вопросы территориального планирования и градостроительного зонирования могут быть предметом соглашения о передаче полномочий. Законность данной процедуры находит отражение в судебной практике⁴, что может быть положительно использовано для развития агломераций. Планирование и зонирование представляют собой неотъемлемые части устойчивого экологического и социально-экономического развития.

Данная форма межмуниципального сотрудничества представляет интерес с точки зрения развития агломераций, т. к. происходит централизация полномочий разных муниципальных образований в одном. Такая возможность представляется обоснованной для более оперативного планирования развития территории муниципального района.

С другой стороны, агломерация включает в себя и иные муниципальные образования: городской округ, муниципальный округ. Положения Закона № 131-ФЗ предусматривают возможность передачи полномочий только в рамках муниципального района. В рамках агломерации договорное сотрудничество необходимо между «ядром» и «спутниками» [19, с. 46]. Для развития агломераций данная форма межмуниципального сотрудничества может быть эффективной в случае законодательного закрепления возможности передачи полномочий органов местного

самоуправления муниципальных образований, входящих в состав агломерации, на уровень муниципального образования, являющегося центром агломерации.

Интересам агломерации соответствует возможность заключения межмуниципальных договоров по вопросам сотрудничества в различных сферах общественных отношений (ч. 4 ст. 8 Закона № 131-ФЗ). Такие договоры заключаются в целях объединения финансовых средств, материальных и иных ресурсов для решения вопросов местного значения. Заключение подобных соглашений отражает гибкость правовых средств в решении вопросов местного значения [20, с. 290].

3. Хозяйственная форма

Представительные органы муниципальных образований для совместного решения вопросов местного значения могут принимать решения об учреждении межмуниципальных хозяйственных обществ в форме непубличных акционерных обществ и обществ с ограниченной ответственностью. В то же время в силу п. 6 ст. 66 ГК РФ государственные органы и органы местного самоуправления не вправе участвовать от своего имени в хозяйственных товариществах и обществах. При определении правового статуса непубличных акционерных обществ и обществ с ограниченной ответственностью нужно учитывать положения специальных законов: Федерального закона № 208-ФЗ от 26.12.1995 «Об акционерных обществах» (далее – Закон № 208-ФЗ)⁵, Федерального закона № 14-ФЗ от 08.02.1998 «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее – Закон № 14-ФЗ)⁶.

По смыслу п. 1 ст. 10 Закона № 208-ФЗ и п. 2 ст. 8 Закона № 14-ФЗ государственные органы и органы местного самоуправления не могут выступать учредителями общества, если иное не установлено федеральными законами. Иное установлено Законом № 131-ФЗ, который допускает создание непубличных акционерных обществ, обществ с ограниченной ответственностью. Создание коммерческих юридических лиц в других организационных правовых формах для реализации межмуниципального сотрудничества является недопустимым⁷. Участником хозяйственного общества является именно муниципальное образование, а не отдельные органы местного самоуправления⁸. Создание хозяйственного общества с нарушением

⁴ Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам ВС РФ № 55-КАД21-2-К8 от 23.06.2021; Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам ВС РФ № 55-АПА19-11 от 05.12.2019. *СПС КонсультантПлюс*.

⁵ Об акционерных обществах. ФЗ № 208-ФЗ от 26.12.1995. *СЗ РФ*, 01.01.1996. № 1. Ст. 1.

⁶ Об обществах с ограниченной ответственностью. ФЗ № 14-ФЗ от 08.02.1998. *СЗ РФ*, 16.02.1998. № 7. Ст. 785.

⁷ Об оставлении без изменения решения ВС Республики Хакасия от 12.05.2004, которым было частично удовлетворено заявление о признании противоречащими федеральному законодательству, недействующими и не подлежащими применению отдельных положений Закона Республики Хакасия от 25.06.1998 «Об управлении государственной собственностью Республики Хакасия» (в ред. Закона Республики Хакасия от 30.12.2003). Определение ВС РФ от 08.09.2004 по делу № 55-Г04-10. *СПС КонсультантПлюс*.

⁸ О направлении Обзора применения законодательства РФ при решении проблемных вопросов в сфере государственной регистрации и осуществления контроля за деятельностью общественных объединений, религиозных организаций и иных некоммерческих организаций. Письмо Минюста России № 11-99821/18 от 27.07.2018. *СПС КонсультантПлюс*.

указанного запрета влечет за собой риски оспаривания сделок общества, совершенных с имуществом, переданным из муниципальной собственности. Поскольку такое общество изначально создано с нарушением законодательного запрета, оно не признается собственником переданного учредителем имущества⁹.

Юридические сложности возникают в процессе создания хозяйственного общества. Учредители – муниципальные образования – обязаны внести имущество в уставный капитал общества. Однако в силу ст. 217 ГК РФ передача имущества из муниципальной собственности в частную должна соответствовать законодательству о приватизации¹⁰. Федеральный закон № 178-ФЗ от 21.12.2001 «О приватизации государственного и муниципального имущества» (далее – Закон № 178-ФЗ)¹¹ предусматривает такой способ приватизации муниципального имущества, как внесение муниципального имущества в качестве вклада в уставные капиталы акционерных обществ. Межмуниципальное сотрудничество предполагает объединение капиталов разных муниципальных образований. Закон № 178-ФЗ не содержит правовых норм о приватизации муниципального имущества нескольких муниципальных образований, не определен правовой механизм координации приватизации муниципального имущества во всех муниципальных образованиях, входящих в состав агломерации.

Также на передачу муниципального имущества частным лицам распространяются конкурентные процедуры, предусмотренные Федеральным законом № 135-ФЗ от 26.07.2006 «О защите конкуренции»¹². Переход права владения и пользования в отношении имущества, находящегося в публичной форме собственности, происходит с проведением конкурсов или аукционов. Должностные лица органов местного самоуправления несут административную ответственность за нарушение конкурентного законодательства¹³.

Бюджетное законодательство предусматривает возможность финансирования межмуниципального хозяйственного общества путем предоставления бюджетных ассигнований в форме бюджетных инвестиций (статьи 69, 80 БК РФ¹⁴). При этом очевидными минусами межмуниципального хозяйственного общества являются реальная возможность роста кредиторской задолженности общества в ходе

его деятельности, появление признаков неплатежеспособности. Возбуждение дела о банкротстве в отношении межмуниципального общества не отвечает критериям устойчивого социально-экономического развития агломераций, т. к. может повлечь за собой оспаривание сделок, совершенных для реализации агломерационных проектов, и привлечение контролирующих лиц к субсидиарной ответственности. Интересным вопросом является разрешение споров между участниками межмуниципального хозяйственного общества в случае возникновения корпоративного конфликта.

Создание межмуниципального хозяйственного общества требует детальной проработки устава общества, распределения долей в уставном капитале общества. Нужно учитывать возможность вхождения в состав участников такого общества частных лиц.

Межмуниципальное сотрудничество возможно путем создания некоммерческих организаций. Как уже было указано, действующее законодательство допускает создание ассоциации муниципальных образований. Также в силу ч. 1 ст. 69 Закона № 131-ФЗ возможно создание автономных некоммерческих организаций, способных непосредственно выполнять агломерационные проекты, источником финансирования которых являются имущественные взносы учредителей.

Законодательство в области организации местного самоуправления в совокупности с гражданским законодательством позволяет определить наиболее оптимальную модель сотрудничества муниципальных образований [21].

Заключение

Организационный механизм развития агломераций требует создания модели межмуниципального сотрудничества, которая будет отвечать современным вызовам в развитии территорий. Существующие формы межмуниципального сотрудничества имеют как свои преимущества, так и недостатки. При этом не исключено сочетание разных форм межмуниципального сотрудничества в рамках одной агломерации.

Развитие межмуниципального сотрудничества ограничено императивными требованиями федерального законодательства. Муниципальные образования

⁹ Определение ВАС РФ № ВАС-8709/13 от 18.07.2013 по делу № А62-4038/2012. СПС КонсультантПлюс.

¹⁰ Обзор практики разрешения споров, связанных с применением арбитражными судами Федерального закона «О приватизации государственного имущества и об основах приватизации муниципального имущества в Российской Федерации». Информационное письмо Президиума ВАС РФ № 60 от 21.02.2001. СПС КонсультантПлюс.

¹¹ О приватизации государственного и муниципального имущества. ФЗ № 178-ФЗ от 21.12.2001. СЗ РФ. 28.01.2002. № 4. Ст. 251.

¹² О защите конкуренции. ФЗ № 135-ФЗ от 26.07.2006. СЗ РФ. 31.07.2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3434.

¹³ Постановление Арбитражного суда Поволжского округа № Ф06-177/2015 от 15.09.2015 по делу № А12-5001/2015; Постановление Восьмого кассационного суда общей юрисдикции № 16-2943/2020 от 26.05.2020. СПС КонсультантПлюс.

¹⁴ Бюджетный кодекс Российской Федерации. ФЗ № 145-ФЗ от 31.07.1998. СЗ РФ. 03.08.1998. № 31. Ст. 3823.

при наличии общих целей и задач должны использовать только те формы межмуниципального сотрудничества, которые предусмотрены Федеральным законом № 131-ФЗ. Такой подход, с одной стороны, замедляет развитие агломераций, а с другой стороны, способствует сокращению количества злоупотреблений, совершаемых органами местного самоуправления, путем минимизации их автономности в указанной сфере.

Определение необходимости применения той или иной формы межмуниципального сотрудничества при развитии агломерации должно исходить из общих интересов, потребностей населения, агломерационных проектов. Хаотичный выбор формы межмуниципального сотрудничества не обеспечит создание эффективного организационного механизма для выполнения управленческих функций. Соответствие организационного механизма целям и задачам агломерации обеспечит социально-экономическое развитие Российской Федерации.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Финансирование: Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда. Соглашение № 23-28-0-0458 от 12.01.2023.

Funding: The research was supported by the Russian Science Foundation, Agreement No. 23-28-0-0458, January 12, 2023.

Литература / References

1. Остапец О. Г. Система правового регулирования межмуниципального сотрудничества в России. *Вестник Поволжского института управления*. 2017. Т. 17. № 1. С. 56–61. [Ostapets O. G. The system of legal regulation of inter-municipal cooperation in Russia. *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniia*, 2017, 17(1): 56–61. (In Russ.)] <https://doi.org/10.22394/1682-2358-2017-1-56-61>
2. Рагозина Л. Г. Межмуниципальное сотрудничество в России: перспективы развития с учетом адаптации зарубежного опыта к возможностям российского законодательства. *Местное право*. 2009. № 9-10. С. 31–42. [Ragozina L. G. Inter-municipal cooperation in Russia: development prospects taking into account the adaptation of foreign experience to the possibilities of Russian legislation. *Mestnoe pravo*, 2009, (9-10): 31–42. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/mwfcdp>
3. Руденко С. С. Межмуниципальное сотрудничество: виды и формы. *Теория и практика общественного развития*. 2017. № 4. С. 111–114. [Rudenko S. S. Inter-municipal cooperation: types and forms. *Theory and Practice of Social Development*, 2017, (4): 111–114. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24158/tipor.2017.4.25>
4. Ворошилов Н. В. Межмуниципальное сотрудничество в России: состояние, проблемы и перспективы развития. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2021. Т. 14. № 6. С. 141–159. [Voroshilov N. V. Inter-municipal cooperation in Russia: status, problems and prospects of development. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2021, 14(6): 141–159. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15838/esc.2021.6.78.8>
5. Кулешко М. Я. Межмуниципальное сотрудничество: зарубежный и отечественный опыт. *Альманах «Крым»*. 2022. № 33. С. 94–110. [Kuleshko M. Ya. Intermunicipal cooperation: foreign and domestic experience. *Almanac "Crimea"*, 2022, (33): 94–110. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qptuooy>
6. Булгакова К. Р. К вопросу о субъектах, предоставляющих муниципальные услуги во Французской Республике и Российской Федерации. *Административное и муниципальное право*. 2016. № 7. С. 562–570. [Bulgakova K. R. On the subjects of municipal services rendering in the French Republic and the Russian Federation. *Administrative and municipal law*, 2016, (7): 562–570. (In Russ.)] <https://doi.org/10.7256/1999-2807.2016.7.18031>
7. Лякишева В. Г., Шлегель А. А. Межмуниципальное сотрудничество как неотъемлемый элемент социально-экономического развития территории. *Экономика и управление в XXI веке: тенденции развития: XXXV Междунар. науч.-практ. конф.* (Новосибирск, 24 февраля – 21 марта 2017 г.) Новосибирск: ЦРНС, 2017. С. 254–261. [Lyakisheva V. G., Shlegel A. A. Inter-municipal cooperation as an integral element of social-economic territorial development. *Economics and Management in the XXI Century: Development Trends: Proc. XXXV Intern. Sci.-Prac. Conf.*, Novosibirsk, 24 Feb – 21 Mar 2017. Novosibirsk: TsRNS, 2017, 254–261. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ztuemj>
8. Берсенёв В. Л. Межрегиональное и межмуниципальное сотрудничество в России: обзор. *История и современное мировоззрение*. 2022. Т. 4. № 4. С. 25–32. [Bersenev V. L. Interregional and inter-municipal cooperation in Russia: review. *History and Modern Perspectives*, 2022, 4(4): 25–32. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/cbxmgo>

9. Ирискина О. В. Современные формы управления межмуниципальным сотрудничеством в Российской Федерации. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология*. 2010. Т. 10. № 2. С. 60–65. [Iriskina O. V. Contemporary forms of management of inter-municipal cooperation in the Russian Federation. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2010, (10): 60–65. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2010-10-2-60-65>
10. Li T., Shi Z., Han D., Zeng J. Agglomeration of the new energy industry and green innovation efficiency: does the spatial mismatch of R&D resources matter? *Journal of Cleaner Production*, 2023, 383. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2022.135453>
11. Tan R., Pan L., Xu M., He X. Transportation infrastructure, economic agglomeration and non-linearities of green total factor productivity growth in China: evidence from partially linear functional coefficient model. *Transport Policy*, 2022, 129: 1–13. <https://doi.org/10.1016/j.tranpol.2022.09.027>
12. Yang R., Hu Z., Hu S. The failure of collaborative agglomeration: from the perspective of industrial pollution emission. *Journal of Cleaner Production*, 2023, 387. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2023.135952>
13. Бабичев И. В. Правовое регулирование межмуниципального сотрудничества. In: Бабичев И. В., Кокин И. А., Михайлова Е. Д., Савранская О. Л., Сергеев А. А., Сивицкий В. А., Шугрина Е. С., Якутова М. А. *Правовое регулирование организации и осуществления местного самоуправления*. М.: АНХ, 2009. С. 354–393. [Babichev I. V. Legal regulation of inter-municipal cooperation. In: Babichev I. V., Kokin I. A., Mikhailova E. D., Savranskaia O. L., Sergeev A. A., Sivitskii V. A., Shugrina E. S., Yakutova M. A. *Legal regulation of the organization and implementation of local self-government*. Moscow: RANEPА, 2009, 354–393. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qrlyrt>
14. Кабанова И. Е. Межмуниципальное сотрудничество как способ управления муниципальной собственностью: пути преодоления законодательных коллизий. *Имущественные отношения в Российской Федерации*. 2018. № 2. С. 90–96. [Kabanova I. E. Inter-municipal cooperation as a way of managing the municipal property management: overcoming the legal conflicts. *Imushchestvennye otnosheniia v Rossiiskoi Federatsii*, 2018, (2): 90–96. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/lnejgw>
15. Колесников А. В. Организация муниципального управления в единой системе публичной власти: теория, особенности, межмуниципальное взаимодействие. Саратов: СГЮА, 2021. 236 с. [Kolesnikov A. V. *Organization of municipal administration in a unified system of public power: theory, features, inter-municipal interaction*. Saratov: SSLA, 2021, 236. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/njytwk>
16. Ma S., Cai Y., Xie D., Zhang X., Zhao Y. Towards balanced development stage: regulating the spatial pattern of agglomeration with collaborative optimal allocation of urban land. *Cities*, 2022, 126. <https://doi.org/10.1016/j.cities.2022.103645>
17. Ростанец В. Г., Топилин А. В., Гинзбург М. В. Инвестиционно-строительная деятельность на территории «Новой Москвы» и межмуниципальное сотрудничество. *Экономика строительства*. 2013. № 5. С. 39–44. [Rostanets V. G., Topilin A. V., Ginzburg M. V. Investment and construction in New Moscow and inter-municipal cooperation. *Construction Economics*, 2013, (5): 39–44. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rbmtzz>
18. Chen C., Zhao D., He F., Sun F. A comprehensive multi-hazard risk assessment model for an urban agglomeration with multiple factors. *Journal of Safety Science and Resilience*, 2023, 4(1): 43–51. <https://doi.org/10.1016/j.jnlssr.2022.09.008>
19. Соломаха Д. В. Агломерация как территориальная модель межмуниципального сотрудничества. *Конституционализм и государственное устройство*. 2019. № 1. С. 44–48. [Solomaha D. V. Territorial agglomeration as a model of inter-municipal cooperations. *Konstitutsionalizm i gosudarstvovedenie*, 2019, (1): 44–48. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vxnsjk>
20. Тихомиров Ю. А. Правовое регулирование: теория и практика. М.: Формула права, 2010. 400 с. [Tikhomirov Yu. A. *Legal regulation: theory and practice*. Moscow: Formula prava, 2010, 400. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qljiwx>
21. Межевич Н. М. Межмуниципальное сотрудничество в Российском законодательстве о местном самоуправлении. *Управленческое консультирование*. 2006. № 3. С. 61–68. [Mezhevich N. M. Inter-municipal cooperation in the Russian legislation on local self-government. *Administrative consulting*, 2006, (3): 61–68. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kvqiyp>

оригинальная статья

Социально-экономические и правовые аспекты становления итальянского фашизма первой половины XX века

Курасов Сергей Сергеевич

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

1970-94@mail.ru

Поступила 27.01.2023. Принята после рецензирования 14.03.2023. Принята в печать 14.03.2023.

Аннотация: Рассмотрен процесс становления итальянского фашизма в экономическом и социальном контекстах развития итальянского общества за период с 1913 г. до начала 1940-х гг. Указано на наличие прямой связи между экономическими интересами крупного бизнеса и развитием политических организаций крайне правого толка. Сделан вывод о производном характере доктрины итальянского фашизма по отношению к стремлению доминирующих на рынке предпринимателей усилить эксплуатацию наемного труда, сократить производственные издержки, максимизировать прибыль. Финансовая помощь крупного бизнеса – основной источник материального обеспечения фашистских организаций. Раскрыты экономические мотивы принятия программных документов фашистских организаций Италии. Проанализирован корпус нормативных правовых актов, принимаемых в период нахождения Национальной фашистской партии у власти в Италии. Установлено, что декларировалось наличие классового мира, посреднической роли государства между наемными работниками и частным предпринимателем, сплочение общества ради общенациональных интересов. Однако истинная направленность принятых законов и подзаконных актов была ориентирована на усиление монополизации экономики, ограничение возможности самоорганизации рабочих, существенное сужение спектра экономических, политических и социальных прав у наемных работников. Рассмотрено становление модели корпоративного государства, сущность которого состояла в установлении жестких рамок для среднего и малого бизнеса, а также для наемных рабочих. Государственная пропаганда создавала образ государства-арбитра в отношениях между работником и работодателем, но практика правоприменения показала, что государственный аппарат, включающий государственные органы и учреждения, стоял на защите интересов крупного бизнеса и по сути им же формировался.

Ключевые слова: фашизм, монополизация, рынок, политические партии, экономические права, корпоративное государство

Цитирование: Курасов С. С. Социально-экономические и правовые аспекты становления итальянского фашизма первой половины XX века. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2023. Т. 7. № 3. С. 350–358. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-3-350-358>

full article

Socio-Economic and Legal Aspects of the Formation of Italian Fascism in the First Half of the XX Century

Sergei S. Kurasov

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

1970-94@mail.ru

Received 27 Jan 2023. Accepted after peer review 14 Mar 2023. Accepted for publication 14 Mar 2023.

Abstract: The economic and social development of Italian fascism lasted from 1913 to the early 1940s. It was fueled by the common economic interests of business elite and right-wing organizations, who combined their efforts to exploit the working class, reduce production costs, and maximize profits. The big business provided financial support for fascist organizations, thus shaping their policy. The legal acts adopted during the transitional period declared the inter-class peace, the mediating role of the state between employees and private business, and the supremacy of national interests. However, the same laws strengthened the economic monopolization, prevented trade unions, and limited economic, political, and social rights of the working class. The resulting corporate state model established a rigid framework for medium and small business, as well as hired workers. Although the state propaganda portrayed the state as a mediator between the worker and the employer, Italian state institutions actually protected the interests of the big business and were formed by it.

Keywords: fascism, monopolization, market, fractional party, economic rights, corporate state

Citation: Kurason S. S. Socio-Economic and Legal Aspects of the Formation of Italian Fascism in the First Half of the XX Century. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2023, 7(3): 350–358. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-3-350-358>

Введение

Фашизм – преступная идеология. Утверждаясь даже в отдельной стране, она приносит колоссальные беды не только ее жителям, но и гражданам всех окружающих государств. Сущность фашизма, причины, по которым он возникал и укреплялся в отдельных государствах, невозможно понять, рассматривая эту идеологию только через программные документы политических партий, заявления политических лидеров, доктринальные труды теоретиков фашизма. Слова очень часто расходятся с делом, а истинные цели замалчиваются. Только детальное изучение существующих общественных отношений, социально-экономических проблем, интересов различных социальных групп, способов и методов осуществления этими группами своих целей может раскрыть истинную природу фашизма и причины его происхождения.

У фашизма середины XX в. в Европе много общих принципиальных признаков, установить которые можно посредством анализа комплекса введенных в действие нормативных правовых актов, системы экономических и общественных отношений.

Многим европейским государствам в первой четверти XX в. представился судьбоносный выбор между левым, социалистическим, путем развития и правым – фашистским. В настоящей статье предпринята попытка ответить на вопрос, какие факторы направили Италию по пути построения фашистско-корпоративного государства. Нами намеренно опущены подробности террора и насилия фашистских организаций над населением (массовые избиения, унижения человеческого достоинства, убийства населения, теракты), чтобы сделать акцент на экономико-правовой стороне фашизма. Забыть эти преступления против человечества невозможно, но понять их происхождение и конечные цели получится, лишь изучив экономико-правовой аспект фашизма.

Главное общественное противоречие

Италия, Германия, Испания, Португалия – европейские государства, столкнувшиеся с фашизмом в середине XX в. Внешние проявления процесса государственного строительства, провозглашенные политические идеалы в фашистских государствах могут отличаться, однако это только поверхностные различия. Так или иначе фашистские режимы возникают по одной и той же причине.

Приступать к ее поискам стоит с периода начала Первой мировой войны, поскольку войны до предела обостряют существующие социальные проблемы, и эта война не была исключением.

У стран Тройственного союза политические задачи участия в захватнической войне могли отличаться, но главная экономическая цель была единой – получение новых территорий для доступа к экономическим ресурсам и рынкам сбыта отечественных товаров. Без войны, как представлялось политическим и экономическим элитам, эта цель была недостижима [1; 2]. Согласно *Il Popolo d'Italia*¹, спонсорами интервентистского движения² в Италии стали такие известные фирмы, как «Эдисон», «Фиат», «Ансальдо», объединение сахарозаводчиков и предприятия военно-промышленного комплекса [3, с. 44].

На рубеже XIX–XX вв. Италия переживала период экономического роста. Бурное развитие промышленности усугубило социальное неравенство. Росла эксплуатация труда, при этом заработная плата не повышалась, а рабочий день удлинялся. Все это вызывало не просто недовольство в широких кругах общества, а многочисленные забастовки и мятежи внутри страны [4, с. 164]. Например, в ходе событий «Красной недели» 1914 г. восстания и забастовки охватили крупнейшие промышленные центры Италии. Рабочие захватывали предприятия и общественные здания, вывешивали красные флаги. Только из-за неорганизованности рабочего движения сотысячная правительственная армия смогла подавить восстание [5, с. 74].

В Италии до 1914 г. остро стояла проблема исчерпания внутренних резервов экономического роста: промышленность не могла быстро развиваться из-за бедного внутреннего рынка и непреодолимой для итальянских промышленников иностранной конкуренции на международной арене, которая закрывала международные рынки сбыта для итальянской продукции. К тому же на территории Апеннинского полуострова отсутствовали в требуемом количестве необходимые промышленности природные ресурсы. Эти факторы побуждали экономические правящие круги Италии к агрессивной внешней экспансии. Особую активную проявляли представители тяжелой промышленности и банковской системы [6, р. 32–37]. Частично парировало экспансионистские настроения

¹ Газета, издаваемая Бенито Муссолини после его выхода из социалистической партии.

² Движение за вступление Италии в захватническую войну.

предпринимателей серьезное рабочее движение начала XX в. На выборах в законодательный парламент Королевства Италия 1913 г. социалистическая партия заняла второе место (уступила лишь коалиции праволиберальных партий) [7, р. 441]. К тому же около 1 млн наемных рабочих промышленности были членами независимых профсоюзов, которые тоже не хотели войны [8, с. 23].

Несмотря на это, страна вступила в Первую мировую войну. Что характерно, основными агитаторами вступления в вооруженный конфликт были члены Итальянской националистической ассоциации, а также предприниматели из тяжелой и военной промышленности. Война преподносилась как борьба за национальные интересы итальянского народа, при том что самой Италии никто не угрожал [9, р. 64].

Как и ожидалось, война способствовала обогащению и разрастанию бизнеса в секторе тяжелой промышленности: выросли концерны «Ансальдо» (капитализация увеличилась с 30 до 500 млн лир), «Фиат» (с 4 до 19 тыс. произведенных автомобилей) и «Ильва». Не просто же так представители тяжелой промышленности агитировали за войну. Однако уровень жизни населения падал [10, р. 255–259, 271–275].

Результаты войны для Италии оказались крайне неутешительными: истощенная экономика, высокая инфляция, выросший в 3,5 раза государственный долг, разорившиеся без государственных заказов в ближайшие два-три года промышленные предприятия и невестоятно скромные территориальные приобретения, часть из которых вскоре была потеряна [3, с. 44; 4, с. 178].

Отметим, что самой большой проблемой для европейских стран, в том числе для Италии первой четверти XX в., было сохранение и усугубление главного общественного противоречия. Предприниматели все также хотели расширения производства, а преодолеть объективно сложившиеся ограничения не получалось, внутренний рынок по-прежнему не потреблял желаемых объемов продукции, конкуренция на внешнем рынке была непреодолима. Из-за этого эксплуатация наемного труда усиливалась, а желания очередной экспансионистской войны вернулись. Следующим шагом крупного бизнеса стало создание антирабочего союза с фашистскими организациями.

Прогрессивные тенденции общества и реакция бизнеса

На выборах в итальянский парламент 1919 г. социалисты заняли уже первое место³, увеличилось количество членов профсоюзов (с 1 до 3,8 млн). Рабочими были захвачены предприятия и созданы отряды красной гвардии для обороны, крестьяне отнимали помещичьи

земли. Началось «Красное двухлетие». Оно развернулось по всей Италии, а особенно в промышленно развитых северных регионах. Рабочие формировали демократические рабочие советы, захватывали фабрики, организовывали на них самостоятельное управление и продолжали выпуск продукции.

Этот послевоенный период стал для предпринимателей настоящим вызовом. Им требовалось найти политическую силу, которая защитит их интересы. Несмотря на колоссальные усилия самих рабочих, правительство Италии смогло найти общий язык и договориться с главами профсоюзов, лидерами социалистов, тем самым лишив рабочее движение возможности координации усилий. А сами предприниматели, пойдя на ряд несущественных уступок, начали финансирование консервативно-фашистских организаций и использовали их для физического устранения лидеров рабочих [11, с. 53–54].

Итальянский крупный бизнес предпочел открытому членству в фашистских организациях их финансирование и давление на правительство в целях поощрения действий фашистов, еще не пришедших к власти [12, р. 211; 13, р. 341]. Финансируемые крупным бизнесом фашистские организации не столько на идейном уровне боролись с социализмом, сколько с помощью террора разрушали структуры уже образованных рабочих организаций, физически уничтожая институты представительства наемных работников, а также брали под контроль СМИ. К фашистским организациям примыкали не только идейные фашисты, но и все те, кто так или иначе был недоволен рабочим движением: малые и средние предприниматели, арендодатели, преступный элемент. Складывалась ситуация, при которой недовольные своим положением ветераны, реваншисты, маргинальные группы поставляли человеческий ресурс, а ведущие предприятия – финансы. Успехи фашистских групп по уничтожению рабочих организаций и объединений оказались крайне результативными, из-за чего они получили еще большую финансовую поддержку [14, с. 92; 15, р. 58]. При этом государственная власть никак не противостояла действиям фашистских групп, т.к. представители государственного аппарата симпатизировали цели по удушению рабочего движения [14, с. 92; 16, с. 9].

Вместе с тем сами представители крупного бизнеса обращались к государству с просьбой усилить борьбу с рабочим движением. Так, в 1920 г. Конфедерация итальянских промышленников требует искоренить мечтания рабочих о коммунистическом рае [17, р. 35].

Важно отметить, что в своих речах фашисты, нацисты, милитаристы используют популистскую, пронародную риторику. Иногда они даже заимствуют

³ Statistica delle elezioni generali politiche per la XXV legislature (16 novembre 1919). Roma. Stabilimento poligrafico per l'amministrazione della guerra, 1920. P. LVI.

требования левых сил: сокращение рабочего дня, повышение уровня минимальной зарплаты, рабочий контроль на предприятиях, снижение пенсионного возраста⁴. Однако по факту слова будут расходиться с делом. Политический оттенок речей и заявлений менялся в зависимости от политической конъюнктуры и социального заказа со стороны спонсоров. Так, Итальянский союз борьбы (организация, созданная Б. Муссолини в 1919 г.) в числе прочего в программном Манифесте от 06.06.1919 предлагал:

- создание советов на производственных предприятиях, которые будут избираться рабочими коллективами с возможностью правотворчества и права избирать генерального комиссара с министерскими полномочиями;
- установление восьмичасового рабочего дня;
- установление минимального размера заработной платы;
- участие представителей трудовых коллективов в управлении предприятием;
- легальное признание рабочих организаций, выполняющих представительские функции;
- снижение пенсионного возраста до 55 лет;
- установление прогрессивной системы налогообложения;
- национализацию 85 % военных прибылей предприятий военно-промышленного комплекса;
- социализацию необрабатываемой сельскохозяйственной земли⁵.

Таким образом, программный документ организации, созданной лидером фашистов, еще в 1919 г. мог включать в себя требования социальной справедливости. Конечно, отсутствующее описание методов достижения поставленных целей делает этот документ популистским, но внешне он соответствует интересам рабочих. Тем не менее подобные лозунги не мешали Итальянскому союзу борьбы открыто противопоставлять себя коммунистам и социалистам [18, р. 33–34].

Все кардинально изменилось уже к 1921 г. Пришли деньги от напуганных «Красным двухлетием» предпринимателей, изменилась повестка программных документов организации, возглавляемой Б. Муссолини. Программа Национальной фашистской партии Италии от 1921 г. вместе с прочим провозглашала принципы:

- восьмичасовой рабочий день, который мог быть произвольно продлен в силу сельскохозяйственных и промышленных нужд – данным пунктом по сути полностью ликвидировалась гарантия разумной продолжительности рабочего времени, поскольку, как будет видно далее, эти хозяйственные нужды будут определяться монополистическими образованиями самих предпринимателей (п. 1 разд. *Корпорация*);

- представителем рабочих и служащих является корпорация, а не независимые профсоюзы – наемные работники лишаются возможности проявления собственной инициативы в деле защиты своих прав (п. 3 разд. *Корпорация*);

- не только управление промышленностью, но и контроль за общественными обязанностями передается в ведение частных синдикальных организаций, которые окажутся благонадежными в моральном отношении – государство делегирует часть функций частным объединениям промышленников, фактически слагая с себя роль независимого посредника между работодателями и наемными работниками, хотя формально данная функция декларировалась; при этом сами рабочие были полностью лишены возможности проявлять инициативу (п. 4 разд. *Корпорация*);

- внешнеполитический курс на региональную средиземноморскую экспансию Италии – как и перед Первой мировой войной политическая и экономическая элиты рыночного государства не оставляют надежд на завоевание новых рынков сбыта и источников ресурсов (абз. 1 разд. *Внешняя политика*);

- внешнеполитический курс на борьбу с коммунистическим интернационалом – это характеризует фашизм как полярную коммунизму идеологию (абз. 3 разд. *Внешняя политика*);

- ревизия Версальской системы международных отношений, послевоенного устройства Европы и проявление интереса к дружественным отношениям со странами Востока – итальянских фашистов и их спонсоров крайне не устраивали микроскопические приобретения по результатам Первой мировой войны (абзацы 4, 5, 6 разд. *Внешняя политика*);

- охрана и развитие итальянских интересов в других странах поручается армии и флоту (абз. 7 разд. *Внешняя политика*);

- требование о предоставлении всех сведений о доходах, наследстве и имуществе физических лиц (но не организаций!) в целях осуществления контроля над финансовыми обязательствами всех граждан по отношению к государству – фашистское государство не только ограничивает рабочих в правах, но и не забывает о налоговых обязательствах граждан (пп. 3 п. 1 разд. *Финансовая и экономическая политика*);

- партия претендует на контроль над государственным бюджетом и утверждение принципа сокращения государственных расходов – курс на сокращение государственных расходов одновременно с приватизацией государственных предприятий, которая будет проводиться в будущем, существенно сужает спектр общественных благ для населения (пп. 1 п. 2 разд. *Финансовая и экономическая политика*);

⁴ Manifesto dei Fasci italiani di combattimento. *Il popolo d'Italia*. 06.06.1919.

⁵ Ibid.

- государство должно отказаться от возможных субсидий в пользу частного бизнеса – это окажется ложью; как будет сказано далее, фашистское государство проводило широкую политику по приватизации прибылей и социализации убытков (пп. 3 п. 2 разд. *Финансовая и экономическая политика*);

- взимание налогов по пропорциональной (плоской) шкале налогообложения, а не по принципу грабительской системы прогрессивного налога – утверждение одной из самых желанных для бизнеса систем налогообложения; пропорциональная система налога провозглашает принцип формального равенства, но фактически нивелирует перераспределительную функцию налога, т. к. полученные сверхприбыли будут сохранены крупнейшими предпринимателями в их собственности, а не переданы в форме общественных благ тем, кто реально вместе с предпринимателем создает экономические блага – наемным работникам, при этом не стоит забывать о намерении сокращения государственных расходов (пп. 4 п. 2 разд. *Финансовая и экономическая политика*);

- запрет выборности в работе общественного характера и забастовок на производстве – фашистское государство как огня боится самоорганизации своих граждан (п. 6 разд. *Финансовая и экономическая политика*; пп. а абз. 4 разд. *Социальная политика*);

- проведение приватизации ряда стратегических государственных предприятий (телефонных и телеграфных сетей, почты, железнодорожного транспорта) под предлогом неэффективного государственного управления ими – вначале субсидиям для частного бизнеса – нет, впоследствии приватизации целых предприятий – да (подпункты 8, 9 разд. *Финансовая и экономическая политика*);

- право частной собственности провозглашается почетным долгом, который общество в историческом процессе в силу экономического роста возложило на отдельных граждан – важный в идеологическом смысле пункт, возносящий частного собственника на пьедестал важнейшего члена общества⁶; весьма показательно, что раздел о социальной политике начинается с утверждения примата частной собственности (абз. 1 разд. *Социальная политика*);

- отказ от национализации капитала – важная гарантия, под которую партия получала свое финансирование от бизнеса (абз. 3 разд. *Социальная политика*);

- курс на борьбу с неграмотностью (п. 1); введение всеобщего обязательного образования до 6 класса школы (образование бесплатно только для малоимущих районов и только до 4 класса) (п. 2); строгая идеологизация образования (пункты 3, 4, 5, 9);

государственное финансирование высшего профессионального образования только для небольшой части способных учеников (п. 6) – столь ограниченная политика в области просвещения, рассмотренная в контексте указанных антисоциальных мер, позволяет утверждать, что развитие сферы образования было вызвано лишь необходимостью воспроизводства квалифицированной рабочей силы, а не заботой государства о качестве жизни своих граждан (разд. *Политика народного образования*)⁷.

Таким образом, программа Национальной фашистской партии Италии за два года приобрела более конкретный характер, основные принципы стали выражены гораздо детальнее. Вместе с этим из программы пропали практически все социальные гарантии: установление минимального размера оплаты труда, реальное ограничение рабочего дня восемью часами, рабочее представительство, снижение пенсионного возраста; прогрессивная система не просто вычеркнута, а названа грабительской; национализация средств производства заменена приватизацией. Всего двух лет и щедрого спонсирования хватило итальянским фашистам, чтобы изменить свои взгляды буквально на 180 градусов.

Фашизм, нацизм, милитаризм объединяло желание военной экспансии ради обогащения национальной экономики. Рабочее движение выступало за справедливый труд и мир. При этом пацифистская позиция рабочих рассматривалась их оппонентами как исключительно антипатриотическая. В связи с этим интересы крупного бизнеса и армии, даже отставных ветеранов, вернувшихся с Первой мировой войны, совпадали.

Фашизация государства и сокращение социальных гарантий

Как только фашистские организации получают достаточное финансирование, они укрепляют свою организационную структуру и обзаводятся милитаризованными отрядами, несущими службу на постоянной основе [18, р. 83]. Чернорубашечники – в Италии. Фрайкоры, штурмовики – в Германии. Мятежные военные части – в Испании.

В самые критические моменты, когда деятельность фашистских, нацистских и милитаристских негосударственных объединений достигает пика террористической активности, надежда на помощь народу со стороны государства тщетна. Органы государственной власти либо бездействуют при творимых преступлениях, либо симпатизируют им. Таким образом, государство перестает выполнять функцию арбитра в условиях нарастающего социального конфликта.

⁶ Можно предположить, что значимость человека для общества прямо пропорциональна объему его собственности.

⁷ Programma del Partito Nazionale Fascista del 09.11.1921. *InStoria – Rivista online di storia e informazione*. URL: http://www.instoria.it/home/programma_partito_nazionale_fascista.htm (accessed 10 Sep 2022).

В условиях атомизации общества народ абсолютно беззащитен перед террором фашизма без низовой самоорганизации населения.

В момент кульминации конфликта государство полностью уступает единой воле крупнейших предпринимателей и фашистских организаций. Так, при «Походе на Рим» в 1922 г. коалиция промышленников на совместных консультациях сначала вынудила правительство уступить требованиям фашистов, а затем убедил короля Италии назначить Б. Муссолини премьер-министром и сформировать новое правительство. При этом крупнейшее объединение предпринимателей и промышленников поддерживало приход к власти Б. Муссолини и новое фашистское правительство; предприниматели стали уже открыто и публично заявлять о заинтересованности в политике [17, р. 51].

Для фашистских режимов характерна политика по перекалыванию бремени издержек частного бизнеса на государственный бюджет. Государство субсидировало, выкупало по завышенным ценам доли частных компаний, переживающих период пониженной рентабельности. Делалось это под предлогом сохранения рабочих мест и недопущения разорения товаропроизводителя. Однако дотируемые предприятия направляли полученные средства на выплаты дивидендов частным акционерам и высоких зарплат управленцам, а также использовали их для развития иных и без того прибыльных предприятий [18, р. 103].

Не приносили пользы Италии и те акционерные общества, в которых государство оставалось мажоритарным акционером. Поступления от дивидендов государству – держателю акций – были минимальные, большая часть дохода уходила на зарплату и премии управленцам, которые по совместительству являлись частными держателями акций [19, с. 89]. Сложился эффективный механизм, с помощью которого частный бизнес получал серьезную финансовую помощь от государства и оставлял подавляющую часть прибыли себе.

Фашистское правительство принимало непосредственное участие в создании этого механизма. Создаются частные организации с государственным участием, главной целью которых являлось распределение профицита государственного бюджета между крупнейшими частными предприятиями. Среди таких организаций были «Консорциум по субсидированию промышленных предприятий», «Институт реконструкции промышленности» [20, р. 403]. С помощью указанных организаций государство приобретало доли и акции убыточных промышленных и банковских организаций, проводило санацию и вновь передавало эти доли в руки частных собственников [21, р. 58–60]. Несмотря на возмездный характер приватизации, затраты государственного бюджета на оздоровление частных предприятий в разы превышали доход

от приватизации. К тому же государство, будучи собственником крупных долей коммерческих организаций, не занималось их управлением. Государственные ревизоры осуществляли преимущественно контрольные функции, в то время как руководили организациями те же управленцы, что и до выкупа государством долей [16, с. 194].

Таким образом, фашистский режим до начала внешней экспансии, захвата территории и рынков других стран ставит собственное население – наемных работников страны, которые составляют подавляющее большинство граждан, в максимально зависимое положение. Например, в первой половине 1920-х гг. количество банковских операций и чистая прибыль частных предприятий Италии удвоились, а меры правительства по сдерживанию инфляции, проводимые в это же самое время, понизили реальный доход населения, усилили социальное неравенство [22, р. 194].

Характерной чертой фашизма в рамках концепции вождизма является построение жестко централизованного государственного аппарата. Принцип строгой вертикали власти становится доминирующей тенденцией в государственном строительстве. Но не стоит забывать об огосударствлении объединений предпринимателей, об их финансировании фашистов. Это позволит лучше понять, в чьих интересах создавался такой сверхцентрализованный аппарат.

Сделаем вывод о наличии неопровержимой причинно-следственной связи между следующими фактами:

1. Крупному бизнесу требуются защита от рабочего движения и удовлетворение желания провести экономическую экспансию за пределами национальных границ. В то же время осознается невозможность достижения этих целей исключительно методами экономической конкуренции.

2. Представители крупнейших частных производственных и финансовых предприятий начинают активную поддержку правых политических сил. Делается это для защиты от рабочего движения на текущий момент времени и для начала экспансии за пределы государства на перспективу.

3. Крайне правые фашистские партии при финансовой поддержке предпринимателей приходят к власти. Подавляется рабочее движение. Начинается процесс фактического наделения коммерческих структур публичной властью и их преобразование в государственные органы через корпоративную систему.

4. Упрочив свое положение внутри страны, политическая и экономическая элиты государства начинают захватническую войну. С началом войны частный бизнес получает обильные государственные заказы, приток бесплатной рабочей силы, возможность присвоения капитала конкурентов и новые рынки сбыта на оккупированных и подконтрольных территориях.

Заклучим, что перспектива большой и крупной захватнической войны или опосредованного участия в ней является изначальной целью промышленной и финансовой элит страны с развитой рыночной экономикой.

Корпоративное государство как наиболее рентабельная бизнес-модель

Фашистский режим провозглашал создание общества нового типа, в котором государство станет справедливым арбитром в отношениях между наемными работниками и работодателями. Заявлялось о создании альтернативы системам, где в экономических отношениях господствуют либо исключительно предприниматели, либо рабочие – т. н. «Третий путь» [16, с. 79].

На практике же государство всецело заняло сторону крупного бизнеса. Согласно королевскому Указу-Закону № 413 от 11.03.1926 «О дисциплине создания и увеличения капитала акционерных обществ»⁸, запрещалось создание акционерных обществ с уставным капиталом более 5 млн лир, а для укрупнения уже существующих требовалось особое разрешение правительства. Эта мера препятствовала росту большего числа предприятий, тем самым защищала крупный бизнес от появления конкуренции на внутреннем рынке и являлась ярким примером ориентации государства на защиту интересов монополий. Италия стала первопроходцем в построении корпоративно-монополистической системы.

Королевский Закон № 563 от 03.04.1926 «О правовой дисциплине коллективных трудовых отношений»⁹ вводил уголовное преследование участников забастовок; все споры в трудовых правоотношениях подлежали разрешению в специализированном Трудовом суде; создавались конфедерации, представлявшие интересы работодателей и работников. В конфедерации работодателей вошли уже ранее созданные по собственной инициативе объединения предпринимателей, что выводило эти объединения на более высокий уровень институализации. При этом самостоятельно создаваемые работниками объединения и профсоюзы были запрещены, рабочих принуждали вступать в созданные фашистской бюрократией профсоюзные организации, которые и входили в конфедерации работников. Иные формы правового взаимодействия между работниками и работодателями были запрещены: все отношения должны были складываться исключительно в рамках корпоративной системы.

Предприниматели в лице именно крупного бизнеса получили через конфедерации работодателей возможность самостоятельно и активно защищать свои интересы. Наемные работники были абсолютно лишены такой возможности, поскольку в конфедерации работников вошли только фашистские профсоюзы, полностью подконтрольные государству и сотрудничающие с крупным бизнесом еще с начала 1920-х гг. Работников принуждали вступать в фашистские профсоюзы, но проявление инициативы было запрещено. Главы фашистских профсоюзов сами через систему конфедераций договаривались с работодателями. Выработанные в этом взаимодействии коллективные трудовые договоры становились общеобязательными для целых отраслей экономики.

Итак, правовая система корпоративного государства не предусматривала легальной возможности работников самостоятельно вести коллективные переговоры, а работодателям была предоставлена широчайшая свобода действий.

В дальнейшем конфедерации будут реорганизованы в корпорации. Этот обновленный формат позволял крупнейшим предпринимателям контролировать рынок промышленности, финансов и аграрный сектор практически полностью. Например, создать новое предприятие с уставным капиталом свыше установленного максимума или расширить уже существующее предприятие было возможно только с одобрения совета соответствующей отраслевой корпорации. В состав совета входили представители крупнейших предприятий, в интересах которых было продолжение курса по монополизации рынка. С одной стороны, такой подход в формировании корпоративной системы защищал интересы крупного бизнеса, с другой – способствовал разорению средних и малых предприятий и переходу этой группы предпринимателей в состав наемной рабочей силы [23]. В результате прибыль ведущих предприятий в различных отраслях промышленности выросла от полутора до пяти раз, а также произошло сокращение рыночной капитализации и разорение средних и малых предприятий [24, с. 283–284].

Законом короля Италии № 834 от 16.06.1932 «О консорциумах между предприятиями одной отрасли»¹⁰ предписывалось всем предприятиям, еще не состоящим в конфедерациях работодателей, вступить в них. Не вступившие в конфедерации производственные организации подлежали ликвидации. Решение о вступлении принималось голосованием

⁸ Disciplina della costituzione e degli aumenti di capitale delle Società per azioni. Regio Decreto-Legge No 413 del 11.03.1926. *Gazzetta Ufficiale del Regno d'Italia*. 16.03.1926. N. 62. P. 1196. URL: <https://www.gazzettaufficiale.it/eli/gu/1926/03/16/62/sg/pdf> (accessed 11 Oct 2022).

⁹ Disciplina giuridica dei rapporti collettivi del lavoro. Legge No 563 del 03.04.1926. *Gazzetta Ufficiale del Regno d'Italia*. 14.04.1926. No 87. P. 1590–1593. URL: <https://www.gazzettaufficiale.it/eli/gu/1926/04/14/87/sg/pdf> (accessed 16 Oct 2022).

¹⁰ Disposizioni riguardanti la costituzione ed il funzionamento di Consorzi fra esercenti uno stesso ramo di attività economica. Legge No 834 del 16.06.1932. *Gazzetta Ufficiale del Regno d'Italia*. 25.07.1932. No 170. P. 3478–3479. URL: <https://www.gazzettaufficiale.it/eli/gu/1932/07/25/170/sg/pdf> (accessed 21 Oct 2022).

представителей каждой отрасли, но в силу того, что большинство голосов было сосредоточено у крупных предприятий, итог был очевиден. Это ликвидировало организационную самостоятельность среднего и малого бизнеса, встраивало его в систему, созданную в интересах крупного бизнеса. Вместе с тем конфедерации работодателей получали ряд функций, свойственных государству: лицензирование, контроль за ценообразованием и др.

Усилился процесс сращивания государственного аппарата с частным бизнесом. Около половины депутатов итальянского парламента являлись кадровыми менеджерами в крупных акционерных обществах [25, с. 89]. Это напрямую отразилось на смысле и содержании принимаемых нормативно-правовых актов.

Заключение

Выводы о правовых, социальных, политических, экономических проявлениях итальянского фашизма:

1. Фашизм националистичен и рождается в социальных группах консервативного толка, при этом он может являться одной из множества существующих идеологий. Однако лидирующее место на политическом поле фашизм захватывает исключительно с помощью финансов крупного бизнеса.
2. Фашизм является альтернативным ответом крупного бизнеса на развивающееся рабочее движение.
3. Риторика фашистских политических партий и политических организаций внешне может содержать обещания социальной справедливости, но при этом данные заявления не содержат никакой конкретики и в будущем не будут реализованы.
4. Процесс утверждения фашистского режима в государстве всегда сопровождается отзывом социальных гарантий у населения и ростом социального неравенства.
5. Фашистские партии и организации всегда тесно связаны с крупным бизнесом и поэтому отстаивают именно его интересы. При получении фашистами государственной власти это проявляется в издании законов, создающих режим наибольшего благоприятствования для крупнейших предпринимателей; в подавлении или почти полном контроле над деятельностью профсоюзов; в уничтожении практически любых форм самоорганизации наемных работников; в атомизации общества.
6. Первой жертвой фашистов становится собственное население той страны, в которой утверждается данный режим, что выражается в падении

реальных доходов населения при росте прибыли крупного бизнеса; в насилии над гражданами сначала негосударственных силовых группировок, а затем над органами исполнительной власти; в необоснованных и несправедливых приговорах органов судебной власти.

7. Публичное отрицание противоречий и конфликта интересов между наемными работниками и работодателями при фактическом отстаивании интересов предпринимателей и лишении работников легальной возможности защиты своих интересов.
8. Жестокое подавление политических сил, реально выступающих за социальное равенство.
9. Желание экономического и политического захвата новых территорий для получения доступа к ресурсам и рынкам сбыта.
10. Государство позиционирует себя посредником, стоящим на основах солидаризма между социальными классами. Однако на деле государство крепко связано с интересами олигархии.
11. Люди и рабочие в фашистских государствах воспринимаются просто ресурсом. С правами своего населения можно не считаться и использовать этот ресурс только ради максимизации прибыли. Если своих рабочих рук не хватает, то можно воспользоваться трудовой миграцией, хоть это и ухудшает положение граждан государства.
12. Право становится максимально реакционным механизмом, нормативно-правовые акты отражают те тенденции общественного развития, которые уже сложились в обществе к моменту принятия нормативного документа.
13. Страна превращается в одну большую корпорацию, чья деятельность направлена на удовлетворение интересов нации, что в фашистском государстве равно интересам олигархии. Такая система удерживает общество и экономику в строгих рамках корпоративной структуры, не допуская никакой формы самоорганизации общества.
14. Фашистская власть публично позиционирует себя как антимарксистской, так и антикапиталистической. Фактически она базируется на сверхмонополизированном рынке.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Семёнова Л. Н. Заказчики и бенефициары Первой мировой войны. *Первая мировая война и становление Версальско-Вашингтонской системы международных отношений*: Междунар. науч.-практ. конф. (Витебск, 18–20 октября 2018 г.) Витебск: ВГУ, 2018. С. 11–15. [Semenova L. N. Customers and beneficiaries of World War I. *World War I and the formation of the Versailles-Washington system of international relations*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Vitebsk, 18–20 Oct 2018. Vitebsk: VSU, 2018, 11–15. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ywpwxh>
2. Поливанов Я. М. К вопросу о причинах Первой мировой войны: политико-дипломатические аспекты. *Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова*. 2015. Т. 21. № 3. С 32–36. [Polivanov Ya. M. To a question on the reasons of the World War I: political and diplomatic aspects. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova*, 2015, 21(3): 32–36. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ucktcv>
3. Григорьева И. В. Италия в XX веке. М.: Дрофа, 2006. 256 с. [Grigoreva I. V. Italy in XX century. Moscow: Drofa, 2006, 256. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qpchnl>
4. Китс Д. История Италии. М.: Астрель, 2012. X+246 с. [Keates J. *The history of Italy*. Moscow: Astrel, 2012, X+246. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qpxxzr>
5. Ридли Д. Муссолини. М.: АСТ, 1999. 446 с. [Ridley J. *Mussolini*. Moscow: AST, 1999, 446. (In Russ.)]
6. Guerin D. *Fascism and big business*. 17th print. NY-London-Montreal-Sydney: Pathfinder, 2016, 421.
7. Schiavi A. I guadagni e le perdite dei partiti nelle elezioni politiche del 1913. *La riforma sociale. Rivista critica di economia e di finanza*, 1914, anno XXI, vol. XXV, 431–475.
8. Канделоро Д. Профсоюзное движение в Италии. М.: Изд-во иностр. лит., 1953. 152 с. [Candeloro G. *The trade union movement in Italy*. Moscow: Izd-vo inostr. lit., 1953, 152. (In Russ.)]
9. Payne S. G. *A history of fascism, 1914–1945*. Madison: University of Wisconsin Press, 1995, 628.
10. Mack Smith D. *Modern Italy: a political history*. New Haven-London: Yale University Press, 1997, 534.
11. Дамье В. В. История анархо-синдикализма: краткий очерк. 2-е изд., испр. и доп. М.: ЛИБРОКОМ, 2010. 152 с. [Damier V. V. *History of anarcho-sindicalism: a brief essay*. 2nd ed. Moscow: LIBROKOM, 2010, 152. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qvndpl>
12. Snowden F. M. *The fascist Revolution in Tuscany, 1919–1922*. Cambridge-NY: Cambridge University Press, 1989, XII+295. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511599590>
13. Felice R. D. *Storia degli ebrei italiani sotto il fascismo*. 4a ed., riv. e ampliata. Torino: Einaudi, 1988, XX+647.
14. Алатари П. Происхождение фашизма. М.: Изд-во иностр. лит., 1961. 462 с. [Alatri P. *The origin of fascism*. Moscow: Izd-vo inostr. lit., 1961, 462. (In Russ.)]
15. Matteotti G. *The fascisti exposed a year of fascist domination*. London: Independent Labour Party Publication Department, 1924, XI+128.
16. Лопухов Б. Р. История фашистского режима в Италии. М.: Наука, 1977. 296 с. [Lopukhov B. R. *History of the fascist regime in Italy*. Moscow: Nauka, 1977, 296. (In Russ.)]
17. Rossi E. *Padroni del vapore e fascismo*. 1a ed., riv. e ampliata. Bari: Laterza, 1966, 355.
18. Milza P., Berstein S. *Le fascisme italien: 1919–1945*. Paris: Éditions du Seuil, 1980, 434.
19. Слободской С. М. Итальянский фашизм и его крах. М.: ОГИЗ; Госполитиздат, 1946. 207 с. [Slobodskoi S. M. *Italian fascism and its collapse*. Moscow: OGIz; Gospolitizdat, 1946, 207. (In Russ.)]
20. Saraceno P. *Il sistema delle imprese a partecipazione statale nell'esperienza italiana*. Milano: Giuffrè, 1975.
21. James H., Kevin H. O'Rourke. Italy and the first age of globalization, 1861–1940. *The Oxford handbook of the Italian economy since unification*, ed. Toniolo G. NY: Oxford University Press, 2013, 37–68. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199936694.013.0002>
22. Grifone P. *Il capitale finanziario in Italia: la politica economica del fascismo*. 2a ed. Roma: Einaudi, 1971, 233.
23. Баран В. И., Баран Е. П. Количественные показатели уровня монополизации рынка. *Вестник Российского университета кооперации*. 2014. № 2. С. 112–116. [Baran V. I., Baran E. P. Quantitative indicators level of monopolization. *Vestnik Rossijskogo universiteta kooperatsii*, 2014, (2): 112–116. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/sjiugd>
24. Серени Э. Фашистская политика войны в области сельского хозяйства. In: Серени Э. *Аграрный вопрос в Италии: итальянское крестьянство в борьбе за демократию*. М.: Изд-во иностр. лит., 1949. С. 280–318. [Sereni E. Fascist war policy in agriculture. In: Sereni E. *Agrarian question in Italy: Italian peasantry in the struggle for democracy*. Moscow: Izd-vo inostr. lit., 1949, 280–318. (In Russ.)]
25. Лопухов Б. Р. Фашистское государство и монополии. *История фашизма в Западной Европе*, отв. ред. Г. С. Филатов. М.: Наука, 1978. С. 87–91. [Lopukhov B. R. Fascist state and monopolies. *History of fascism in Western Europe*, ed. Filatov G. S. Moscow: Nauka, 1978, 87–91. (In Russ.)]

оригинальная статья

Символизация судебного пространства как историко-правовой феномен

Лонская Светлана Владимировна

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия, Калининград

<https://orcid.org/0000-0002-0500-6132>

SLonskaya@kantiana.ru

Поступила 29.06.2023. Принята после рецензирования 19.07.2023. Принята в печать 19.07.2023.

Аннотация: Поставлена проблема научного осмысления символизации судебного пространства как историко-правового феномена. Методологическую основу исследования составили пространственный подход к явлениям социальной реальности и феноменолого-коммуникативное понимание пространства как объектно-субъектного взаимодействия. Дано описание происхождения и использования в научном обороте терминов *судебное пространство* (*judicial space*) и *пространство правосудия* (*space of justice*). Предложены авторские определения судебного пространства и его символизации. Особое внимание уделено многомерности судебного пространства, в его структуре выделены и определены физическое, социальное (пространство статусов) и ментальное судебные подпространства. Отмечена высокая степень символизма и ритуальности судебной деятельности, на историко-правовых примерах рассмотрено влияние символизации на конструирование судебных подпространств. Сделан вывод о том, что символизация судебного пространства как историко-правовой процесс и фактор, детерминирующий ход исторической памяти, является частью предмета историко-правовой науки. Определено, что исследование историко-правовых аспектов символизации судебного пространства будет наиболее продуктивным в рамках таких научно-исследовательских программ, как юридическое источниковедение, правовая иконография, правовая семиотика, нарративная юриспруденция.

Ключевые слова: история государства и права, суд, судебное пространство, пространство правосудия, символ, символизация, юридическое источниковедение, правовая иконография, правовая семиотика, нарративная юриспруденция

Цитирование: Лонская С. В. Символизация судебного пространства как историко-правовой феномен. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки*. 2023. Т. 7. № 3. С. 359–365. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-3-359-365>

full article

Symbolization of Judicial Space as a Historical and Legal Phenomenon

Svetlana V. Lonskaya

Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia, Kaliningrad

<https://orcid.org/0000-0002-0500-6132>

SLonskaya@kantiana.ru

Received 23 Jun 2023. Accepted after peer review 19 Jul 2023. Accepted for publication 19 Jul 2023.

Abstract: Symbolic judicial space is a historical and legal phenomenon. The spatial approach to social phenomena offers a phenomenological and communicative understanding of space as an object-subject interaction. The author described the origin and use of such terms as *judicial space* and *space of justice* in scientific circulation to compile a new definition of judicial space and its symbolization. Judicial space is multidimensional in its structure, which can be subdivided into physical, social, and mental judicial subspaces. Judicial activity has a high degree of symbolism and rituality, which can be supported by a number of historical and legal examples. The symbolization of judicial space is a historical and legal process that determines the course of historical memory. In this aspect, it is a subject of historical and legal science, e.g., legal source studies, legal iconography, legal semiotics, and narrative jurisprudence.

Keywords: history of state and law, court, judicial space, space of justice, symbol, symbolization, legal source studies, legal iconography, legal semiotics, narrative jurisprudence

Citation: Lonskaya S. V. Symbolization of Judicial Space as a Historical and Legal Phenomenon. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2023, 7(3): 359–365. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-3-359-365>

Введение

В последние десятилетия в методологии социогуманитарных исследований достаточно активно применяется пространственный подход. С одной стороны, он универсален и может рассматриваться как общенаучный. Однако в отдельных дисциплинарных и междисциплинарных исследованиях «пространство» нуждается в дополнительном онтологическом обосновании, поскольку отраслевых, специализированных пространств в зависимости от исследовательской задачи может быть много: концептом *пространство* как исследовательским инструментом мы конструируем и познаем социальную реальность, которая многомерна.

Постепенно осваивать пространственный подход стали и в юриспруденции. Правоведы посвящают свои исследования своеобразному «пространственному повороту» (см., например, [1]), подобно лингвистическому, антропологическому, цифровому и иным поворотам на извилистом пути науки. Библиография в русле пространственного подхода, как отечественная, так и зарубежная, довольно обширна. Остановимся только на одном аспекте этого направления – исследовании судебного пространства (пространства правосудия).

Термин *judicial space* (*судебное пространство*) мы можем, пожалуй, впервые встретить в книге французского философа и социолога М. Хальбвакса «Социальная морфология» (в английском переводе – «Народонаселение и общество: введение в социальную морфологию» [2]). Первоисточник был опубликован в 1938 г., перевод – в 1960 г. «В каждой стране, – пишет М. Хальбвакс, – есть что-то вроде военного пространства, судебного пространства и фискального пространства. Каждое делится на районы с главными, второстепенными и строго местными центрами»¹ [2, р. 58].

Более прочно термин *judicial space* вошел в англоязычный научный оборот с конца 1970-х гг. и использовался в посвященных судебной архитектуре исследованиях о том, как организовано физическое (материальное, вещественное) пространство судебной деятельности [3].

Примерно с середины 1990-х гг. термины *judicial space* и аналогичный ему *space of justice* (*пространство правосудия*) стали активно применяться для научной характеристики европейских (и не только) интеграционных процессов в значении «вопросы правового сотрудничества по гражданским делам, основанного на принципе взаимного признания судебных и внесудебных решений» [4, с. 92]. Причем термин *space of justice* используется в нормативных актах Европейского союза, что обуславливает его высокую частотность в доктринальных и иных текстах, хотя

и уступающую *judicial space* (в этом, например, можно убедиться, получив данные из Google Ngram Viewer²).

Оба направления (судебная архитектура и интеграционные процессы) продолжают развиваться и ныне. Но в начале текущего столетия в рамках пространственного подхода произошел переход на уровень фундаментальных теоретических обобщений. За рубежом были изданы несколько работ, заложивших основы пространственного исследования судебной деятельности [5–7].

В отечественном правоведении, в отличие от других отраслей социогуманитарного знания, пространственный подход до последнего времени не получал должного внимания, но в последние годы ситуация меняется. С середины 2010-х гг. появился ряд исследований, оперирующих концептами *судебное пространство* или *пространство правосудия*: в области судебной архитектуры, в том числе в историко-правовом ключе [8–11], в области интеграционной проблематики [12–14]. В теоретической плоскости вопрос онтологического статуса судебного пространства и применения пространственного метода в юридических исследованиях остается малоизученным (см. [15; 16]).

Судебную деятельность с древнейших времен отличают ритуальность и символизм. Роль знака, символа, ритуала в конструировании социальной реальности, в том числе судебной, вошла в круг интересов многих исследователей [17–22]. В то же время проблемы выяснения влияния знаковых систем на конструирование правовой реальности, в том числе судебного пространства, еще далеко не исчерпаны.

В настоящем исследовании символизация судебного пространства рассматривается как историко-правовой феномен, изучаемый юридической наукой. Дано определение судебного пространства и его символизации, описана структура судебного пространства, рассмотрено влияние символизации на конструирование судебного пространства в статике и динамике и сделаны предположения, в направлении каких научно-исследовательских программ может продвигаться юридическая наука в изучении этого феномена.

Методы

Исследование опирается на методологию пространственного подхода применительно к явлениям социальной реальности (судебная деятельность) и прежде всего на феноменолого-коммуникативное понимание пространства как объектно-субъектного взаимодействия, в котором, по выражению Г. Д. Костинского, «пространство телесных вещей должно сопрягаться с пространством мысли» [23, с. 18].

¹ Здесь и далее перевод выполнен автором статьи.

² Google Ngram Viewer. URL: https://books.google.com/ngrams/interactive_chart?content=space+of+justice,+judicial+space&year_start=1800&year_end=2019&corpus=en-2019&smoothing=3 (accessed 3 Jun 2023).

Теоретико-методологической основой исследования послужили главным образом работы по теории социального и ментального пространства (М. Хальбвакс, П. А. Сорокин, П. Бурдьё, Ж. Фоконье), коммуникативной теории права (А. В. Поляков).

Судебное пространство

Чтобы описать судебную деятельность во всем ее многообразии, термин *судебное пространство*, как представляется, более предпочтителен, чем термин *пространство правосудия*. Не углубляясь в дискуссию о соотношении судебной деятельности и правосудия, отметим, что разделяем точку зрения, что судебная деятельность по объему шире правосудия.

Исследователи Л. Дальберг [24] и Е. Л. Хардман [25] определяют судебное пространство как площадку, на которой разрешаются конфликты между членами общества. Такой подход, полагаем, также не охватывает всю судебную деятельность, не сводимую только к разрешению конфликтов. Равно как и разрешение конфликтов правовым путем несводимо только к суду. Оказаться в судебном пространстве субъект может и вне связи с конфликтом: например, с учебной (на практике или стажировке), информационной (как посетитель, присутствующий в открытом судебном заседании) и подобной целями.

С нашей точки зрения, судебное пространство – это форма организации судебной деятельности, которая реализуется в определенных пространственно-временных рамках (хронотопе). Концепт хронотопа позволяет рассматривать судебное пространство и как явление с пространственными характеристиками, и как историческое (историко-правовое) явление, развивающееся во времени. Хронотоп – основание для выделения уровней судебного пространства (общий, локальный), типичного и уникального в судебном пространстве, периодизаций и классификаций судебного пространства (например, доимперское, имперское, постимперское).

Пространственный аспект судебной деятельности мы предлагаем рассматривать как место объектно-субъектного взаимодействия, обладающее признаком многомерности: судебное пространство состоит из подпространств. Когда М. Хальбвакс упомянул в своем научном труде судебное пространство, он определенно привязал его к территории (пространственный подход – один из ключевых в его теории): «Правосудие живет не только в судах; оно проявляет свое незримое присутствие во всей их юрисдикции. Таким образом, судья и судимый связаны отношениями, включающими всех жителей региона, поскольку они подчиняются его законам» [2, р. 60]. Физический смысл пространства, каким он представляется в естественных науках и переносится затем в социогуманитаристику, и заключается именно в характеристиках протяженности, объема, положения

одних тел по отношению к другим телам, что в целом создает обобщенное понятие места. Вот – судебный участок в определенных границах, вот – здание суда, вот – зал судебного заседания с местами для судьи, истца и ответчика. Все это составляет физическое судебное подпространство.

Но в отношении судебной деятельности мы имеем дело не только с физическими неодушевленными объектами (территория, вещи, их расположение). Судебное пространство – это еще и социальное пространство; в нем оказываются еще и субъекты – люди, наделенные сознанием и волей. Они действуют в этом пространстве, меняют его, меняются вместе с ним.

Социолог П. Бурдьё определял социальное пространство как структуру рядоположенности социальных позиций агентов и отношения между социальными позициями [26, с. 49–50]. Физическое пространство, по П. Бурдьё, – это социальная конструкция и проекция социального пространства, социальное пространство объективируется и реализуется в физическом [26, с. 52–53]. Территория под юрисдикцией суда, зал судебных заседаний с расставленными (развешенными) символами правосудия, судейские кресла, скамья подсудимых, места для публики, расположение столов для представителей сторон, чтобы они оказывались лицом к лицу, комната для свидетелей и т. д. – все это мир объективных материальных сущностей (вещей, тел), в котором осуществляется судебная деятельность. Попадающий в этот мир субъект оказывается на своем заранее определенном месте в соответствии с нормативно установленным правовым статусом (судья, присяжный, подсудимый, адвокат, свидетель и т. д.). Поэтому социальное пространство можно назвать пространством статусов.

Поскольку субъекты наделены сознанием и волей, в их субъективном восприятии отражается физический мир. Еще Л. И. Петражицкий писал о ментальном измерении права и правовых явлений – императивно-атрибутивных переживаниях, правовых эмоциях [27, с. 83–86]. В конце XX в. в работах специалистов в области когнитивной науки Ж. Фоконье и М. Тернера концепт ментального пространства обоснован как пространство образов, смыслов, знаний, ценностей и иных явлений психической реальности [28; 29]. Ощутить на себе, как работает ментальное пространство, пришлось практически всем, кто так или иначе связан с судебной деятельностью, во время пандемии COVID-19. Физическое пространство зала судебного заседания благодаря онлайн-технологиям превратилось в виртуальное, дополняемое нашим воображением, а фон за спиной участников видеоконференции мог и вовсе превратить это пространство в симулякр. Тем не менее это не мешало участникам процесса соблюдать все необходимые нормы и выполнять соответствующие действия.

Таким образом, в структуре судебного пространства можно выделить следующие подпространства:

- физическое – мир объективных материальных существ, в котором осуществляется судебная деятельность;
- социальное (пространство статусов) – структура рядоположенности правовых статусов лиц, вовлеченных в судебную деятельность, и отношения между статусами;
- ментальное – субъективное отражение физического мира, в котором реализуются и проецируются смыслы, образы, знания, ценности, нормы судебной деятельности.

Означает ли это, что многомерность судебного пространства исчерпывается лишь этими тремя подпространствами? Думается, нет. В зависимости от исследовательских задач мы можем вводить и иные пространства (поля). Например, ограничивая предмет исследования, мы можем ввести дополнительно такие пространства, как имперское и российское. В итоге получим российское имперское судебные пространства как пространства судебной деятельности в пределах хронотопа Российской империи. Помимо своей многомерности, это пространство будет обладать и особыми характеристиками: оно ограничено территорией, временем, правом, а также дифференцированно (неоднородно и неравно), поскольку в условиях Российской империи различались, например, суды и статусы судей на основной территории и на окраинах.

Социолог П. А. Сорокин в своей теории социального пространства различал индивидов, их акты и проводники, которые передают действие актов от одного индивида к другому. Последние он называл проводниками социального взаимодействия [30, с. 82]. Насыщенность определенного пространства проводниками социального взаимодействия означает, по П. А. Сорокину, сокращение самого пространства [30, с. 320]. Проблема таких проводников интересна как минимум в двух аспектах: что служит проводниками социального взаимодействия в судебном пространстве, и как связаны эти проводники с эволюцией информационного обмена между субъектами (от невербального – к цифровому). Здесь требуются отдельные исследования, но представляется, что на роль одного из таких проводников с полным правом претендуют символы. На это указывает сама этимология слова *σύμβολον* (*symbolon*) – собирать, соединять. Когда-то у древних греков символом

назывались половинки разломанных черепков, соединив которые их обладатели могли узнать друг друга и убедиться в подлинности передаваемой информации³. Символы – это знаки, которые не только обозначают (обособляют) пространство, устанавливают в нем коммуникацию, но и конструируют пространство, делают его целостным.

Символизация судебного пространства

Для судебной деятельности характерна высокая степень символизма и ритуальности. Если применить к нашему случаю теорию интерактивных ритуалов Р. Коллинза [31, с. 67, 71], судебные ритуалы и мобилизованная в них судебная символика создают в судебном пространстве фокусы внимания, организуют судебное пространство, конструируют смыслы и среду, в которой протекает судебная деятельность, и формируют соответствующее поведение субъектов.

Ю. М. Лотман отмечал архаическую природу символа: «Символ никогда не принадлежит какому-либо одному синхронному срезу культуры – он всегда пронзает этот срез по вертикали, приходя из прошлого и уходя в будущее» [32, с. 192]. Поначалу, когда судебная функция только возникает, символы приходят из общих повседневных практик, и далее в процессе их (символов) освоения повседневные практики (ритуалы) трансформируются в правовые. На такую трансформацию обращает внимание Г. Б. Власова [17, с. 70].

На ранних этапах развития государственности превращение повседневных практик в правовые происходит, скорее всего, конвенционально. Так, целование креста – один из древнейших, основанных на христианской символике ритуалов. Применяемый как общепринятый в рамках судебной деятельности (и не только судебной, а шире – государственной) этот ритуал становится правовым и в то же время – универсальным, поскольку осуществляет свои функции для обособления и конструирования не только судебного пространства, но в целом пространства государственного управления. Со временем символы привносятся в судебные практики государством посредством правовых средств, уже целенаправленно формируя судебное пространство. Например, судебская присяга, впервые установленная в России Петром I в «Кратком изображении процессов или судебных тяжб»⁴ (гл. 1 ст. 13), знак судебской должности, введенный Судебными уставами 1864 г.⁵ (гл. 1 ст. 18), могут рассматриваться

³ Аверинцев С. С. Символ. *Краткая литературная энциклопедия*, гл. ред. А. А. Сурков. М.: Сов. энцикл., 1971. Т. 6: Присказка – «Советская Россия». Стб. 826–831. <https://www.elibrary.ru/xmbcmx>

⁴ Краткое изображение процессов или судебных тяжб. *Полное собрание законов Российской империи*: 1-е собр. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. V. С. 382–411.

⁵ Учреждение судебных установлений. *Судебные уставы 20 ноября 1864 года*. Б. м.: Б. и., 1864. С. 1–65.

не как универсальные, а как специальные символы и ритуалы, конструирующие социальное и физическое судебные подпространства (через обособление статуса судьи и создание фокуса внимания на его персоне) и ментальное судебное подпространство (через создание и артикулирование смыслов судебной деятельности). В приведенных примерах мы можем различить и типы символов, если подходить к этому вопросу с точки зрения источниковедения, не разделяя символ и знак: вербальные (текст присяги), невербальные (жест крестного знамения), вещественные (крест, судейский знак), изобразительные (изображение государственного герба на судейском знаке). В научной литературе мы можем встретить и иные классификации символов в праве [20, с. 115–117; 33, с. 42–43].

Символизация в социогуманитарной науке понимается в первую очередь как процесс. Символизация довольно подробно рассматривается психологами как процесс создания и освоения символов на уровнях общественного и индивидуального сознания соответственно [34]. Такой психологический аспект может быть интересен в контексте изучения эволюции ментального судебного подпространства, в котором иррациональное постепенно под влиянием различных исторических факторов и конкретных исторических событий уступает место рационализации. Однако как историко-правовой феномен символизация судебного пространства – это историко-правовой процесс, имеющий собственную структуру, содержание, механизмы, динамику. Именно они требуют изучения в рамках историко-правовой науки. В этом процессе сменяют друг друга не только ментальные ситуации, но и историко-правовые явления и события; процесс связан со всеми проявлениями правовой реальности (нормативной, социальной, культурной и т. д.) и конструируется (равно как и деконструируется, когда можно вести речь о десимволизации) различными инструментами.

Возвращаясь к фразе Ю. М. Лотмана о том, что символ, приходя из прошлого, уходит в будущее, нельзя не отметить важной роли символов в сохранении и передаче культурного кода и в целом исторической памяти. Создание, освоение и закрепление символов в общественном и индивидуальном

сознании, их сохранение (поддержание) – факторы, во многом определяющие динамику исторической памяти, в том числе и в ее правовом измерении. Все эти действия могут быть включены в понятие символизации.

На основе проведенного исследования судебного пространства и особенностей его символизации предложим следующее определение: символизация судебного пространства – это процесс создания, освоения и поддержания судебных символов в пределах судебного пространства.

Заключение

Символизация судебного пространства – неотъемлемая часть процесса эволюции судебной деятельности, историко-правовой процесс, который является частью предмета историко-правовой науки. Символизация – это и фактор, определяющий ход исторической памяти: ее сохранение, передачу, динамику.

С учетом того, что описываемый нами аспект предмета историко-правовой науки – особенный, его изучение должно осуществляться с помощью особых методов. Прежде всего, это источниковедческие методы, которые в свете источниковедческой парадигмы рассматривают символы как особые носители правовой информации, причем носители разного вида (например, вещественные и вербальные). Кроме того, это иконографический (иконологический) метод, который описывает, систематизирует и интерпретирует изобразительные (визуальные) источники. Самым естественным образом методы исследования выходят на такие научно-исследовательские программы, как юридическое источниковедение, правовая иконография, правовая семиотика, нарративная юриспруденция, в рамках которых будет, как представляется, наиболее продуктивным изучать историко-правовые аспекты символизации судебного пространства.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. McGinn T. A. J. *Judicial spaces in the Roman world – roland färber, römische gerichtsorte: räumliche dynamiken von jurisdiktion im imperium romanum (Vestigia: Beiträge zur alten Geschichte, Band 68)*. (Verlag C. H. Beck, München 2014). S. x + 418, Abb. 43. ISSN 0506-8010; ISBN 978-3-406-66669-8. EUR. 70. *Journal of Roman Archaeology*, 2017, 30: 649–653. <https://doi.org/10.1017/S104775940007447X>
2. Halbwachs M. *Population and society: introduction to social morphology*. Glencoe, Illinois: Free Press, 1960, 207.
3. Burns R. P. *100 court houses: a report on North Carolina's Judicial Facilities. Vol. 1: the statewide perspective: description, evaluation and design guidelines*. N. C. State Univ. School of Design, 1978, 227.

4. Войников В. В. Пространство свободы, безопасности и правосудия в системе права ЕС. *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. 2018. № 6. С. 91–97. [Voynikov V. V. The area of freedom, security and justice within the EU law system. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 2018, (6): 91–97. (In Russ.)] <https://doi.org/10.12737/art.2018.6.8>
5. Bablitz L. *Actors and audience in the Roman courtroom*. 1st ed. London-NY: Routledge; Taylor & Francis Group, 2007, 304. <https://doi.org/10.4324/9780203946770>
6. *Spaces of justice in the Roman world*, ed. de Angelis F. Leiden-Boston: Brill, 2010, XII, 434, illus.
7. Marrani D. *Space, time, justice: from archaic rituals to contemporary perspectives*. 1st ed. London-NY: Routledge; Taylor & Francis Group, 2017, 160. <https://doi.org/10.4324/9781315203249>
8. Давыдов В. Н. Генезис элементов судебного пространства. *Наука, образование и экспериментальное проектирование: Междунар. науч.-практ. конф. профессорско-преподавательского состава, молодых ученых и студентов*. (Москва, 4–8 апреля 2016 г.) М.: МАРХИ, 2016. Т. 1. С. 160–161. [Davydov V. N. Genesis of judicial space's elements. *Science, education and experimental design: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf. of Academia, Young Scientists, and Students*, Moscow, 4–8 Apr 2016. Moscow: MARCHI, 2016, vol. 1, 160–161. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/vjpagi>
9. Давыдов В. Н. Архитектура основных элементов судебного пространства. *Наука, образование и экспериментальное проектирование. Труды МАРХИ: Междунар. науч.-практ. конф.* (Москва, 4–8 апреля 2016 г.) М.: МАРХИ, 2016. С. 186–189. [Davydov V. N. Architecture of the basic elements of judicial space. *Science, education and experimental design. Proceedings of the Moscow Architectural Institute: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf.*, Moscow, 4–8 Apr 2016. Moscow: MARCHI, 2016, 186–189. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/yalmpj>
10. Давыдов В. Н. Предпосылки к формированию пространственной организации «храмов Юстиции» Нового времени в Европе XIX века. *Наука, образование и экспериментальное проектирование: Междунар. науч.-практ. конф. профессорско-преподавательского состава, молодых ученых и студентов*. (Москва, 3–7 апреля 2017 г.) М.: МАРХИ, 2017. Т. 1. С. 160. [Davydov V. N. Prerequisites for the spatial organization of the New Age Temples of Justice in Europe in the XIX Century. *Science, education and experimental design: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf. of the Teaching Staff, Young Scientists and Students*, Moscow, 3–7 Apr 2017. Moscow: MARCHI, 2017, vol. 1, 160. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/yonhqf>
11. Аргунов А. В. Пространство правосудия в Средние века. *Вестник гражданского процесса*. 2020. Т. 10. № 3. С. 142–169. [Argunov A. V. The space of justice in the Middle Ages. *Vestnik grazhdanskogo protsessa*, 2020, 10(3): 142–169. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24031/2226-0781-2020-10-3-142-169>
12. Войников В. В., Энтин М. Л. К 20-летию пространства свободы, безопасности и правосудия ЕС. *Современная Европа*. 2019. № 4. С. 5–16. [Voynikov V. V., Entin M. L. 20 years of the EU's area of freedom, security and justice. *Sovremennaya Evropa*, 2019, (4): 5–16. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15211/soveurope420190515>
13. Войников В. В. Правовое регулирование Европейского пространства свободы, безопасности и правосудия. Калининград: БФУ им. И. Канта, 2013. 397 с. [Voynikov V. V. *Legal regulation of the European area of freedom, security and justice*. Kaliningrad: IKBFU, 2013, 397. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/yrgtkp>
14. Потемкина О. Ю. Пространство свободы, безопасности и правосудия Европейского союза. М.: Гриф и К, 2011. 368 с. [Potemkina O. Yu. *EU's area of freedom, security and justice*. Moscow: Grif i K, 2011, 368. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/slkawx>
15. Немытина М. В. Пространство сравнительно-правовых исследований. *Методология сравнительно-правовых исследований. Жидковские чтения: Всерос. науч. конф.* (Москва, 30 марта 2012 г.) М.: РУДН, 2013. С. 19–26. [Nemytina M. V. Comparative legal research space. *Methodology of Comparative Legal Studies. Zhidkov's readings: Proc. All-Russian Sci. Conf.*, Moscow, 30 Mar 2012. Moscow: PFUR, 2013, 19–26. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/syugql>
16. Немытина М. В. Пространственные модели в сравнительно-правовых исследованиях. *Служение праву*, под ред. Д. А. Туманова, М. В. Захаровой. М.: Проспект, 2017. С. 462–472. [Nemytina M. V. Spatial models in comparative legal research. *Serving the Law*, eds. Tumanov D. A., Zakharova M. V. Moscow: Prospekt, 2017, 462–472. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/wzmtnc>
17. Власова Г. Б. Символы и ритуалы как культурные характеристики судебного процесса. *Философия права*. 2007. № 2. С. 69–73. [Vlasova G. B. Symbols and rituals as cultural characteristics of legal proceedings. *Philosophiya Prava*, 2007, (2): 69–73. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/muujax>
18. Гуренко Д. В. Ритуалы и символы в судебной практике: правоантропологические аспекты. *Юрист-Правовед*. 2006. № 4. С. 83–85. [Gurenko D. V. Rituals and symbols in judicial practice: legal-anthropological aspects. *Jurist-Pravoved*, 2006, (4): 83–85. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ylhaup>

19. Исаев И. А. Правовое пространство процесса (юридическая семиотика Франца Кафки). *Lex Russica*. 2006. Т. 65. № 5. С. 854–872. [Isaev I. A. Legal space of trial: Franz Kafka's legal semiotics. *Lex Russica*, 2006, 65(5): 854–872. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/hwhtjp>
20. Мальцев И. В. Понятие правовых символов в рамках институционально-юридического подхода. *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2019. № 4. С. 100–121. [Maltsev I. V. On the concept of legal symbols within scope of the institutional legal approach. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, 2019, (4): 100–121. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2019.4.100.121>
21. Момотов В. В. Символизм в средневековом праве как первоначальный этап формирования права. *История государства и права*. 2003. № 2. С. 14–19. [Momotov V. V. Symbolism in Medieval law as the initial stage in the formation of law. *Istoriia gosudarstva i prava*, 2003, (2): 14–19. (In Russ.)]
22. Пахалов М. Ю. Судебный процесс в средневековой Англии: проблема соотношения юридических и ритуальных форм: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 158 с. [Pakhalov M. Yu. *Litigation in Medieval England: legal vs. ritual forms*. Cand. Law Sci. Diss. Moscow, 2007, 158. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/nouacf>
23. Костинский Г. Д. Географическая матрица пространственности. *Известия Российской академии наук. Серия географическая*. 1997. № 5. С. 16–31. [Kostinsky G. D. Geographical matrix of spatiality. *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya*, 1997, (5): 16–31. (In Russ.)]
24. Dahlberg L. *Spacing law and politics: the constitution and representation of the juridical*. 1st ed. Abingdon-NY: Routledge, 2016, 292. <https://doi.org/10.4324/9781315680224>
25. Hardman E. L. *Conflicts, confessions, and contracts: diocesan justice in late fifteenth-century carpentras*. Leiden-Boston: Brill, 2016, 264. <https://doi.org/10.1163/9789004329683>
26. Бурдые П. Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. 288 с. [Bourdieu P. *Sociology of social space*. Moscow: Institut eksperimentalnoi sotsiologii; St. Petersburg: Aleteiia, 2007, 288. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qoecdf>
27. Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Тип. Т-ва «Екатерингофское Печатное Дело», 1909. Т. 1. [6], 318 с. [Petražycki L. I. *Theory of law and state as part of moral theory*. 2nd ed. St. Petersburg: Tip. T-va "Ekateringofskoe Pechatnoe Delo", 1909, vol. 1, [6], 318. (In Russ.)]
28. Fauconnier G. Mental spaces. *Linguistics and Philosophy*, 1987, 10(2): 247–260.
29. Fauconnier G., Turner M. *The way we think: conceptual blending and the mind's hidden complexities*. NY: Basic Books, 2002, 464.
30. Сорокин П. А. Система социологии. Т. 1. Социальная аналитика. Ч. 1. Учение о строении простейшего (родового) социального явления. Пг.: Колос, 1920. XIV, 464 с. [Sorokin P. A. *The system of sociology. Vol. 1. Social Analytics. Pt. 1. The structure of the elementary social phenomenon*. Petrograd: Kolos, 1920, XIV, 464. (In Russ.)]
31. Коллинз Р. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. 1282 с. [Collins R. *The sociology of philosophies: a global theory of intellectual change*. Novosibirsk: Sibirskii khronograf, 2002, 1282. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xrprtv>
32. Лотман Ю. М. Символ в системе культуры. In: Лотман Ю. М. *Избранные статьи. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры*. Таллинн: Александра, 1992. С. 191–199. [Lotman Yu. M. Symbol in culture. In: Lotman Yu. M. *Selected articles. Vol. 1. Articles on semiotics and typology of culture*. Tallinn: Aleksandra, 1992, 191–199. (In Russ.)]
33. Шарно О. И. Классификационная модель правоприменительной символики. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция*. 2013. № 3. С. 41–43. [Sharno O. I. The classification model of law-enforcement symbols. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5: Yurisprudentsiya*, 2013, (3): 41–43. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ruvpjh>
34. Колтунова Е. А. Символ и символизация: сходство и различия интерпретаций в контексте различных психологических подходов. *Российский психологический журнал*. 2012. Т. 9. № 3. С. 72–81. [Koltunova E. A. Symbol and symbolization: similarity and difference of the interpretation in the context of the different psychological approaches. *Russian Psychological Journal*, 2012, 9(3): 72–81. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21702/rpj.2012.3.9>

оригинальная статья

Юридическое лицо в уголовном праве: цели наказания юридического лица

Ершова Ксения Андреевна

Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева, Россия, Екатеринбург

<https://orcid.org/0000-0001-9519-4546>

k.a.ershova@usla.ru

Поступила 29.05.2023. Принята после рецензирования 13.07.2023. Принята в печать 13.07.2023.

Аннотация: В концепции уголовной ответственности юридических лиц не в полной мере разработан вопрос о целях наказания юридического лица. Предметом исследования выступают существующие цели наказания, теоретически разработанные основания привлечения юридических лиц к уголовной ответственности и назначения им наказания. В статье приведено теоретическое осмысление и адаптация целей наказания, закрепленных в Уголовном кодексе Российской Федерации, для возможного введения института уголовной ответственности юридических лиц. Цель – обосновать возможность реализации целей уголовного наказания в отношении юридических лиц. Методы исследования: формально-логический, анализ, синтез, сравнительно-правовой метод научного познания. Изучено содержание целей уголовного наказания. Обоснована возможность реализации в отношении юридических лиц таких целей, как восстановление социальной справедливости, исправление осужденного, общая и частная превенция. Доказана связь между возможностью реализации всех либо части целей уголовного наказания и направленности деятельности виновной организации. Подчеркнута особая опасность юридических лиц, содействующих организованной преступности, и предлагается в качестве основной цели наказания реализовывать в их отношении частную превенцию. Установлено, что юридические лица, допускающие нарушения в процессе осуществления уставной деятельности, могут быть адресатом реализации всех целей уголовного наказания. Доказана возможность исправления таких юридических лиц.
Ключевые слова: юридическое лицо, наказание, цели наказания, превенция, восстановление справедливости, исправление осужденного

Цитирование: Ершова К. А. Юридическое лицо в уголовном праве: цели наказания юридического лица. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2023. Т. 7. № 3. С. 366–373. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-3-366-373>

full article

Legal Entity in Criminal Law: Purposes of Punishment

Kseniya A. Yershova

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Russia, Ekaterinburg

<https://orcid.org/0000-0001-9519-4546>

k.a.ershova@usla.ru

Received 29 May 2023. Accepted after peer review 13 Jul 2023. Accepted for publication 13 Jul 2023.

Abstract: The current concept of criminal liability offers a very vague idea about the purposes of punishing a legal entity. This research featured the existing purposes of punishment, as well as contemporary theoretical foundations behind the criminal liability and sentencing of legal entities. The authors developed a theoretical understanding of the purposes of punishment specified in the Criminal Code of the Russian Federation to adapt them to the introduction of a criminal liability institution aimed specifically at legal entities. The research objective was to substantiate the possibility of implementing the existing purposes of criminal punishment in relation to legal entities. The study methods included formal-logical and comparative-legal methods of scientific cognition, as well as conventional analysis and synthesis. The authors believe that legal entities could face such purposes of punishment as the restoration of social justice, the correction of the offender, and general or specific prevention, depending on the activity of the legal entity. Legal entities involved in organized crime should be subjected to specific prevention. Legal entities that violate their statutory activities could be subjected to all the purposes of criminal punishment, which may lead to their eventual correction.

Keywords: legal entity, punishment, goals of punishment, prevention, restoration of justice, corrections of the convict

Citation: Yershova K. A. Legal Entity in Criminal Law: Purposes of Punishment. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2023, 7(3): 366–373. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-3-366-373>

Введение

В науке уголовного права ведутся споры о возможности и целесообразности признания юридического лица субъектом преступления. Некоторые исследователи выступают против изменения уголовного законодательства России и введения института уголовной ответственности юридических лиц, доказывая достаточность мер гражданского и административного воздействия, применяемых к юридическим лицам. Такой позиции придерживалась Н. Ф. Кузнецова [1, с. 47]. Другие ученые последовательно обосновывают необходимость признания юридических лиц субъектами уголовной ответственности [2–5]. Вместе с тем, как справедливо указывает А. В. Федоров [6, с. 71], изменение социально-экономических отношений, рост числа экологических преступлений и преступлений в экономической сфере обуславливают необходимость исследования вопроса уголовной ответственности юридических лиц, что закономерно требует конструирования новых институтов уголовного права. В числе нерешенных в полной мере вопросов концепции уголовной ответственности юридических лиц остается вопрос о целях наказания, которые могут быть реализованы в случае привлечения юридического лица к уголовной ответственности.

Результаты

В вопросе уголовной ответственности юридических лиц мы солидарны с авторами, обосновывающими необходимость признания юридического лица субъектом преступления [7; 8]. Подробное рассмотрение аргументов pro et contra находится за рамками данной работы. Тем не менее даже внутри группы исследователей, доказывающих необходимость введения уголовной ответственности юридических лиц, нет единого подхода к конструированию базовых институтов уголовной ответственности юридических лиц. Можно выделить позицию признания юридического лица субъектом ответственности, но не субъектом преступления. Такое предложение высказывали Б. В. Волженкин [3], Н. В. Щедрин и А. А. Востоков [9]. Иной подход предлагается в работах А. В. Наумова [10], Е. Ю. Антоновой [11; 12], И. В. Ситковского [13] и Ж. Н. Шейренова [14], которые последовательно доказывают возможность признания юридического лица субъектом преступления, а не только субъектом уголовной ответственности.

На наш взгляд, признание юридического лица субъектом преступления или субъектом ответственности

является принципиальным как для построения концепции уголовной ответственности юридических лиц, так и для разрешения отдельных вопросов в рамках данной концепции. Как справедливо указывает Р. А. Сабитов, если не признавать юридическое лицо субъектом преступления, а лишь субъектом ответственности, нельзя говорить и о его наказании [15, с. 213]. Мы солидарны с позицией исследователей о том, что юридическое лицо способно быть не только субъектом уголовной ответственности, но и субъектом преступления [10–14].

Это утверждение позволяет продолжить мысль и задаться вопросом о наказании юридического лица, в том числе о целях наказания. Не вдаваясь в подробный анализ вопросов уголовной ответственности, укажем, что основной формой ее реализации в отношении субъекта преступления – физического лица – служит наказание, которое может стать справедливым и для юридических лиц, если они будут признаны субъектами преступлений и уголовной ответственности. Такие рассуждения подводят к необходимости разрешения вопросов о целях наказания, реализуемых в отношении юридического лица, а именно: могут ли быть реализованы цели как таковые, а если ответить положительно на заданный вопрос, то какие именно цели должно преследовать наказание юридического лица? Может ли наказание юридического лица преследовать те же цели, что и наказание физического лица? Либо природа юридического лица требует обоснования необходимости конструирования новых целей наказания юридического лица, отличных от тех, что закреплены в ч. 2 ст. 43 УК РФ?

Если предположить, что никакие цели наказания не могут быть реализованы в отношении юридического лица, придется констатировать бессмысленность как наказания, так и уголовной ответственности юридических лиц. Иначе не будет существовать ответа на вопрос, для чего мы наказываем виновного субъекта. Бесцельная кара теряет смысл, не соответствует современным концепциям, взглядам и теориям на развитие уголовного права, в том числе на развитие одного из базовых институтов уголовного права – наказания.

С учетом вышесказанного позволим предположить, что цели наказания в отношении юридических лиц могут быть реализованы. При этом мы, разделяя мнение о необходимости признания юридического лица субъектом преступления, не предлагаем конструировать новые цели наказания, отличные от целей наказания

физических лиц. Максимальная адаптация существующих институтов уголовного права для возможной ответственности юридических лиц представляется нам более обоснованным подходом.

Нами предпринята попытка обосновать возможность реализации целей наказания, закрепленных в ч. 2 ст. 43 УК РФ, в отношении юридических лиц. В соответствии с ч. 2 ст. 43 УК РФ целями наказания являются исправление осужденного, восстановление социальной справедливости, предупреждение совершения новых преступлений. Не вдаваясь в многочисленные дискуссии о целях наказания, применяемых к физическим лицам, отметим, что сформулированные действующим УК РФ цели наказания соответствуют как конституционным принципам, так и современным концепциям уголовного права.

Первая цель наказания, предусмотренная ст. 43 УК РФ (исправление осужденного), не может и не должна пониматься буквально. Юридическое лицо не обладает психологическими, морально-нравственными свойствами. Вместе с тем мы солидарны с гражданско-правовой концепцией юридического лица, предложенной С. И. Архиповым и развитой современными исследователями (см., например, [14, с. 98]), полагающей наличие у юридического лица воли и социальной личности [16]. Помимо этого, исследуя вопросы вины юридического лица, мы обращались к концепции преступной корпоративной политики, выработанной Е. Ю. Антоновой [12], как к основанию для установления вины юридического лица. Таким образом, исправление осужденного (юридического лица) как цель наказания может быть достигнута, если повлечет изменение корпоративной политики виновного юридического лица. То есть политика, направленная на получение дополнительной прибыли любым путем, будет замещена политикой законной деятельности юридического лица.

Свидетельством изменения корпоративной политики юридического лица, осуществляющего изначально законную деятельность, может служить совершение ряда действий. Во-первых, принятие и утверждение локальных документов, закрепляющих принципы деятельности в строгом соответствии с законом, в том числе указывающих на недопустимость склонения лиц, выполняющих функции исполнительных органов, либо работников организации к совершению деяний, нарушающих предписания, установленные нормами различных отраслей права. В качестве примера такого предписания может быть приведен раздел 7 Закона Великобритании о взяточничестве, связывающий возможность освобождения юридического лица от уголовной ответственности за взяточничество с утвержденным набором

мер, направленных на предотвращение совершения указанного преступления работниками юридического лица¹. Во-вторых, контроль за деятельностью на всех уровнях – от высших исполнительных органов до рядовых работников. Разумеется, ненадлежащее выполнение конкретным работником трудовых обязанностей, если это влечет негативные последствия, является его собственным правонарушением или преступлением. Единичные нарушения таковыми и остаются. Если нарушения при осуществлении деятельности носят массовый, систематический характер вследствие ненадлежащего контроля за деятельностью работников на всех уровнях управления, а тем более если такие нарушения поощряются, то речь идет об упущениях корпоративной политики юридического лица. Введение контрольно-надзорных процедур, пресечение даже незначительных нарушений со стороны работников юридического лица может свидетельствовать об оздоровлении корпоративной политики. В связи с подобной переориентацией политики юридического лица можно определить исправление юридического лица как социально-правовой личности.

Тем не менее стоит указать, что исправление возможно лишь в том случае, когда юридическое лицо осуществляло изначально законную деятельность и вышло за рамки дозволения и запретов в процессе ее осуществления. Цели деятельности в данном случае остались законными и как формально, так и фактически соответствующими действующему законодательству и уставу организации. Такая ситуация возможна при совершении экологических либо экономических преступлений в процессе погони за сверхприбылью. Уклоняясь от налогов, допуская превышение предельно-допустимых концентраций вредных веществ в компонентах природной среды, юридическое лицо все же осуществляет заявленную учредительными документами деятельность, выступает в качестве работодателя и достигает иные социально полезные цели, хоть и с допущенными в процессе такой деятельности нарушениями закона.

Переориентация деятельности подобной организации с противоправной на правомерную не только по целеполаганию, но и по способу осуществления деятельности будет достигнута осуждением цели уголовного наказания – исправления осужденного. Отказ от нарушения предписаний и запретов иных отраслей права для получения сверхдоходов, изменение корпоративной политики с поощрения нарушений на всех уровнях управления либо безразличного к ним отношения на нетерпимость к нарушениям и активный контроль за деятельностью всех работников, снижающий вероятность как случайных, так и целенаправленных

¹ Bribery Act 2010. *Legislation.gov.uk*. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2010/23/contents> (accessed 17 Jan 2023).

нарушений технологических процессов и правил осуществления деятельности, свидетельствует о нормализации корпоративной политики и снижении вероятности будущих преступлений.

Вместе с тем мы полагаем, что сложно реализовать цель – исправление осужденного – в отношении юридических лиц, осуществляющих заведомо преступную деятельность. К таковым мы относим как организации, изначально созданные для совершения преступлений, так и организации, созданные для достижения законных целей, но переориентировавшие деятельность на совершение преступлений. При этом преступления таких юридических лиц являются не следствием организационных упущений при осуществлении деятельности, а целью деятельности. Примером организаций, изначально направленных на совершение преступлений, могут служить организации, созданные специально для совершения преступлений, например, для незаконного вывода активов за пределы России, обналаживания средств и т. д. К их числу примыкают и организации, созданные для осуществления вспомогательной деятельности в интересах организованной преступности. К такой деятельности можно отнести легализацию средств и предметов, добытых в результате совершения преступления, незаконное перемещение через государственную границу финансовых активов, контрабанду и многие иные аналогичные преступления [2]. Ко второй группе мы относим юридические лица, изначально созданные для достижения законных целей, осуществлявшие определенное время законные действия, но в дальнейшем начавшие целенаправленное совершение преступлений как самостоятельно, так и содействуя организованным преступным группам и преступным сообществам.

В отношении второй категории юридических лиц мы полагаем невозможным изменение корпоративной политики и их исправление, в этой связи предлагаем применять к ним в качестве наказания ликвидацию. Подобный подход соответствует: 1) теории о необходимости дифференциации уголовной ответственности с учетом характера и степени общественной опасности совершенного деяния, предлагаемой в научной работе А. А. Чистякова [17]; 2) концепции о необходимости учета как объективной, так и субъективной общественной опасности лица, разработанной К. А. Сычом [18].

Ликвидация виновной организации, как и любые другие предложения, направленные на развитие законодательства, не могут достичь абсолютной эффективности. Тем не менее ликвидация юридического лица, содействовавшего организованным преступным группам, наряду с привлечением к уголовной ответственности физических лиц повысит эффективность противодействия организованной преступности, т.к. усложнит сохранение ее финансовой базы [19].

С целью исправления осужденного «смыкается» цель предотвращения совершения новых преступлений. Когда мы имеем в виду частную превенцию, одно не может следовать без другого. Эффективность реализации как общей, так и частной превенции как цели наказания будет обусловлена направлением деятельности юридических лиц [20, с. 107]. Если речь идет о преступлениях, совершаемых юридическими лицами при осуществлении изначально законной деятельности, наказание, применяемое к юридическим лицам, сможет обеспечить как частную, так и общую превенцию. Подобное предположение основывается на работах криминологов, исследующих корпоративную преступность. Мы солидарны с теорией Г. С. Беккера об экономическом обосновании корпоративной преступности, в основу которой положен расчет о целесообразности совершения преступления. В предложенной Г. С. Беккером формуле в качестве переменных выступают тяжесть наказания, применяемого к виновному лицу; расчет неотвратимости данного наказания и преступная выгода от совершенного преступления, а именно разница в доходах, которые могло получить виновное лицо при осуществлении законной деятельности, и доходах, на которые рассчитывает лицо при совершении преступления [21]. В настоящее время совершение преступлений экономической направленности, в том числе при помощи юридических лиц, оказывается удобным и целесообразным. Это связано с высокой латентностью преступлений в экономической сфере, мягким наказанием для физических лиц (руководителей организаций) и несоразмерно мягкими административными наказаниями, применяемыми к юридическим лицам. Разница в доходах, получаемых в результате преступной и правомерной деятельности, также остается значительной. По итогу преступления экономической направленности остаются привлекательными для многих физических и юридических лиц.

В случае установления уголовной ответственности юридических лиц целесообразность преступной деятельности как осужденного юридического лица, так и юридических лиц, пока не совершивших преступление, существенно снижается. Это связано как с неотвратимостью наказания юридического лица, а не конкретного руководителя (возможно, номинального), так и с большими материальными потерями по сравнению с иными формами правовой ответственности.

Реализации общей превенции способствует и форма привлечения виновного лица к ответственности. В отличие от административной, уголовная ответственность реализуется в форме предварительного следствия и дознания. В рамках уголовного процесса установлена возможность применения мер процессуального принуждения, а также использования результатов

оперативно-розыскной деятельности. Расследование преступлений, в отличие от расследования правонарушений, предусматривает большие сроки и ресурсы. Все сказанное позволяет сделать вывод о более высокой вероятности привлечения виновного юридического лица к уголовной ответственности по сравнению с существующими административными процедурами. Если возвращаться к формуле Г. С. Беккера, одна из переменных – вероятность привлечения к ответственности – возрастает, что делает преступление менее привлекательным для всех субъектов хозяйственной деятельности.

Уголовная ответственность связана и с существенно большим размером наказания, т. е. потери от нарушения закона становятся не только более вероятными, но и более значимыми для потенциального нарушителя. При расчете выгоды от возможного преступления этот элемент формулы оказывается существенным сдерживающим фактором для потенциальных нарушителей, способным удержать юридическое лицо, пока не совершившее преступление, от начала преступной деятельности.

Следующим аргументом в пользу реализации общей превенции служит невозможность воспользоваться результатами преступной деятельности в случае привлечения виновной организации к уголовной ответственности: в случае признания юридического лица субъектом преступления и уголовной ответственности к нему могут применяться иные меры уголовно-правового воздействия, такие как конфискация доходов, полученных в результате совершения преступления. В итоге юридическое лицо при совершении преступления лишается возможности воспользоваться дополнительной выгодой, которую ему принесет преступление; потери, как материальные, так и репутационные, связанные с привлечением к уголовной ответственности, могут оказаться значительно больше дополнительного дохода, что делает преступление нецелесообразным. Такой механизм превенции, на наш взгляд, справедлив для юридических лиц, как еще не совершивших преступление, так и привлеченных к уголовной ответственности.

В отношении юридических лиц, созданных для содействия организованной преступности, по нашему мнению, возможна лишь реализация частной превенции. Это связано с характером деятельности виновного юридического лица, заключающимся в совершении различных преступлений в интересах организованных преступных групп и преступных сообществ. Полагаем, что общая превенция в такой ситуации будет иметь крайне низкую эффективность, что обусловлено особенностью целенаправленной преступной деятельности, связанной с реализацией интересов организованных преступных групп и преступных сообществ.

Восстановление социальной справедливости в отношении физического лица возможно при назначении наказания, соразмерного тяжести деяния, соответствующего личности виновного, восстанавливающего нарушенные позитивные социальные отношения и права потерпевшего [22, с. 361]. Применительно к ответственности юридических лиц данная цель означает, что наказание за деяние юридического лица в соответствии со ст. 6 УК РФ [23; 24] должно быть соразмерно общественной опасности совершенного преступления, о чем справедливо пишут И. Я. Козаченко и Д. Н. Сергеев [25, с. 153]. Учет личности виновного юридического лица в буквальном смысле невозможен, и для целей уголовной ответственности юридического лица учет личности виновного юридического лица означает установление направленности преступной деятельности юридического лица. То есть при реализации принципа справедливости необходимо установить, совершало ли юридическое лицо изначально законные действия, но в процессе деятельности допустило грубые нарушения, следствием чего стал преступный результат; сама же деятельность до возникновения технических нарушений соответствовала нормам закона и уставу юридического лица. Либо юридическое лицо совершало преступления, связанные не с процедурными нарушениями, а с целенаправленным содействием организованной преступной группе или преступному сообществу (например, перемещение предметов, изъятых из оборота, через государственную границу; отмывание средств, добытых преступным путем). Во втором случае общественная опасность юридического лица, его негативная социальная оценка резко возрастают, следовательно, наказание должно быть значительно строже, чем в первом случае, иначе оно не достигнет цели восстановления социальной справедливости.

Восстановительный потенциал уголовной ответственности, по нашему мнению, не исследован в надлежащей мере, особенно если речь заходит об уголовной ответственности юридических лиц в концепции современных теорий уголовного права. Теория защиты прав человека, обсуждаемая на Втором Международном форуме «Преступность и уголовное право в эпоху глобализации», предлагает рассмотрение защиты прав человека в качестве основной цели наказания [26, с. 100]. Помимо компенсации ущерба, причиненного совершением преступления конкретному потерпевшему, наказание, применяемое к юридическим лицам, должно быть направлено на восстановление прав человека и в том случае, когда вред причинен правам неопределенного круга лиц. Подобная ситуация чаще всего складывается при совершении экологических преступлений. От загрязнения отдельных компонентов природной среды

страдают граждане, проживающие на территории, подвергшейся загрязнению в результате противоправных действий юридического лица. В такой ситуации происходит нарушение права, предусмотренного ст. 42 Конституции РФ, – права на благоприятную окружающую среду, которая в качестве основы жизни современных и будущих поколений людей входит в число базовых прав человека.

Юридические лица обладают большими организационными и финансовыми возможностями по устранению экологического ущерба, причиненного преступлением. Ввод в эксплуатацию очистных сооружений, рекультивация земель, иные действия, направленные на снижение негативного воздействия последствий преступления на окружающую среду, и иные права третьих лиц в большей степени доступны юридическому лицу, чем отдельному физическому лицу – руководителю организации, что подчеркивает Верховный Суд РФ в Обзоре судебной практики по вопросам применения законодательства об охране окружающей среды (далее – Обзор)².

В указанном Обзоре затрагиваются вопросы компенсации ущерба, причиненного природной среде в результате совершения деликта либо правонарушения. Такие действия, как проведение работ по рекультивации земель, выплата материальной компенсации за вред, причиненный компонентам природной среды, осуществляются юридическими лицами. Мы допускаем, что в ряде случаев юридическое лицо не будет иметь возможность компенсировать причиненный ущерб. Вместе с тем практика привлечения юридических лиц к иным формам ответственности показывает, что в большинстве случаев материальные возможности организации выше, чем возможности отдельного физического лица, не имеющего личного имущества, на которое может быть обращено взыскание. Кроме того, физическое лицо может быть нетрудоустроено. В таком случае реальное взыскание компенсации представляется затруднительным. В итоге вред, причиненный преступлением, может быть компенсирован наиболее полно в случае уголовной ответственности юридического лица. Снижение негативного воздействия на нормальные, позитивные отношения, максимально возможная компенсация причиненного преступлением ущерба, наряду с реализацией

принципа соразмерности общественно опасного деяния и ответственности, следующей за его совершение, способствуют максимально полному восстановлению социальной справедливости как цели уголовного наказания. Компенсация вреда, причиненного преступлением, может рассматриваться как одно из оснований освобождения виновного юридического лица от уголовной ответственности либо наказания.

Заключение

Проведенное исследование позволило сформулировать следующие выводы: в случае признания юридических лиц субъектами преступлений применяемые к ним наказания способны достичь целей, предусмотренных законодателем в ст. 43 УК РФ. Исправление осужденного, предотвращение совершения новых преступлений и восстановление социальной справедливости как цели наказания осуществимы и для юридических лиц.

Если наказание, назначенное юридическому лицу, соразмерно причиненному вреду, продолжение противоправной деятельности становится нецелесообразным. Это, в свою очередь, способно снизить количество преступлений, фактически совершаемых юридическими лицами. Изменение корпоративной политики юридического лица означает исправление юридического лица, переориентацию его деятельности с противоправной на законную. Восстановление социальной справедливости как цели наказания реализуется тогда, когда мера ответственности за совершенное юридическим лицом деяние соответствует качественным и количественным критериям такого деяния; причиненный этим деянием вред подлежит компенсации в соразмерном объеме.

Мы полагаем, что в случае признания юридического лица субъектом преступления основной целью наказания должна стать превенция.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература

1. Новое уголовное право России. Общая часть, под ред. Н. Ф. Кузнецовой. М.: Зерцало; ТЕИС, 1996. 168 с. [The new criminal law of Russia. The general part, ed. Kuznetsova N. F. Moscow: Zertsalo; TEIS, 1996, 168. (In Russ.)]
2. Антонова Е. Ю. Финансирование терроризма: источники и меры по противодействию. *Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации*. 2022. № 1. С. 100–107. [Antonova E. Yu. Financing

² Обзор судебной практики по вопросам применения законодательства об охране окружающей среды. Утв. Президиумом ВС РФ 24.06.2022. Верховный Суд Российской Федерации. URL: <https://vsrf.ru/documents/thematics/31275/> (дата обращения: 16.01.2023).

- of terrorism: sources and counteraction measures. *Vestnik Universiteta prokuratury Rossiiskoi Federatsii*, 2022, (1): 100–107. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qsdfur>
3. Волженкин Б. В. Уголовная ответственность юридических лиц. СПб.: С.-Петербург. юрид. ин-т Генер. прокуратуры РФ, 1998. 40 с. [Volzhenkin B. V. Criminal liability of legal entities. St. Petersburg, 1998, 40. (In Russ.)]
 4. Бастрыкин А. И. Правовые проблемы борьбы с коррупцией. *Российский следователь*. 2017. № 24. С. 6–10. [Bastrykin A. I. Legal issues of corruption combatting. *Russian Investigator*, 2017, (24): 6–10. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ylzheh>
 5. Федоров А. В. Уголовная ответственность юридических лиц в постсоветских государствах. М.: Юрлитинформ, 2022. 248 с. [Fedorov A. V. *Criminal liability of legal entities in post-Soviet states*. Moscow: Iurlitinform, 2022, 248. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ckynui>
 6. Федоров А. В. Уголовная ответственность юридических лиц и развитие учения о противодействии расследованию преступлений. *Развитие учения о противодействии расследованию преступлений и мерах по его преодолению в условиях цифровой трансформации*: Междунар. науч.-практ. конф. «62-е криминалистические чтения». (Москва, 21 мая 2021 г.) М.: Академия управления МВД России, 2021. С. 70–77. [Fedorov A. V. Criminal liability of legal entities and the development of the doctrine of countering the investigation of crimes. *Development of the doctrine of counteracting the investigation of crimes and measures to overcome it in the context of digital transformation*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf. "The 62nd forensic readings", Moscow, 21 May 2021. Moscow: Academy of Management of the MIA of Russia, 2021, 70–77. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ifqlnt>
 7. Федоров А. В. Уголовная ответственность юридических лиц в постсоциалистических государствах Азиатско-Тихоокеанского региона. М.: Юрист, 2022. 144 с. [Fedorov A. V. *Criminal liability of legal entities in the post-socialist states of the Asia-Pacific region*. Moscow: Iurist, 2022, 144. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/moivvg>
 8. Комоско А. А. К вопросу об уголовной ответственности юридических лиц на современном этапе. *Вестник Академии экономической безопасности МВД России*. 2009. № 9. С. 131–134. [Komosko A. A. On the question of corporate criminal liability at the present stage. *Vestnik Akademii ekonomicheskoi bezopasnosti MVD Rossii*, 2009, (9): 131–134. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nbpgbx>
 9. Щедрин Н. В., Востоков А. А. Уголовная ответственность юридических лиц или иные меры уголовно-правового характера в отношении организаций. *Уголовное право*. 2009. № 1. С. 58–61. [Shchedrin N. V., Vostokov A. A. Criminal liability of legal entities or other criminal law measures in respect of organizations. *Ugolovnoe pravo*, 2009, (1): 58–61. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/knyidb>
 10. Наумов А. В. Уголовная ответственность юридических лиц (доктринальные и правотворческие аспекты). *Право и государство*. 2017. № 1-2. С. 106–118. [Naumov A. V. Criminal liability of legal entities (doctrinal and legislative aspects). *Pravo i gosudarstvo*, 2017, (1-2): 106–118. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yquescq>
 11. Антонова Е. Ю. Преступления против мира и безопасности человечества – наследие Нюрнбергского, Токийского и Хабаровского процессов. *Историческое и правовое наследие Токийского и Хабаровского процессов в обеспечении безопасности человечества*: межвуз. науч.-практ. конф. (Владивосток, 25 ноября 2022 г.) Владивосток: ДВФУ, 2023. С. 22–29. [Antonova E. Yu. Crimes against the peace and security of mankind – the legacy of the Nuremberg, Tokyo and Khabarovsk trials. *The historical and legal legacy of the Tokyo and Khabarovsk processes in ensuring human security*: Proc. Intercollegiate Sci.-Prac. Conf., Vladivostok, 25 Nov 2022. Vladivostok: FEFU, 2023, 22–29. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/iwpuyd>
 12. Антонова Е. Ю. Корпоративная культура как условие ответственности юридических лиц за преступления коррупционной направленности. *Актуальные проблемы науки и практики*, ред. И. В. Кравцова. Хабаровск: ДВЮИ МВД России, 2018. Вып. 2. С. 23–28. [Antonova E. Yu. Corporate culture as a condition of liability of legal entities for crimes of corruption. *Relevant Issues of Science and Practice*, ed. Kravtsova I. V. Khabarovsk: Far Eastern Law Institute of the MIA of the Russia, 2018, iss. 2, 23–28. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zalpjz>
 13. Ситковский И. В. Проблемы ответственности юридических лиц в уголовном законодательстве. *Уголовное право*. 2002. № 4. С. 42–44. [Sitkovskii I. V. Problems of liability of legal entities in criminal legislation. *Ugolovnoe pravo*, 2002, (4): 42–44. (In Russ.)]
 14. Шейренов Ж. Н. Основания признания юридического лица субъектом уголовной ответственности за коррупционные преступления. *Право и политика*. 2020. № 7. С. 92–104. [Sheirenov Zh. N. Grounds for finding a legal entity to be the subject of criminal liability for corruption crimes. *Pravo i politika*, 2020, (7): 92–104. (In Russ.)] <https://doi.org/10.7256/2454-0706.2020.7.32962>
 15. Сабитов Р. А. Уголовная ответственность и уголовно-правовое поощрение. М.: Юрлитинформ, 2022. 448 с. [Sabitov R. A. *Criminal responsibility and criminal legal encouragement*. Moscow: Iurlitinform, 2022, 448. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xmxxpx>

16. Архипов С. И. Сущность юридического лица. *Известия высших учебных заведений. Правоведение*. 2004. № 5. С. 71–87. [Arkhipov S. I. Essence of a legal entity. *Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie*, 2004, (5): 71–87. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tksslx>
17. Чистяков А. А. Дифференциация уголовной ответственности и индивидуализация наказания. *Дифференциация и индивидуализация ответственности в уголовном и уголовно-исполнительном праве: Междунар. науч.-практ. конф., посв. 75-летию Л. Л. Кругликова*. (Рязань, 11 января 2015 г.) Рязань: Академия ФСИН России, 2015. С. 22–28. [Chistyakov A. A. Differentiation of the criminal liability and punishment individualization. *Differentiation and individualization of responsibility in criminal and penal enforcement law: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf. Dedicated to the 75th Anniversary of L. L. Kruglikov, Ryazan, 11 Jan 2015*. Ryazan: The Academy of the FPS of Russia, 2015, 22–28. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vriqfr>
18. Сыч К. А. Категория «общественная опасность» в характеристике преступности деяния и личности виновного. *Уголовно-исполнительная система на современном этапе и перспективы ее развития: Междунар. науч.-практ. конф.* (Рязань, 18–19 ноября 2020 г.) Рязань: Академия ФСИН России, 2020. Т. 1. С. 234–237. [Syh K. A. The category of public danger in the characteristics of the crime of the act and the identity of the perpetrator. *The penal enforcement system: present and prospects: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Ryazan, 18–19 Nov 2020*. Ryazan: The Academy of the FPS of Russia, 2020, vol. 1, 234–237. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/erdjaw>
19. Ершова К. А. Ответственность юридических лиц как способ противодействия организованной преступности. *Сибирское юридическое обозрение*. 2019. Т. 16. № 2. С. 189–192. [Yersova K. A. The responsibility of legal entities as a way to counter organized crime. *Siberian Law Review*, 2019, 16(2): 189–192. (In Russ.)] <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2019-16-2-189-192>
20. Дворецкий М. Ю. Эффективность уголовно-правового противодействия преступности в контексте уголовной ответственности юридических лиц. *Вестник Московского университета МВД России*. 2022. № 1. С. 103–109. [Dvoretzky M. Yu. The effectiveness of criminal law against crime in the context of the criminal liability of legal entities. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2022, (1): 103–109. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-1-103-109>
21. Becker G. S. Crime and punishment: an economic approach. *Journal of Political Economy*, 1968, 76(2): 169–217. <https://doi.org/10.1086/259394>
22. Уголовное право. Общая часть, под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рарога, А. И. Чучаева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: КОНТРАКТ; ИНФРА-М, 2008. 560 с. [*Criminal law. General part*, eds. Inogamova-Khegai L. V., Rarog A. I., Chuchaev A. I. 2nd ed. Moscow: KONTRAKT; INFRA-M, 2008, 560. (In Russ.)]
23. Рундквист А. Н. Соотношение принципов справедливости и законности. Критерии несправедливости закона. *Юридические исследования*. 2020. № 1. С. 47–60. [Rundkvist A. N. Correlation of principles of justice and lawfulness: criteria of injustice of law. *Iuridicheskie issledovaniia*, 2020, (1): 47–60. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25136/2409-7136.2020.1.30309>
24. Филимонов В. Д. Механизм назначения наказания как инструмент воплощения в наказании принципа справедливости. *Уголовная юстиция*. 2020. № 16. С. 32–37. [Filimonov V. D. The mechanism for imposing punishment as a tool for implementing the principle of justice. *Ugolovnaya yustitsiya*, 2020, (16): 32–37. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/23088451/16/7>
25. Козаченко И. Я., Сергеев Д. Н. Новая криминализация: философско-юридический путеводитель по миру преступного и непроступного. Екатеринбург: SAPIENTIA, 2020. 256 с. [Kozachenko I. Ya., Sergeev D. N. *New criminalization: a philosophical and legal guide to the world of the criminal and non-criminal*. Ekaterinburg: SAPIENTIA, 2020, 256. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/taudvj>
26. Хэ Бинсун. Решения Второго Международного форума «Преступность и уголовное право в эпоху глобализации» 2010 г. *Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права*. 2011. № 1. С. 100–104. [He Bingsong. Decision of the 2nd International Forum "Crimes and criminal law in the era of globalization" 2010. *Kriminologicheskii zhurnal Baikalskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava*, 2011, (1): 100–104. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ndfufx>

оригинальная статья

Генезис сущности допроса в отечественном законодательстве и праве

Семеновский Андрей Игоревич

Сибирский федеральный университет, Россия, Красноярск

<https://orcid.org/0000-0003-2763-6773>

ai.semenovsky97@gmail.com

Поступила 24.02.2023. Принята после рецензирования 16.03.2023. Принята в печать 06.06.2023.

Аннотация: Цель – определить сущность уголовно-процессуального допроса, вкладываемую в данный термин российским законодателем. Для достижения цели автор подвергает сравнительно-правовому анализу в качестве предмета исследования развивающуюся процессуальную форму допроса по уголовному делу, отражаемую в позитивных источниках отечественного права, с момента становления российской государственности и до наших дней. Изучению подлежали именно те источники, в которых законодатель прямо использует термин *допрос* или синонимичные ему понятия. Результаты исследования свидетельствуют о постепенном развитии правового регулирования допроса в аспектах коммуникации (передачи информации о расследуемом событии вербально и невербально), интеракции (взаимодействия участников, их количества, границ психологического влияния и т. п.), а также отчасти перцепции (иногда законодатель вводит требование обязательного учета личности допрашиваемого), т. е. допрос все больше развивается как формализованное общение. Сделан вывод, что отечественный законодатель на протяжении длительного времени видит сущность допроса по уголовному делу именно в особом формальном общении, что отражается в развитии его уголовно-процессуальной формы. Теоретическая значимость полученных результатов видится в формировании единого подхода к правовой сущности допроса. Результаты и выводы могут быть применимы в практике нормотворчества уголовно-процессуальной формы допроса, т. к. полученные данные характеризуют придаваемую законодателем сущность допроса по уголовному делу и вектор ее развития.

Ключевые слова: допрос, историческое развитие, правотворчество, законодательство, уголовно-процессуальная форма, сущность процессуального действия

Цитирование: Семеновский А. И. Генезис сущности допроса в отечественном законодательстве и праве. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2023. Т. 7. № 3. С. 374–382. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-3-374-382>

full article

Genesis of the Interrogation Essence in the Russian Legislation and Law

Andrei I. Semenovskii

Siberian Federal University, Russia, Krasnoyarsk

<https://orcid.org/0000-0003-2763-6773>

ai.semenovsky97@gmail.com

Received 24 Feb 2023. Accepted after peer review 16 Mar 2023. Accepted for publication 6 Jun 2023.

Abstract: Using the comparative legal method, the author determined the essence of criminal procedural interrogation in the Russian legal system, from the early Russian state to the present day. The study covered the sources that involve the term *interrogation* or a synonymous concept. The legal regulation of interrogation gradually developed in several aspects. The communicative aspect included verbal and non-verbal transmission of relevant information. The interactive aspect covered the interaction between participants, their number, limits of psychological influence, etc. The perceptive aspect was registered when the legislator required a compulsory record of interrogee's identity. Obviously, the interrogation has long developed as a formalized communication. As a result, the domestic legislator sees the essence of interrogation as a special type of formal communication, which affects the development of its procedural form. The obtained results help to develop a unified approach to the legal essence of interrogation and can be applied in the legislative practice of the criminal procedural form of interrogation.

Keywords: interview, historical development, lawmaking, legislation, criminal procedure form, essence of procedural action

Citation: Semenovskii A. I. Genesis of the Interview Essence in the Domestic Legislation and Law. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2023, 7(3): 374–382. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-3-374-382>

Введение

Сравнительно-правовые исследования вносили огромный вклад в развитие представлений об уголовно-процессуальных явлениях. Значительные диахронные, выражаясь терминологией А. Х. Саидова [1, с. 21], сравнительно-правовые исследования зачастую проводились для уяснения сущностных особенностей типов (форм, моделей, начал) уголовного процесса и перспектив их развития, что нашло отражение в трудах ряда ученых, работы которых включали обзор многих источников права прошлых времен [2–4; 5, с. 103–124; 6, с. 16–39].

Важными являются и замечания самих представителей сравнительного правоведения. Ими указывается, что сравнительное правоведение и сравнительно-правовой метод отвечают на то, как развивается правовое явление, какой оно имеет вектор развития, помогают глубже понять сущность данного явления [1, с. 13–18, 40–45]. Обозначенные положения в совокупности свидетельствуют о важности применения в рамках познания сущности уголовно-процессуальных явлений, пути и перспектив их развития сравнительно-правового метода и диахронного сравнительно-правового исследования как частного случая.

Относительно нормативного диахронного сравнительно-правового анализа собственно допроса необходимо указать на то, что исследователями он проводился, даже предпринималось сравнение источников права зарубежных стран (Законы Ману, Нарады, Дхармашастра Яджнавалкьи, ордонансы, Каролина Карла V и др.) наряду со сравнением отечественных источников права (Русская Правда, судные грамоты, Судебники 1497 и 1550 гг., Соборное Уложение 1647 г., указы Петра I и «Краткие наказания волостным и сельским начальникам по раскрытию преступлений и поимке преступников» 1884 г.) [7, с. 41–51; 8, с. 6–9]. В целом данные исследования проводятся в ключе развития тактики допроса, а также оценки доказательств, полученных в ходе допроса. Авторы, рассматривающие вопросы регулирования допроса прошлых лет, описывают положения источников права о нем не в ключе развития сущности самого допроса, а относительно возможности или невозможности получать свидетельские показания от тех или иных лиц, правил оценки свидетельских показаний от лиц различных социальных категорий, тактики допроса (возможность применения пытки, анализ

ложности показаний на основании психофизиологических проявлений; из более поздних источников права – особенности предъявления доказательств и постановки вопросов допрашиваемому).

Сущность некоторого явления представляет собой его свойства, некоторые присущие ему характеристики и отношения, обуславливающие его иные свойства и отношения, т.е. является такими его свойствами и отношениями, без которых некоторый объект существовать не может [9, с. 14]. Конечно, рассматриваемые в литературе особенности правового регулирования допроса определенным образом отражают свойства допроса как правового явления, но, во-первых, не рассматриваются именно с позиций, определяющих или не определяющих сущность допроса, во-вторых, рассматриваемые характеристики допроса в историческом срезе демонстрируются именно как изменчивые и во многом отжившие (предвзятое отношение к показаниям лиц того или иного социального происхождения, пытки и т.п.), что не может расцениваться в качестве статичных, сущностных характеристик допроса.

Приведем анализ литературных источников в отношении доктринальных подходов к пониманию сущности уголовно-процессуального допроса с позиций изучающих его наук: криминалистики, юридической психологии, судебной этики, уголовного процесса. Однако единого определения допроса в рамках данных наук не сформировано. При этом именно в определении того или иного понятия с позиций гносеологии отражаются его сущностные характеристики. По исследуемому вопросу И. Т. Кривошеин считает, что в науке не должно быть единого подхода к сущности уголовно-процессуального допроса, т.к. каждая правовая наука изучает его с позиций своего предмета [10, с. 7]. Вместе с тем даже в рамках одной и той же дисциплины подход к сущности допроса характеризуется определенным плюрализмом. С момента зарождения отечественной криминалистики допрос определяли как опрос лица по известным ему обстоятельствам расследуемого события [11, с. 5]. Между тем понятия *опрос* и *допрос* являются синонимичными с позиций лексики (см. также лексемы *расспрашивать*, *расспросить*)¹. Поэтому данное определение фактически не раскрывает сущность допроса, т.к. трактует его через синоним.

¹ Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка: практический справочник: ок. 11000 синоним. рядов. 11-е изд., перераб. и доп. М.: Рус. яз., 2001. С. 110, 293, 427.

Ряд ученых-криминалистов рассматривали допрос как следственное или судебно-следственное действие, заключающееся в получении показаний в установленной законом форме [12, с. 94; 13, с. 274; 14, с. 5; 15, с. 17; 16, с. 286]. В работах по уголовному процессу на сегодняшний день воспроизводится именно данное определение допроса (см., например, [17, с. 224]). В период зарождения юридической психологии А. В. Дулов определял допрос в качестве формализованного общения следователя с допрашиваемым, во время которого происходит психологическое воздействие на последнего с целью получения информации [18, с. 309]. В. Л. Васильев видел сущность допроса в приравнивании его к беседе, формы которой определяются уголовно-процессуальным законодательством, а участники находятся в неравном положении [19, с. 144]. Заметим, что беседа является частным случаем общения, его разновидностью, поэтому в некоторой степени и данное определение относит сущность допроса к формализованному общению². Кроме того, В. Л. Васильев определял сущность допроса через диалог следователя и допрашиваемого, тем самым подчеркивая, что общение в ходе допроса должно строиться на началах равенства [19, с. 446]. При этом в психологии понятие *диалог* рассматривают достаточно широко и неоднозначно: от вида взаимодействия при общении до интерпретации всей человеческой жизни в виде диалога [20, с. 69–72]. В некоторых современных работах по юридической психологии сущность допроса продолжает рассматриваться аналогичным образом в виде общения [21, с. 371].

Имеются работы, в которых представители юридической психологии рассматривают сущность допроса с двух позиций. С одной стороны, они характеризуют допрос как следственное или судебно-следственное действие, заключающееся в получении показаний в установленной законом форме, с другой – как разновидность формализованного общения с позиций психологии [22, с. 161–162]. Возможно, такой подход обусловлен концепцией, согласно которой юридическая психология рассматривает правовые явления с позиций психологии, а все остальные правовые науки рассматривают правовые явления с позиций права, поэтому в праве сущность данных явлений может рассматриваться одним образом, в психологии – иным.

Криминалисты не отказывались рассматривать допрос и в ключе общения, но уточняли, что в качестве общения допрос может быть рассмотрен исключительно с позиций психологии [15, с. 30]. Иной подход к сущности допроса предложен И. Т. Кривошеиным, который видит сущность допроса в оказании психологического воздействия с целью получения

объективных показаний [10, с. 13]. Р. Л. Ахмедшин относит допрос к формализованной познавательно-коммуникативной деятельности, имеющей ретроспективную направленность [8, с. 11]. Такое понимание допроса отражает в нем те или иные аспекты общения, сближает оба понятия. В психологии общение рассматривается в трех основных аспектах: обмен информацией (коммуникативный аспект); регуляция деятельности другого лица (интерактивный аспект); воздействие на эмоциональную сферу лица (перцептивный аспект) [23, с. 14]. Упомянутые ученые-криминалисты фактически определяют сущность допроса через тот или иной аспект общения.

Исходя из проведенного обзора литературных источников, представляется, что в науке сформировалось два альтернативных подхода к сущности допроса: 1) через получение показаний в установленной законом форме; 2) через формализованное общение. Относительно определения допроса в рамках первого подхода отметим, что в науке признается получение показаний не только в ходе допроса, но и в ходе череды иных следственных действий, отраженных в уголовно-процессуальном законе [24, с. 109; 25, с. 94]. Таким образом, предлагаемое понимание допроса не вполне отвечает требованиям теоретико-познавательного соответствия даваемого понятия его существенным признакам, отделяющим его от остальных схожих явлений одного порядка, а именно следственных действий, в ходе которых могут быть получены показания. Определение допроса в рамках второго подхода также не раскрывает его отличий, например, от очной ставки, проверки показаний на месте, опознания.

В то же время в криминалистической литературе, посвященной допросу, последний всегда фактически рассматривается с позиций всех аспектов общения, т.к. ученые исследуют особенности логического и эмоционального воздействия, особенности вступления в контакт с допрашиваемым и дальнейшее с ним общение, особенности взаимодействия допрашиваемого и следователя, а также иных лиц, которые могут участвовать в ходе допроса [14; 15]. Понятие *получение* применительно к показаниям тоже способно охватить данные аспекты, но может пониматься и узко – только как процесс одностороннего акта получения информации от допрашиваемого без учета обоюдного взаимодействия, взаимного воздействия (эмоционального и логического) допрашиваемого и допрашивающего друг на друга. Термин *общение* так или иначе является более разработанным. Важным, полагаем, остается то, что уголовно-процессуальный допрос во всех изучающих его отраслях знания рассматривается как следственное действие, а его конечным

² Беседа (в психологии). *Краткий психологический словарь*, сост. Л. А. Карпенко; под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Яровшевского. М.: Политиздат, 1985. С. 31.

результатом является появление в уголовном деле показаний как вида доказательств, которые уже проверяются в ходе очной ставки, проверки показаний на месте и опознания [17, с. 224; 26, с. 468; 27, с. 184].

Итак, вопрос о сущности допроса остается в науке незавершенным, требующим дальнейшего исследования и формулирования. Возможно, что в результате дальнейших исследований сущность допроса будет рассматриваться учеными на базе одного из двух существующих подходов. Обозначенное еще более актуализирует необходимость исследования сущности допроса в историческом срезе.

В силу изложенного изучение развития понятия допроса в рамках диахронного сравнительно-правового исследования является актуальным. С теоретических позиций оно позволит лучше понять сущность данного правового явления, а с точки зрения практики – определить дальнейшие направления развития данного процессуального действия, т.е. задать вектор нормотворчества в отношении него, т.к. законодатель сможет лучше понимать сущностные характеристики допроса, соответственно, те его аспекты, которые требуют совершенствования правового регулирования.

Методы и материалы

В процессе проведения диахронного сравнительно-правового исследования генезиса сущности допроса объектом изучения выступили условия, процедуры допроса, меры, обеспечивающие его проведение в рамках разбирательства именно по факту события преступления (термин *уголовное дело* не используется в силу отсутствия разграничения формальных источников права более давних времен по отраслям), закрепленные в формальных источниках позитивного права с момента зарождения российской государственности до наших дней, т.е. фактически его процессуальная форма. При этом в учет берутся именно те источники, которые содержат термин *допрос* или синонимичные ему термины. Данное исследование носит характер исключительно нормативного, т.к. для функционального исследования невозможно получить практику применения норм о допросе с момента зарождения российской государственности.

Результаты

Сравнительно-правовой анализ развития допроса в российском уголовном процессе свидетельствует о его трансформации из сугубо коммуникативного действия (простого акта передачи и получения информации) до уровня полноценного формализованного общения, урегулированного уголовно-процессуальным

правом, с целью формирования доказательств в виде показаний. Несмотря на имеющиеся в литературе замечания, что законодательные положения, которые можно было бы отнести к регулированию допроса в российском праве, формировались еще со времен Русской Правды, впервые упоминание какого-либо термина, синонимичного термину *допрос*, мы встречаем в судебных грамотах.

Согласно положениям Псковской судной грамоты, при разбирательстве дела о побоях или грабеже без прямых улик предписывалось опросить (допросить) потерпевшего, где его били и грабили³. В сохранившемся оригинале данного законодательного акта, в приведенной его части, используется слово *опроси*, которое, в силу созвучности произношения буквы *omega* с буквой *o* [28, с. 19–22], допустимо читать как [опроси], т.е. следует опросить потерпевшего. В целом термин *опрос* в русском языке синонимичен термину *допрос*, о чем уже указывалось. Исходя из контекста данного источника, опрос (как термин, предшествующий собственно допросу) необходимо понимать именно как процесс передачи сведений, некоторой информации о расследуемом событии опрашиваемыми лицами опрашивающим. В силу обозначенного опрос (допрос) в представлении древнерусского законодателя действительно имел лишь коммуникативный аспект.

Отметим, что в Псковской судной грамоте уже конкретизируется, что опрос (допрос) должен иметь цель – получение некоторой информации о месте побоев и грабежа. Источник уже предъявляет формальные требования к подобному коммуникативному взаимодействию через указание на случаи, при которых опрос может быть проведен в случае совершения грабежа или побоев без очевидных улик.

Собственно термин *допрос* встречается в Соборном уложении 1649 г.⁴ В данном источнике допрос, как и его предшественник – опрос, продолжает носить исключительно коммуникативный характер (именно вербальной коммуникации), т.к. Соборное уложение 1649 г. оперирует понятием *по допросу скажут*, а также в нем уже указывается, что поступающая на допросе информация от допрашиваемых лиц должна фиксироваться посредством «допросных речей» (пункты 112, 160, 172, 173). То есть законодатель продолжает формализовывать допрос как коммуникативное взаимодействие, внедряя при этом положение о том, что результат допроса формируется в виде фиксированных показаний.

Более ранние источники русского права не оперировали прямо термином *допрос* или непосредственно

³ Псковская судная грамота. Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина. URL: <https://www.prlib.ru/item/680611> (дата обращения: 26.11.2022).

⁴ Уложение. Группа «В». М.: Печатный двор, 1649. 339 л. URL: <https://www.prlib.ru/item/388750/> (дата обращения: 16.12.2022).

синонимичными терминами. Речь идет о Судебниках 1497⁵ и 1550⁶ гг. В них имеется упоминание терминов *пытка* или же *обыск*. Однако что касается термина *обыск*, то, как показывает анализ более поздних правовых актов, его содержательное значение отошло от термина *допрос*, на сегодняшний день в УПК РФ они обозначаются как два разноплановых следственных действия (статьи 182, 184, 187–191, 275–283 УПК РФ), которые имеют различную сущностную природу⁷. Допрос базово основан на коммуникативном, вербальном содержании, обыск – на поисковом, следственном, невербальном [8, с. 5]. Синонимами данные термины не являются, как и не синонимичен каждый из них слову *пытка*: общее понимание пытки с позиции лингвистики русского языка дается только через рассмотрение данного явления в качестве «насилия или истязания на допросе»⁸. Правовое понимание пытки отражено в источниках международного права, в российском законодательстве: оно не сводится лишь к пониманию ее как метода ведения допроса, но может равным образом применяться к способу ведения самого расследования целиком, а также к характеристике наказания. Данный вывод можно сделать на основе анализа ст. 1 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания⁹, примечания к ст. 117 УК РФ¹⁰, где пытка определяется достаточно широко как причинение физических и нравственных страданий в целях понуждения к даче показаний или иным действиям, противоречащим воле человека, а также в целях наказания либо в иных целях.

Становится понятным, что в первую очередь пытка выступает в качестве метода ведения допроса. В отечественном и международном праве характеристика пытки как метода допроса стоит на первом плане. Поэтому можно предположить, что во времена действия судебных кодексов российский законодатель начинает уделять внимание необходимости оказания воздействия на допросе с целью получения интересующей расследование информации, последний перестает иметь лишь коммуникативный аспект

приема-передачи некоторой информации о расследуемом событии. Однако доподлинное понимание соотношения пытки и допроса в правовом понимании тех лет, пожалуй, требует отдельного исследования, т. к. приведенные выше предположения основаны именно на ныне действующем праве и правовом понимании современного человека.

Наиболее явно то предположение о роли пытки, которое высказывалось в Судебниках 1497 и 1550 гг., прослеживается в артикулах Воинского устава Петра I¹¹. Так, артикул 158 Воинского устава явно проводит связь допроса с воздействием на допрашиваемых лиц. В данном артикуле указывается на возможность жестокого допроса, даже с применением пытки при необходимости. Отметим снова, что пытка фактически является своеобразным методом воздействия на психологический компонент лица, заставляющим последнего под действием испытываемых физических, нравственных и / или иных страданий подстраивать свою активность под волю пытающего. В рамках же настоящего исследования важно, что данный источник права отмечает постепенное развитие аспектов допроса, переводя его с чисто коммуникативного содержания в том числе в плоскость аспекта воздействия на допросе.

Дальнейшее развитие понимания допроса законодателем связано с трансформацией взглядов на него не только как на коммуникативный процесс или процесс воздействия, но и как на процесс особого восприятия следователем допрашиваемого лица, информации, от него поступающей. Так, следователь должен был обнаружить истину в словах допрашиваемого через тщательный расспрос, наблюдение связи слов допрашиваемого и его действий (ст. 1042, Т. XV, Кн. 2 Свода законов Российской империи¹²).

В более поздних источниках права Российской империи происходило регулирование, осмысление, а также принятие и развитие аспекта взаимодействия следователя с допрашиваемым, в частности, устанавливались обязанности вести допрос по допросным пунктам, возможность следователя задавать вопросы после свободного рассказа допрашиваемого

⁵ Судебник 1497 года. *Судебники XV–XVI веков*, под общ. ред. Б. Д. Грекова. М.-Л.: АН СССР, 1952. С. 17–29.

⁶ Судебник 1550 года. *Судебники XV–XVI веков*, под общ. ред. Б. Д. Грекова. М.-Л.: АН СССР, 1952. С. 133–177.

⁷ Уголовно-процессуальный кодекс РФ № 174-ФЗ от 18.12.2001 (ред. от 05.12.2022). *СЗ РФ*. 24.12.2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

⁸ Пытка. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. *Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений*. 4-е изд., доп. М.: А ТЕМП, 2006. С. 635.

⁹ Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (принята резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН № 39/46 от 10.12.1984). *Организации Объединенных Наций*. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/torture.shtml (дата обращения: 16.12.2022).

¹⁰ Уголовный кодекс РФ № 63-ФЗ от 13.06.1996 (ред. от 21.11.2022). *СЗ РФ*. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.

¹¹ Артикулы Воинского устава Петра I. *НЭБ*. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_005378519?page=1&rotate=0&theme=white/ (дата обращения: 16.12.2022).

¹² Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный: в 15 т. *НЭБ*. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003421516/ (дата обращения: 26.11.2022).

(статьи 71, 72, 161, 192, 258, 292 Устава уголовного судопроизводства Российской империи¹³). Законодатель также расширял пути передачи информации на допросе, коммуникативный аспект допроса рассматривался уже не просто как передача устной вербальной информации (ранее исключительно на устную вербальную информацию указывала необходимость фиксации допросных речей), но как передача информации по иным каналам. В частности, на это указывает то, что для получения показаний стало возможным на уровне закона привлекать лиц, сведущих в языке немых (ст. 411 Устава уголовного судопроизводства Российской империи), т. е. становится возможным получать от допрашиваемого информацию невербальную, передаваемую оптико-кинетической системой знаков. С другой стороны, при отходе от пытки законодатель, осознавая аспект воздействия на допросе, прибегал к его ограничению. Если обвиняемый отказывался отвечать на вопросы следователя, последний должен был изыскивать иные способы получения доказательств, а не «домогаться показаний» (ст. 406 Устава уголовного судопроизводства Российской империи), что буквально можно понимать как запрет на любое воздействие по преодолению установки на отказ от дачи показаний. Между тем аспекты допроса, уже ранее возникшие в законодательстве, не предаются законодателем в более совершенных поздних источниках права забвению, но проходят переосмысление, трансформацию.

В советское время законодатель перенимает положительный опыт правового регулирования допроса, берущий наследие с царских времен, хотя, как известно, и провозглашает отказ от имперского наследия. Развиваемые в законодательстве аспекты допроса (коммуникация, особенности социальной перцепции следователя в отношении допрашиваемого лица, выделенные аспекты воздействия и взаимодействия) позволяют считать, что в отечественной законодательной практике в XIX–XX вв. сформировалось прочное, становящееся традиционным рассмотрение сущности допроса как формализованного вида общения, урегулированного уголовно-процессуальным правом, с обязательной процедурой фиксации его результатов.

Если ранее законодатель закреплял аспект социальной перцепции на допросе таким образом, что следователь должен был наблюдать за словами и действиями допрашиваемого в целях установления истины показаний, то в советское время для реализации целей допроса следователь на законодательном уровне

обязан был выяснять необходимые сведения о личности допрашиваемого свидетеля (ст. 158 УПК РСФСР 1960 г.¹⁴). Представляется, что подобные положения закона призывали обращать внимание на важность изучения личности допрашиваемого для реализации целей допроса. Обязательным элементом допроса законодатель продолжает указывать необходимость фиксации результатов такого общения (статьи 133, 135, 138, 169, 173, 288, 289 УПК РСФСР 1922 г.¹⁵; статьи 152, 160 УПК РСФСР 1960 г. и др.). Допрос при этом остается взаимной коммуникацией относительно информации по обстоятельствам уголовного дела, взаимодействием участников уголовного процесса по фактической выработке и процессуальному закреплению показаний (статьи 141, 143, 168, 170, 290, 291 УПК РСФСР 1922 г.; статьи 74, 75, 158, 280, 283 УПК РСФСР 1960 г.). С точки зрения количества участвующих на допросе лиц, т. е. с позиций интерактивной его компоненты как общения, закон допускал присутствие различных участников процесса в ходе данного процессуального действия, например свидетелей с возможностью задавать им вопросы иными участниками, кроме следователя (ст. 117 УПК РСФСР 1922 г.). В более поздних редакциях возможность взаимодействия различных участников процесса на допросе в рамках предварительного расследования была ликвидирована, но коммуникативный и интерактивный аспекты допроса остались и на предварительном следствии, и в суде. У допрашиваемого лица сохранилась возможность задавать допрашиваемому вопросы, в некоторых случаях даже в момент свободного рассказа последнего, а также осталась возможность прервать свободный рассказ допрашиваемого в случае получения достаточных данных по делу (статьи 141, 143, 170, 290, 291 УПК РСФСР 1922 г.; статьи 74, 75, 158, 280, 283 УПК РСФСР 1960 г.).

Анализ современного правового регулирования допроса свидетельствует о его развитии в качестве формализованного общения, на что указывает определенный порядок коммуникативного взаимодействия на допросе (например, регулирование порядка возможности задавать вопросы, их очередность поступления от различных участников процесса), допустимость того или иного воздействия в ходе коммуникации (статьи 187, 189, 275, 277, 278 УПК РФ и др.). Также современный законодатель стремится расширять сферу правового регулирования допроса на цели данного своеобразного вида общения, отдельно обозначая цель допроса тех или иных участников уголовного процесса (ч. 1 ст. 282 УПК РФ и др.).

¹³ Судебные уставы 20 ноября 1864 года. Ч. 2. Устав уголовного судопроизводства. Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина. URL: <https://www.prlib.ru/item/372593/> (дата обращения: 16.12.2022).

¹⁴ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, утв. ВС РСФСР 27.10.1960 (первонач. ред.). Ведомости ВС РСФСР. 31.10.1960. № 40. Ст. 592.

¹⁵ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, утв. Постановлением ВЦИК от 25.05.1922. СУ РСФСР. 1922. № 20-21. Ст. 230.

Законодатель продолжает регулировать различные вербальные и невербальные формы коммуникации в ходе допроса. Так, информация на допросе может поступать не только в форме вербальной коммуникации, но и иными вариативными средствами невербальной коммуникации, рисунками, схемами и пр. (это находит отражение в положениях закона, например, ч. 5 ст. 190, ч. 2 ст. 275 УПК РФ).

Современный законодатель в действующем УПК РФ, в отличие от УПК РСФСР 1960 г., исключил такой аспект допроса, как познание личности допрашиваемого, т.е. из правового регулирования допроса как бы исключается перцептивный аспект общения, ныне не указывается на необходимость учета личности допрашиваемого. Можно предположить, что ранее действовавшее законодательство указывало на необходимость учета личности того же допрашиваемого свидетеля, т.к., во-первых, криминалистами отмечается, что важным слагаемым успешного тактического воздействия в ходе допроса является применение тактических приемов с учетом личности допрашиваемого, во-вторых, психологами указывается на успешность реализации цели любого вида общения при надлежащем учете личности партнера по общению [23, с. 13; 29, с. 149]. Допустимо, конечно, возражение, что фактически какой-либо характеризующий материал относительно личности того же свидетеля сам по себе не касается уголовно-процессуальной стороны расследуемого преступления, поэтому на практике не будет отражен в уголовном деле, соответственно, указывать на учет личности в ходе допроса в уголовно-процессуальном законе нет необходимости, такой учет может просто остаться в рамках криминалистических рекомендаций.

В то же время в литературе отмечается, что нормы, указывающие на необходимость того или иного должного поведения, даже если иное правовое регулирование деятельности субъекта, подпадающего под действие данных норм, не дает возможности реализовать в полном объеме требуемую от него меру поведения, все равно на практике дают такому субъекту установку вести себя именно подобным образом, а такой субъект будет стремиться гармонизировать свое поведение с данной установкой, даже если процедуры реализации такого поведения будут иметь пробелы [6, с. 59]. Если это так, то даже положение закона, на первый взгляд кажущееся совершенно не реализуемым на практике в поведении того или иного субъекта, будет иметь определенный результат, т.к. правовые предписания настраивают субъекта правоотношения вести себя определенным образом.

Отдельно отметим, что сами по себе положения криминалистической тактики, не закрепленные в законе, хоть и являются наиболее оптимальным вариантом поведения в ходе проведения следственных действий,

не являются обязательными, а потому практики могут стремиться ими пренебречь [30, с. 73]. Так, если какое-либо положение криминалистической тактики является достаточно оптимальным, его стоит законодательно закреплять. Аспект перцепции при допросе, конечно, стоит отражать в формальных источниках уголовно-процессуального права, т.к. это сущностный аспект общения, аспект в общении по познанию партнера по общению, что, как уже отмечалось, является залогом любого успешного общения. Здесь также можно отметить, что законодательство других стран предусматривает обязательный учет личности того или иного допрашиваемого. Например, § 92 (1) УПК Чехии предусматривает необходимость учета личности обвиняемого при его допросе [31, с. 71]. Анализ же фактического применения данного положения чешского уголовно-процессуального закона, эффективность данного законоположения и практическая значимость такого положения требуют отдельных исследований.

При этом на сегодняшний день допрос, согласно позиции законодателя, направлен на введение в уголовное дело показаний, т.к. они появляются именно в ходе допроса как вид доказательств (ст. 76, ч. 1 ст. 77, ч. 1 ст. 78, ч. 1 ст. 79, части 2, 4 ст. 80 УПК РФ). Очная ставка, проверка показаний на месте, опознание не направлены на введение показаний в уголовное дело, предназначены для проверки полученных показаний, их уточнения, подтверждения или опровержения в результате проведения указанных следственных действий, но не на получение принципиально новых показаний (ч. 1 ст. 192, ч. 2 ст. 193, ч. 1 ст. 194 УПК РФ).

Заключение

Развитие представления о допросе в формальных источниках права идет по пути рассмотрения сущности допроса в качестве формализованного общения, что выражается в постепенном внедрении в правовое регулирование различных аспектов допроса как общения: начиная регулированием только коммуникативного аспекта на ранних этапах развития процессуальной формы допроса, в дальнейшем развиваясь в сторону регулирования иных аспектов допроса как общения (интерактивный и перцептивный аспекты). В данном направлении, как представляется, будет дальнейшее развитие допроса в праве. При этом допрос в правовых источниках развивается не только как межличностное общение, периодически законодатель внедряет возможность группового общения в ходе допроса (не только в ходе судебного следствия, но и в рамках предварительного расследования), также допрос не рассматривается как сугубо вербальное общение даже в плане получения доказательственной информации (на что указывает возможность приобще-

ния рисунков, схем к протоколу допроса; возможность допроса лиц, которые ограничены в передаче вербальной информации). Обозначенное понимание допроса может способствовать более полному его изучению, вне рамок рассмотрения допроса только как способа воздействия, коммуникации (получения информации), но также как взаимного воздействия допрашивающего и допрашиваемого друг на друга.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Саидов А. Х. Сравнительное правоведение. М.: Норма; ИНФРА-М, 2021. 320 с. [Saidov A. Kh. *Comparative law*. Moscow: Norma; Infra-M, 2021, 320. (In Russ.)]
2. Головки Л. В. Исторические формы (модели) уголовного процесса. *Курс уголовного процесса*, под ред. Л. В. Головки. 3-е изд., испр. и доп. М.: Статут, 2021. С. 129–144. [Golovko L. V. Historical forms (models) of the criminal process. *Criminal procedure*, ed. Golovko L. V. 3rd ed. Moscow: Statut, 2021, 129–144. (In Russ.)]
3. Смирнов А. В. Модели уголовного процесса. СПб.: Наука; Альфа, 2000. 224. [Smimov A. V. *Criminal procedure models*. St. Petersburg: Nauka; Alfa, 2000, 224. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/wohgfp>
4. Стойко Н. Г. Уголовный процесс западных государств и России: сравнительное теоретико-правовое исследование англо-американской и романо-германской правовых систем. СПб.: СПбГУ, 2006. 264 с. [Stoyko N. G. *Criminal procedures in Western states and Russia: a comparative theoretical and legal study of the Anglo-American and Romano-German legal systems*. St. Petersburg: SPbSU, 2006, 264. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qxjzjcj>
5. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1: Основные положения науки советского уголовного процесса. М.: Наука, 1968. 470 с. [Strogovich M. S. *Soviet criminal procedure. Vol. 1. Summary of the Soviet science of criminal proceedings*. Moscow: Nauka, 1968, 470. (In Russ.)]
6. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. 4-е изд. СПб.: Типография т-ва «Общественная польза», 1912. Т. 1. 597 с. [Foinitskiy I. Ya. *Criminal procedure*. 4th ed. St. Petersburg: Tipografiia t-va "Obschestvennaia polza", 1912, vol 1, 597. (In Russ.)]
7. Кустов А. М., Лапин В. О. Современная криминалистическая практика и наука (конец XX в. – начало XXI в.). М.: Юрлитинформ, 2021. Т. 2. 328 с. [Kustov A. M., Lapin V. O. *Modern criminalistic practice and science in the late XX – early XXI centuries*. Moscow: Iurlitinform, 2021, vol. 2, 328. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/segwha>
8. Ахмедшин Р. Л. Тактика коммуникативных следственных действий. Томск: ТГУ, 2014. 294 с. [Akhmedshin R. L. *Tactics of communicative investigative actions*. Tomsk: TSU, 2014, 294. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/yfntz>
9. Петров Ю. А. Теория познания: научно-практическое значение. М.: Мысль, 1988. 144 с. [Petrov Yu. A. *Epistemology: scientific and practical value*. Moscow: Mysl, 1988, 144. (In Russ.)]
10. Кривошеин И. Т. Теоретические и прикладные проблемы допроса обвиняемого. Томск: ТГУ, 2001. 114 с. [Krivoshain I. T. *Theoretical and practical issues of interrogation*. Tomsk: TSU, 2001, 114. (In Russ.)]
11. Якимов И. Н., Михеев П. П. Допрос: практическое пособие для допрашивающих. 2-ое изд., просмотр. и доп. М.: НКВД, 1930. 84 с. [Iakimov I. N., Mikheev P. P. *Interrogation: a practical manual for interviewers*. 2nd ed. Moscow: NKVD, 1930, 84. (In Russ.)]
12. Баев О. Я. Тактика следственных действий. Воронеж: МОДЭК, 1995. 224 с. [Baev O. Ya. *Tactics of investigation procedures*. Voronezh: MODEK, 1995, 224. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/sndabt>
13. Криминалистика, под ред. Р. С. Белкина. М.: Юрид. лит., 1986. 544 с. [*Criminalistics*, ed. Belkin R. S. Moscow: Iurid. lit., 1986, 544. (In Russ.)]
14. Васильев А. Н., Карнеева Л. М. Тактика допроса на предварительном следствии. М.: Юрид. лит., 1970. 208 с. [Vasilev A. N., Karneeva L. M. *Pretrial interview tactics*. Moscow: Iurid. lit., 1970, 208. (In Russ.)]
15. Порубов Н. И. Научные основы допроса на предварительном следствии. 3-е изд., перераб. Мн.: Выш. школа, 1978. 176 с. [Porubov N. I. *Scientific basis of preliminary interview*. 3rd ed. Minsk: Vysh. shkola, 1978, 176. (In Russ.)]
16. Криминалистика, отв. ред. С. А. Голунский. М.: Госюриздат, 1959. 512 с. [*Criminalistics*, ed. Golunskii S. A. Moscow: Gosjurizdat, 1959, 512. (In Russ.)]
17. Уголовный процесс, ред. О. А. Андреевой, А. Д. Назарова, Н. Г. Стойко, А. Г. Тузова. Ростов н/Д.: Феникс, 2015. 446 с. [*Criminal proceedings*, eds. Andreeva O. A., Nazarov A. D., Stoyko N. G., Tuzov A. G. Rostov-on-Don: Feniks, 2015, 446. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/tmkcvz>

18. Дулов А. В. Судебная психология. 2-е изд., испр. и доп. Мн.: Выш. школа, 1975. 464 с. [Dulov A. V. *Judicial psychology*. 2nd ed. Minsk: Vysh. shkola, 1975, 464. (In Russ.)]
19. Васильев В. Л. Юридическая психология. 6-е изд. СПб.: Питер, 2009. 608 с. [Vasilev V. L. *Legal psychology*. 6th ed. St. Petersburg: Piter, 2009, 608. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qxvncj>
20. Топольская Т. А. О понятии «диалог» в психологических исследованиях общения и консультативной практики. Часть I. *Консультативная психология и психотерапия*. 2011. № 4. С. 69–90. [Topol'skaja T. A. The concept of "dialogue" in psychological research of communication and the consultative practice. Part I. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya*, 2011, (4): 69–90. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/rnaypz>
21. Чуфаровский Ю. Ф. Юридическая психология. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2015. 480 с. [Chufarovskii Ju. F. *Legal psychology*. 3rd ed. Moscow: Prospekt, 2015, 480. (In Russ.)]
22. Юридическая психология, под науч. ред. О. Д. Ситковской. М.: Юрлитинформ, 2011. 470 с. [*Legal psychology*, ed. Sitkovskaya O. D. Moscow: Iurlitinform, 2011, 470. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qydaeh>
23. Душкина М. Р. Психология влияния в социальных коммуникациях: психологическое воздействие – методы и технологии. М.: Юрайт, 2020. 213 с. [Dushkina M. R. *Psychology of influence in social communications: psychological impact – methods and technologies*. Moscow: Iurait, 2020, 213. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/lpepyo>
24. Стельмах В. Ю. Некоторые вопросы участия свидетеля в уголовном судопроизводстве. *Уголовное право*. 2018. № 5. С. 107–113. [Stelmakh V. Yu. Certain issues of participation a witness in criminal proceedings. *Ugolovnoe pravo*, 2018, (5): 107–113. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/asephl>
25. Новиков С. А. Показания обвиняемого в современном уголовном процессе России. СПб.: СПбГУ, 2004. 239 с. [Novikov S. A. *Testimony of the accused in the modern criminal process of Russia*. St. Petersburg: SPbSU, 2004, 239. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qvxgfd>
26. Еникеев М. И. Основы общей и юридической психологии. М.: Юрист, 1996. 631 с. [Enikeev M. I. *Fundamentals of general and legal psychology*. Moscow: Iurist, 1996, 631. (In Russ.)]
27. Савельева М. В., Смушкин А. Б. Следственные действия. М.: Юрайт, 2017. 293 с. [Saveleva M. V., Smushkin A. B. *Investigative actions*. Moscow: Iurait, 2017, 293. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/zslclr>
28. Афанасьева Н. Е. Учебник церковнославянского языка. Долгопрудный: Издатель А. Б. Гоняйкин, 2018. 272 с. [Afanaseva N. E. *The textbook of the Church Slavonic language*. Dolgoprudny: Izdatel A. B. Goniaikin, 2018, 272. (In Russ.)]
29. Криминалистика. Т. 4. Криминалистическая тактика, общ. ред. И. В. Александрова; отв. ред. И. М. Комаров. М.: Юрайт, 2019. 179 с. [*Criminalistics. Vol. 4. Forensic tactics*, eds. Aleksandrov I. V., Komarov I. M. Moscow: Iurait, 2019, 179. (In Russ.)]
30. Ахмедшин Р. Л. Тактика поисковых следственных действий. М.: Юрлитинформ, 2016. 344 с. [Akhmedshin R. L. *Tactics of search investigative actions*. Moscow: Iurlitinform, 2016, 344. (In Russ.)]
31. Майорова Л. В. Уголовно-процессуальное законодательство Чешской республики. Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 1999. 107 с. [Maigrova L. V. *Criminal procedure legislation in the Czech Republic*. Krasnoyarsk: KSU, 1999, 107. (In Russ.)]

Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки =
Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences

Контакты для сотрудничества

Морозова Ирина Станиславовна, главный редактор, КемГУ;
ishmorozova@yandex.ru

Трезубов Егор Сергеевич, зам. главного редактора
по направлению «Право», КемГУ; egortrezubov@mail.ru

Печёнкина Екатерина Андреевна, ответственный секретарь,
КемГУ; j.juredu@yandex.ru

Contacts for co-operation:

Irina S. Morozova, Editor-in-Chief, Kemerovo State
University; ishmorozova@yandex.ru

Egor S. Trezubov, Deputy Editor-in-Chief in the direction
of Law, Kemerovo State University; egortrezubov@mail.ru

Ekaterina A. Pechenkina, Executive Secretary, Kemerovo State
University; j.juredu@yandex.ru

Литературный редактор – Екатерина Андреевна Печёнкина.

Корректоры – Екатерина Андреевна Печёнкина,

Людмила Семеновна Старикова.

Литературный редактор (английский язык) –

Надежда Владимировна Рабкина.

Верстка и дизайн – Наталья Викторовна Митько.

Literary editor – Ekaterina A. Pechenkina.

Proof-readers – Luydmila S. Starikova, Luydmila S. Starikova.

Literary editor (Eng.) – Nadezhda V. Rabkina.

Layout and design – Natalia V. Mitko.

Подписано к печати 22.09.2023.

Дата выхода в свет 03.10.2023.

Печать офсетная. Бумага Sveto Copy. Формат А4.

Усл. печ. л. – 14,88. Уч.-изд. л. – 15.

Тираж 500 экз.

Цена свободная.

Адрес типографии: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, пр. Советский, 73.

vestnik-hss.kemstu.ru

